

Р 41
Г 83

В. Григорович

Славянские наречия

11)

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,

P 41
Г 83

ЛЕКЦІИ

Профессора В. П. ГРИГОРОВИЧА.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

6 2

Кіровоградська обласна
бібліотека імені
Д. І. Чижевського
ИНВ № 980644

P 0

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИХАИЛА ЗЕМКЕВИЧА.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1884.

П. Арнольдс № 11.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 17 Мая 1884 г.

111

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,
Лекціи профессора В. И. Григоровича,
читашья въ Новороссійскомъ Уннверситетѣ.

При изученіи славянскихъ нарѣчій, какъ и при изученіи древнихъ языковъ, необходимо предложить себѣ вопросъ: какимъ образомъ можно лучше изучить ихъ: какой методъ скорѣе приведетъ къ желанной цѣли?

Не вдаваясь въ многосложныя разсужденія, скажемъ предварительно то, что въ настоящее время дознано и оправдано опытомъ, что основательно можно изучить языкъ только путемъ сравнительнымъ, въ связи съ другими сродными ему языками. Слѣдовательно, и славянскія нарѣчія должно изучать сравнительно. Но едва ли можетъ существовать въ настоящее время такое изученіе славянскихъ нарѣчій, какого требуетъ сравнительная грамматика; для него потребно еще много времени и специальныхъ изученій. Главною же цѣлью моего преподаванія будетъ—показать посредствомъ аналогіи, въ какой степени каждое изъ этихъ нарѣчій подходитъ къ своему первообразу, и потому я свой методъ преподаванія не рѣшаюсь назвать сравнительнымъ, а назову просто *аналогическимъ* по отношенію къ языку црк.-славянскому. Этотъ языкъ будетъ служить намъ тою нормальною единицею, съ которою мы будемъ сравнивать всѣ славянскія нарѣчія.

По этой причинѣ, прежде нежели приступимъ къ обзорнѣю нарѣчій славянскихъ, мы должны будемъ рассмотретьъ характеристическія стороны црк.-славянскаго языка относительно фонетики и флексій, а уже потомъ, получивши, такъ сказать, основанія для изученія славянскихъ нарѣчій, рассмотримъ, какъ относятся эти характеристическія стороны ц.-славянскаго языка къ такимъ же сторонамъ

каждаго, отдѣльно взятаго нарѣчія. И такъ обратимся къ языку ц.-славянскому. Прежде однако, чѣмъ буду говорить о языкѣ, излишнимъ считаю сдѣлать нѣсколько замѣчаній о самихъ народахъ, говорящихъ нарѣчіями языка славянскаго.

Вглядываясь въ этнографическую карту Европы, мы увидимъ, какое огромное пространство, даже и въ настоящее время, занимаютъ Славяне. Не говоря уже объ Австріи, гдѣ около 18 м. Славянъ, и о Турціи, гдѣ ихъ около 8 или 9 м. ¹⁾, даже и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы и не воображали ихъ видѣть, встрѣчаются Славяне.

И дѣйствительно, Славяне были аборигенами, коренными жителями Европы, куда съ незапамятныхъ временъ пришли они, какъ думаютъ, изъ Азіи и заняли все то пространство, которое занимаютъ они и нынѣ. Ихъ земли простирались отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Адриатическаго и отъ Волги до Эльбы. Сначала они составляли одно племя и говорили однимъ общимъ языкомъ; но вскорѣ, вслѣдствіе огромности и разнохарактерности занимаемаго ими пространства, они раздѣлились на многія племена. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого раздѣленія было образованіе отдѣльныхъ во многомъ не схожихъ одно съ другимъ нарѣчій.

Я постараюсь теперь раздѣливъ, или лучше сказать, подведши всѣ славянскія племена подъ отдѣльныя группы, показать мѣсто, занимаемое каждою группою, дѣлаю же это для того, чтобы можно было дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, гдѣ говорятъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ? По отношенію къ этому замѣчательно сочиненіе чешскаго ученаго *П. І. Шафарика* (*Slovansky paradopis*), который составилъ также и этнографическую карту Славянъ; достойны вниманія также труды нашихъ ученыхъ: Бодянскаго, Срезневскаго, Майкова и др. Я дѣлю всѣ племена на 7 группъ:

1-ая группа—*Русское племя.*

¹⁾ Въ 1865 г.

2-ая группа — *Польское* или *Ляцкое* племя. Земли, занимаемая этими племенами, думаю, каждому известны.

3-ья группа — *Лужицкое* или *Полабское* племя. Племя это составляли прежде *Оботриты*, *Лютики* и *Сербы*. Народы эти жили по берегамъ Эльбы, которая по славянски называется Лабою, отчего и племена, здѣсь жившія, назывались полабскими. Въ XII и XIII вв. Нѣмцы начали образоватъ здѣсь *марки*, вслѣдствіе чего эта мѣстность стала опѣмечиваться, и въ настоящее время на мѣстахъ, занимаемыхъ прежде единственно Славянами, находятся нѣмецкія земли. Главный народъ въ этой группѣ это — *Лужицане*, на границахъ нынѣшней Пруссіи и Саксоніи, отъ которыхъ получила названіе и самая группа. Нѣмецкія земли, находящіяся на мѣстѣ прежнихъ славянскихъ, слѣдующія: курфиршество Бранденбургское, что нынѣ съ другими землями, Королевство Прусское, Мекленбургскія герцогства (Шверинъ и Стрелицъ) королевство Саксонское и Ангальтъ Цербстъ.

4-ая группа — племя *Чехо-моравское*. Оно живетъ на югъ отъ полабскаго племени и простирается отъ земель русскихъ до Баваріи. Прежде княжество Моравское было довольно знаменито. Князья Ростиславъ и Святополкъ составляютъ блестящую страницу его исторіи; въ IX столѣтїи оно даже имѣло свой центръ богослуженія. Много потерпѣло княжество Моравское особенно отъ Угровъ и императоровъ Германскихъ. Арнульфъ отнялъ у Славянъ лучшія земли; но главное зло принесли Венгры или Угры, которые пришли въ IX ст. и заняли земли Славянскія, гдѣ и основали королевство Венгерское. Къ Чехо-моравскому племени принадлежатъ еще *Чехи*, которые занимаютъ Богемію. Прежде на этомъ мѣстѣ жили Бои и мѣстность эта называлась *Bojaheim*.

5-ая группа — племя *Болгарское*. Болгаре жили не только между Дунаемъ и Балканами, но и на югъ отъ Балканъ, до Адриатическаго моря. Они занимали прежде часть Турціи — всю Македонію и Эпиръ, здѣсь они живутъ частію и нынѣ. Но, что всего удивительнѣе, славянскія ко-

лоніи были въ Эладѣ и Пелопонезѣ, но впослѣдствіи, впрочемъ пчезли. Болгаре въ XII ст. играли довольно значительную роль въ исторіи.

6-ая группа—племя *Сербо-хорватское*. Въ VII в., за рѣкою Тимоконъ, является племя, котораго происхождение довольно загадочно. Эти племена занимаютъ *Верхнюю Мизию* (Moesia superior), *Далмацію*, *Сѣверную Македонію*, земли къ сѣверу отъ Дуная по рѣкамъ Дравѣ и Савѣ и на юго-западъ до Адриатическаго моря. Къ этому племени относятся, кромѣ собственно-*Сербовъ* и *Кроатовъ* (Хорватовъ): *Босняки* къ западу отъ Сербовъ по рѣкѣ Боснѣ, *Черногорцы* — южнѣе и *Герцоговинцы* — въ Герцоговинѣ.

7-ая группа—племя *Хорутанское*; оно занимаетъ такъ называемую *Plaga Slavonica*, пменно земли: *Каринтію*, древнія—*Noricum* и *Ванделицію*, нынѣшній *Штейермаркъ*, и имѣло мѣстныя названія *Горанъ*, *Доленцевъ* и *Словенъ*. Съ V в. они составляли княжество, но съ IX стол. лишились политической самостоятельности.

Основаніемъ для такого дѣленія я беру главныя славянскія нарѣчія, которыхъ, слѣдовательно, не считая ц.-славянскаго языка, я принимаю 7, а именно:

- 1) Языкъ болгарскій съ мѣстными своими говорами.
- 2) Яз. сербскій съ хорватскимъ и другими нарѣчіями.
- 3) Яз. польскій.
- 4) Яз. чешскій съ нарѣчіями Мораванъ и Словаковъ.
- 5) Яз. хорутанскій.
- 6) Нарѣчія верхнее и нижнее яз. лужицкаго.
- 7) Русскій языкъ съ тремя главными нарѣчіями: великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ и мѣстными говорами.

Другіе ученые дѣлятъ совершенно различно. Шафарикъ насчитываетъ до 12. Тѣ же 4 нарѣчія, которыя Шафарикъ считалъ отдѣльными языками, я соединяю съ другими и буду говорить о нихъ, какъ объ уклоненіяхъ отъ извѣстнаго нарѣчія. Да, правду сказать, дѣленіе славянскихъ нарѣчій всегда болѣе или менѣе бываетъ неудачно, такъ что общихъ, коренныхъ правилъ для какого нибудь

отдѣльнаго нарѣчія постановить нельзя, — такъ связаны между собою все языки, корнемъ которыхъ служитъ языкъ ц.-славянскій.

Добровскій дѣлитъ ихъ на 2 отдѣла: къ 1-му причисляетъ онъ нарѣчія сѣверно-восточныя, ко 2-му — югозападныя; цѣлю такого дѣленія было то, что Добровскому нужно было показать, къ какому отдѣлу ц.-славянскій яз. подходитъ болѣе и отъ какого удаляется.

Бывшій профессоръ Кіевскаго Университета *Максимовичъ*, не столько по отношенію къ отдѣльнымъ языкамъ, сколько для того, чтобы показать самостоятельность русскаго языка, предлагаетъ дѣлить славянскія нарѣчія на три слѣдующія группы:

<i>Восточная группа:</i>	<i>Южная группа:</i>	<i>Западная группа:</i>
Русскій языкъ и его нарѣчія.	Языки: болгарскій, сербскій и хорутанскій.	Чехи, Поляки и Лужичане.
Полногласіе въ сравненіи съ ц.-сл.	ръ, лъ; лъ вокал. въ сербск. = о, у	щ(шт) = ц
градъ — <i>городъ</i>	прѣсть — носіо	нощъ — пос.
хладъ — <i>холодъ</i>	влькъ — <i>вукъ</i>	
глава — <i>голова</i> .	ѣ у Сербовъ и у Болгаръ шт.	

I. Церковно-славянскій языкъ.

Церковно-славянскій языкъ не есть какое нибудь живое нарѣчіе, какъ прочія ему сродныя нарѣчія; имъ не говоритъ ни одно славянское племя; онъ сохранился для насъ только въ древнихъ рукописныхъ памятникахъ, въ книгахъ Священнаго писанія.

Можно думать, что этотъ языкъ былъ нѣкогда однимъ изъ нарѣчій юго-восточной отрасли, на которое намъ славянскіе апостолы св. Кириллъ и Меѳодій перевели съ греч. Св. Писаніе; поэтому очень естественно предполагать, что ц.-слав. языкъ былъ когда-то языкомъ живымъ, разговор-

нымъ; но, поставленный на степень письменнаго языка, отнюдь, впрочемъ, не литературнаго, онъ не могъ подвергнуться тому развитію, какому подвергались соплеменные ему нарѣчія. Благодаря, конечно, этому несовершенному развитію, онъ удержалъ въ себѣ большую часть древнихъ формъ какъ въ производствѣ, такъ и въ измѣненіяхъ словъ (въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) и притомъ удержалъ вполнѣ, въ цѣлости; между тѣмъ какъ въ другихъ, живыхъ нарѣчіяхъ тѣже самыя формы, хотя и существуютъ, но неполныя, измѣненныя, частью даже какъ архаизмы.

Обратимся теперь къ этимъ формамъ, и остановимся сначала на фонетикѣ, а потомъ перейдемъ къ флексіямъ. Оставляя въ сторонѣ объясненіе происхожденія каждаго звука, обратимся лучше къ тѣмъ особенностямъ, которыя, метаморфозируясь въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, требуютъ большаго поясненія.

Первую особенность, характеристическую черту ц.-сл. языка, а оттуда и нашего отечественнаго, составляютъ два знака, на которые мы смотримъ совершенно равнодушно, между тѣмъ какъ они играютъ если не первую, такъ и не послѣднюю роль во всѣхъ отрасляхъ славянскаго языка: я говорю объ ѣ и ѣ. По мнѣнію нашихъ русскихъ грамматиковъ, первый знакъ придаетъ твердость предшествующей ему согласной; напротивъ того ѣ смягчаетъ ее. Слѣдовательно, первый знакъ ѣ совершенно не нуженъ; конечная согласная и безъ его присутствія будетъ произноситься твердо, между тѣмъ какъ ѣ показываетъ смягченіе. Но всматриваясь въ древнія рукописи, мы увидимъ, что оба они такъ нужны и, что еще удивительнѣе, оба они заступаютъ мѣсто звуковъ, т. е. имъ могутъ соответствовать гласные. Что ѣ и ѣ были не напрасны и притомъ были гласными, это доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ словахъ, гдѣ въ ц.-сл. языкѣ входятъ ѣ и ѣ, оба эти звука въ другихъ нарѣчіяхъ переходятъ въ гласные,

вокализуются. Въ примѣръ возьмемъ хоть нашъ русскій языкъ: мы говоримъ, напр., *волкъ, день*, хотя въ древне-славянскомъ языкѣ писалось *вѣкъ, днь*. Сравненіе же этихъ двухъ словъ и цѣлаго ряда подобныхъ имъ съ соответствующими имъ словами другихъ индоевропейскихъ языковъ и славянскихъ нарѣчій покажетъ намъ ясно, что *ѣ* и *ь* были ничто иное, какъ краткія *ä, ī, ū*.

ц. слов. вѣкъ	готск. <i>wulfs</i>	ц.-слав. мъногъ
русск. волкъ	латинск. <i>lupus</i>	древне-нѣм. <i>managas</i>
греческ. <i>λύκος</i>	сербск. <i>вук</i>	нынѣшнее <i>Menge</i> ;

ц.-слав. **днь** — латинск. *dies*; ц.-слав. **огнь** — литовск. *agnis* — лат. *ignis*.

Эти звуки *ѣ* и *ь* профессоръ С.-Петербургскаго Университета Г. Срезневскій называетъ *глухими* гласными, но, кажется, гораздо правильнѣе назвать ихъ гласными *короткими*, и потому, при встрѣчѣ съ ними, нужно стараться самымъ произношеніемъ дать замѣтить ихъ присутствіе; такъ дѣхнж надобно выговаривать *дѣхнж*. Произношеніе краткихъ гласныхъ *ѣ* и *ь* рано начало дѣлаться глухимъ, эти звуки начали смѣшиваться одинъ съ другимъ и на концѣ словъ, и въ началѣ. Такъ вмѣсто *дѣхнжъ* писали *дѣхнжтъ*.

Вслѣдъ за этими двумя краткими звуками мы должны обратить вниманіе на слѣдующіе два знака *ж* и *ѡ*. Оба они употреблялись въ древнѣйшихъ рукописяхъ славянскихъ; въ старинныхъ букваряхъ назывались обыкновенно *юсами* и выговаривались первый за *у*, второй за *я*. Но алфавитъ славянскій составленъ, навѣрное, какъ нельзя лучше, согласно требованіямъ самого языка и потому очень естественно предложить вопросъ такого рода: если мы знаки *з* и *оу* произносимъ какъ *у*, а *ѡ* какъ *я*, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было прибавлять еще *ж* и *ѡ*? Такой вопросъ нельзя рѣшить иначе, какъ предположеніемъ, что *ж* и *ѡ* служили для выраженія не *у* и *я*, а какихъ-то другихъ звуковъ. Но какихъ же именно? Этотъ вопросъ случайно рѣшенъ А. Х. Востоковымъ: разбирая Остромирово Евангеліе, онъ замѣтилъ, что тѣмъ словамъ, въ которыхъ

находятся буквы ж и л, соответствовали такія же польскія съ гласными носовыми, такъ что ж = a (произносится какъ французское en), а л = e (франц. in); такъ напр. ц.-слав. голжѣ отвѣчаетъ польское gołab' сватъ—*święty*. Точно также въ словахъ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ языковъ звукамъ ж и л соответствуютъ твердые или мягкіе гласные, соединенные съ звукомъ м или н, напр. ж-догъ вѣм. kundig, голжѣ лат. columba, жгълъ лат. angulus, нма лат. nomen, пласати готск. plinsian, патъ санскр. и зендское рап̄сак, греч. πέντε, сентябрь лат. september. Такое свойство звуковъ ж и л, т. е. носовое произношеніе, называется *ринезмомъ*; въ одномъ изъ старинныхъ памятниковъ эти звуки названы *гушвиыми*.

Послѣ юсовъ обращаютъ на себя вниманіе ѣ. Самое древнее начертаніе этой буквы есть ѣи; но ѣ встрѣчается уже въ Остроміров. Евангелии; наконецъ у Сербовъ и Русскихъ оно получило начертаніе ѣ. Вѣроятно, этотъ звукъ прежде имѣлъ произношеніе *дифтонгическое*, двугласное, какъ можно догадываться 1) изъ его стариннаго произношенія, 2) изъ сличенія словъ, встрѣчающихся въ древнихъ рукописяхъ, съ настоящими. Такъ, въ фрейзингенскомъ кодексѣ, одномъ изъ памятниковъ хорутанской письменности, писанномъ латинскимъ шрифтомъ, есть слово *mito*, отвѣчающее ц.-слав. мыто; у Константина Порфиророднаго имя „Вышеславъ“ написано „Βοισεσβλαβος“. Полное прилагательное образовалось посредствомъ прибавленія къ усѣченному окончанію мѣстоименія и; нынѣшнее прилагательное „добрый“ прежде писалось *добрѣи*, и при произношеніи этого окончанія мы слышимъ какой-то невнятный, дифтонгическій звукъ.

Изъ гласныхъ буквъ остается теперь сказать объ одномъ ѣ. Извѣстно, что у насъ ѣ и е смѣшались въ произношеніи, такъ что самые грамматикі русскіе утверждаютъ, что между тѣмъ и другимъ звукомъ нѣтъ никакой разницы. Въ старину же было напротивъ: тогда ѣ и е отличались строго одно отъ другаго. Тамъ, гдѣ мы нынѣ встрѣчаемъ ѣ, какъ будто бы не на мѣстѣ, напр. въ сло-

вахъ нѣсе, мѣтко и др., видимъ при подробномъ разборѣ и при сличеніи ц.-слав. словъ съ соотвѣтствующими словами, заимствованными изъ другаго какого либо кореннаго языка, что это ѣ тутъ необходимо. Для употребленія звука ѣ можно даже поставить такое правило, что этотъ звукъ употребляли встарь вездѣ, гдѣ только въ другихъ языкахъ соотвѣтствуетъ ему дифтонгическій звукъ ai. Примеры для сравненія: ц.-слав. хлѣбъ—готск. hlaibs—шотл. laif—эст. laib, ц.-слав. снѣгъ—готск. snavis, ц.-слав. мѣна—литовск. maina, ц.-слав. вѣщаѣж—литовск. baicsau, ц.-слав. дѣлити—нѣм. theilen. Что дѣйствительно ѣ состоитъ изъ звуковъ a и i доказывается и тѣмъ еще, что въ извѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ ѣ переходитъ въ одинъ изъ своихъ элементовъ a или i; такъ ц.-слав. бѣда, вѣра соотвѣтствуютъ въ чешскомъ и малороссійскомъ bida, wira, въ польск. biada, wiaga. Э оборотнаго нѣтъ въ ц.-слав. языкѣ; ему соотвѣтствовало є, а нашему e іотированному—знакъ ю. Знакъ ѿ введенъ въ позднѣйшее время.

Вотъ все, что считаю нужнымъ замѣтить о гласныхъ. Перехожу теперь къ согласнымъ звукамъ, преимущественно къ такимъ, которыхъ познаніе намъ будетъ полезно при аналогизированіи славянскихъ нарѣчій. Изъ такихъ звуковъ прежде всего скажемъ о щ. Этого звука нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ языкѣ; онъ принадлежитъ исключительно Славянамъ; впрочемъ и въ славянскомъ языкѣ сначала, вѣроятно, его не было, а вмѣсто него употреблялось соединеніе двухъ звуковъ ш и т, и въ древнихъ рукописяхъ, особенно глаголитскихъ, вездѣ шт стоитъ вмѣсто щ. Кромѣ того въ болгарскомъ языкѣ, который болѣе всѣхъ приближается по произношенію къ древ.-слав., звукъ щ=шт; это ясно показываетъ, что древне-славянскій языкъ не зналъ нашего звука щ. Главный элементъ этого звука есть т, какъ видно изъ словъ: смущать = мѣтити, щадить = штадити. Здѣсь т переходитъ въ шт; равнымъ образомъ д переходитъ въ жд. Это превращеніе т въ шт и д въ жд я называю *іотированіемъ* или *смяченіемъ*; т. е. ш и ж здѣсь ничто иное, какъ jota (j). Для j въ ц.-слав. языкѣ

нѣтъ особеннаго знака; но если мы прослѣдимъ по древнимъ рукописямъ все его различныя метаморфозы, т. е. какими именно буквами она выражается, то увидимъ, что это $j = ш, з, ж$ въ комбинаціяхъ *шт, дз, жд*. И такъ теперь не странно будетъ видѣть, что *щ* или *шт = тј*. Доказательствомъ того, что славянскій языкъ не имѣлъ сначала *щ* служить еще и то, что въ нынѣшнемъ сербскомъ, болгарскомъ и чешскомъ яз. какъ скоро попадаетея какое нибудь древнее слово, то въ немъ никогда не слышится звука *щ*, а всегда *шт*; такъ Сербъ, Чехъ и Болгаринъ всегда скажутъ *штука*, а не *щука*.

Звукъ *жд* составляетъ характеристическій признакъ ц.-слав. языка, въ особенности же болгарскаго нарѣчія. Хотя и у насъ въ русскомъ языкѣ встрѣчается такой звукъ, напр. въ словахъ: *между, рождество, надежда* и т. п., но это не болѣе, какъ по вліянію ц.-слав. языка; въ народномъ говорѣ слышится большею частію *жс*: *межь, рожество, надѣжа* и т. п. Звукъ *жд* образовался точно также изъ ютированнаго *д*, подобно тому, какъ *шт* образовалось изъ *т(тј)*; слѣдовательно $жд = дј$; такъ напр. отъ глагола родити русское причастіе страдательное *рожденъ* (форм. ц.-сл.), сербское *родѣнъ* (роѣн).

Но изъ всѣхъ согласныхъ звуковъ ц.-слав. языка ни одни такъ не занимали ученыхъ, какъ звуки *р* и *л*. Можно утвердительно сказать, что оба эти звука, по своей плавности, могутъ занимать мѣсто гласныхъ. О справедливости этого произношенія свидѣлствуютъ цѣлыя ряды словъ чешскихъ и болгарскихъ, въ которыхъ находятся звуки *л* и *р*, произносимые безъ всякаго участія гласныхъ; напр. чешскія слова *krk, ml̄t*. У Сербовъ въ стихотвореніяхъ если встрѣтится, напр., слово *прѣст*, то такое слово будетъ составлять слогъ, слѣдовательно, родительный *прѣст̄а* будетъ ямбъ. Въ пользу гласности *л* и *р* можетъ также послужить и то, что латинскіе и греческіе грамматикіи называли ихъ *semivocales*, а въ санскритскомъ языкѣ оба эти звука прямо отнесены къ гласнымъ. Замѣчательно, что въ образованіи словъ въ ц.-слав. языкѣ

л и р всегда предшествуютъ гласной; въ другихъ же индо-европейскихъ языкахъ, напротивъ, гласная предшествуетъ имъ: *дрѣмати*—*dormire* (лат.), *рамо*—*Arm* (нѣм.), *крткій*—*curtus* (лат.), *слато*—*gold*. Съ предшествующей согласною л и р всегда соединяется съ ъ, а не съ е: *млѣко*, *срѣбро*, *клятѣ*, *врѣма*, хотя теперь и пишутъ е.

Кирилловская азбука составлена, конечно, не изъ слѣпаго подражанія греческой, но согласно съ духомъ ц.-слав. языка; и хотя она не разъ подвергалась измѣненіямъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, и въ ней измѣнялось значеніе знаковъ,—все-таки полнота, изобиліе звуковъ было даже и въ то время чувствуемо, потому всѣ буквы, какъ гласныя, такъ и согласныя, нужны были для различія звуковъ. Изъ согласныхъ оказываются лишними только *ѣ*, *џ* и *Ѡ*. Буквы *з* и *ѣ* служатъ для выраженія одного и того же звука *з*, и потому очень естественно было бы предполагать, что который нибудь изъ этихъ знаковъ лишній. Или, можетъ быть, они были важны въ счисленіи славянскомъ, гдѣ буква *з* означаетъ цифру 6, а *ѣ*—7? Но если внимательнѣе всмотрѣться въ ихъ древнее употребленіе, то увидимъ, что они оба необходимы. Это доказываютъ намъ наши старинныя рукописи, такъ напр. слова *подѣзати*, *стасати* и др. пишутся тамъ всегда чрезъ *з*, тогда какъ слова: *земля*, *рѣзати* и др. чрезъ *ѣ*. Если обратимъ вниманіе на это обстоятельство, то увидимъ, что оно не безъ причины. Различіе въ употребленіи *з* и *ѣ* будетъ состоять въ томъ, что *з* пишется только тамъ, гдѣ звукъ *ѣ* не коренной, а образовался вслѣдствіе извѣстнаго этимологическаго измѣненія, замѣнивъ собою гортанный звукъ *г*. Такъ, корни словъ *подѣзати*, *стасати* будутъ *двиг-*, *стаг-*. Напротивъ, *ѣ* пишется тамъ, гдѣ звукъ *ѣ* есть коренной. И такъ, гдѣ нужно было выразить претворенное *г*, мы всякій разъ навѣрное встрѣтимъ въ древнихъ рукописяхъ *з*: *Бѣгъ*—*Бозъ*, *нога*—*нозъ*, польское *gwiazda*—ц.-слав. *звѣзда*. И это тѣмъ удивительнѣе, что оба эти знака въ старину употреблялись какъ нельзя правильнѣе, безъ помощи всякой грамматики, только въ го-

раздо позднѣйшее время стали употреблять *s* и *z* promiscue, безъ разбору.

И такъ, *s* и *z* различаются одно отъ другаго въ употребленіи. Но вотъ вопросъ: если эти два знака различались въ письмѣ, не были ли они различны и въ произношеніи? Можно полагать, что *s* и въ выговорѣ строго отличалось отъ *z*; именно отличалось отъ *z* отзвукомъ *d*—произносилось *dz*; заключать это можно изъ сравненія словъ ц.-слав. языка, въ которыя входитъ *s*, съ пѣкоторыми болгарскими и преимущественно польскими, гдѣ это *z* (*dz*) есть претвореніе звука *g* (*g*). *нозъ*—*nodzie*.

Для дополненія характеристическихъ чертъ ц.-слав. фонетики, надобно замѣтить, что славянскій языкъ особенно богатъ звуками гласными мягкими, происшедшими отъ соединенія твердыхъ гласныхъ съ *j*; такъ произошли звуки: *и*, *ю*, *ѣ*, *ѣ*, и это ютированіе, какъ мы увидимъ впоследствии, есть важнѣйшая причина различія между собою всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Вотъ всѣ важнѣйшія особенности ц.-слав. языка по отношенію къ фонетикѣ; перейдемъ теперь къ другой его сторонѣ къ флексіямъ (склоненіямъ и спряженіямъ).

Въ древнѣйшій періодъ своего существованія, по всей вѣроятности, ц.-слав. языкъ не имѣлъ такого различія въ склоненіяхъ именъ, какое мы встрѣчаемъ въ позднѣйшее время; въ старину различія происходили въ нихъ органически, изъ самой природы языка и, хотя и терялось окончаніе, но всетаки отзвукъ, вліяніе этого окончанія оставалось. Первоначальными окончаніями были краткіе гласные *ā*, *ī*, *ō* (= *ъ*, *ь*), впоследствии же эти окончанія легко могли измѣняться—именно чрезъ смягченіе. По этой причинѣ склоненія ц.-слав. языка всего удобнѣе раздѣлить на основаніи твердаго и мягкаго окончаній. Здѣсь надобно замѣтить, что имена существительныя и имена прилагательныя такъ называемаго усѣченнаго окончанія склоняются одинаково, самая же форма, по которой они измѣняются, называется формою *субстантивною*; такихъ формъ

два рода: 1) съ твердымъ окончаніемъ и 2) съ мягкимъ окончаніемъ, соотвѣтствіе этихъ окончаній видно изъ слѣдующей таблицы:

Тверд. а	мягк. и	Тверд. ы	мягк. и, а
” ъ	” ь	” оу	” ю
” ѳ	” е, ѳ	” ж	” ѣж
” ѵ	” и	” оѣж	” еѣж

и наконецъ ѣмь—іемь.

Должно еще обратить вниманіе на переходъ гортанныхъ буквъ г, к, х; передъ е и ь они переходятъ въ ж, у и ш, а передъ ѳ и и—въ з (позднѣе этотъ знакъ сталъ смѣшиваться съ з и замѣняться имъ), ц и с. Послѣ гортанныхъ г, к, х должны стоять буквы гласныя твердыя, послѣ ж, у, ш, ц, з мягкія, равно какъ и послѣ жд, шт, такъ какъ жд, шт произошли вслѣдствіе јотированія.

При склоненіи субстантивномъ, какъ въ именахъ съ твердымъ, такъ и съ мягкимъ окончаніемъ, различается родъ.

Чтобы видѣть приложеніе всего этого, просклоняемъ для примѣра нѣсколько словъ:

Мужескаго рода.

Съ твердымъ окончаніемъ: Съ мягкимъ окончаніемъ:

Единственное число.

Им.	сынъ	пѣназь
Род.	сына	пѣннси
Дат.	сыноу, сынови	пѣнасю, пѣнасеви
Вин.	сынъ	пѣназь
Твор.	сынѣмь	пѣназіемь
Предл.	сынѣ	пѣнаси
Зват.	сыне	пѣнасю

Двойственное число.

И. В. З.	сына	пѣнаси
Р. П.	сыноу	пѣнасю
Д. Т.	сынома	пѣназіема

Множественное число.

Им. и Зв.	СЫНИ, СЫНОВЕ	ПѢНЪСИ, ПѢНАСЕБЕ, ПѢНАСИЕ
Род.	СЫНЪ, СЫНОВЪ	ПѢНАСЬ, ПѢНАСИ
Дат.	СЫНОМЪ	ПѢНАСЕМЪ
Вин.	СЫНЫ	ПѢНАСА
Твор.	СЫНЫ	ПѢНАСИ
Предл.	СЫНѢХЪ	ПѢНАСИХЪ

Женскаго рода.

Единств. число.

Им.	ВОДА	ДОУША (а)
Р.	ВОДЫ	ДОУША
Д.	ВОДѢ	ДОУШИ
В.	ВОДЖ	ДОУШЕЖ (ж)
З.	ВОДО	ДОУШЕ
Т.	ВОДОЖ	ДОУШЕЖ
П.	ВОДѢ	ДОУШИ

Двойственное число.

И. В. З.	ВОДѢ	ДОУШИ
Р. П.	ВОДОУ	ДОУШЮ (оу)
Д. Т.	ВОДАМИ	ДОУШИМА (а)

Множественное число.

И.	ВОДЫ	ДОУША
Р.	ВОДѢ	ДОУШЬ
Д.	ВОДАМЪ	ДОУШАМЪ (а)
В.	ВОДЫ	ДОУША
Т.	ВОДАМИ	ДОУШАМИ (а)
П.	ВОДАХЪ	ДОУШАХЪ (а)

Средняго рода.

Единственное число.

И. В. З.	крыло	лице
Р.	крыла	лица (а)
Д.	крылѣ	лицю (оу)
Т.	крыльмь	лицемь
П.	крылѣ	лици

Двойственное число.

И. В. З.	крылъ	лицѣ
Р. П.	крылоу	лицю (оу)
Д. Т.	крылома	лицема

Множественное число.

И. В. З.	крыла	лицѣ (а)
Р.	крылъ	лицѣ
Д.	крыломъ	лицемъ
Т.	крылы	лицѣ
П.	крылъхъ	лицѣхъ.

Прилагательныя неполнаго окончанія, какъ сказано, относятся также къ субстантивному склоненію. Въ приведенныхъ примѣрахъ вмѣстѣ съ этимъ будутъ видны измѣненіе гортанныхъ и падежныя формы съ мягкими окончаніями, предшествуемыми звукомъ жд.

Единств. число.

Множеств. число.

И.	длѣгъ штоуждѣ	И. В. З.	длѣга штоужди (а)
Р.	длѣга штоужди (а)	Р. П.	длѣгоу штоуждю (оу)
Д.	длѣгъ штоуждю (оу)	Д. Т.	длѣгома штоуждема
В.	длѣгъ штоуждѣ		
З.	длѣгъ штоуждѣ		
Т.	длѣгъмь штоуждемь		
П.	длѣсъ штоужди		

Множеств. число.

И. З.	длѣси штоужди
Р.	длѣгъ штѣждѣ
Д.	длѣгомъ штѣждемъ
В.	длѣгы штѣжда
Т.	длѣгы штѣжди
П.	длѣсехъ штѣждихъ.

И такъ мы видимъ, что усѣченныя прилагательныя мужескаго рода нисколько не отступаютъ въ склоненіи отъ именъ существительныхъ. Это относится и къ прочимъ родамъ — женскому и среднему, которые склоняются: жен-

скіе по образцу *вода, душа*, средніе какъ *крыло, лице*.

Въ ц.-слав. яз. есть слова, отступающія отъ общихъ законовъ склоненія, напр. *пѣть* и т. п., которые въ большей части падежей имѣютъ *и*, и потомъ еще цѣлый разрядъ такъ называемыхъ *консонантныхъ* существительныхъ, принимаемыхъ съ *наращеніемъ*. Мы сказали, что всѣ слова ц.-сл. яз. оканчиваются на гласную, но отсюда есть исключенія—именно для консонантныхъ существительныхъ, которыя кончатся на согласную. Нарашаемыя буквы суть *н* (у кончащихся на *а* = *ьн*, *имѣ*, *именѣ* и т. д.), *т*—*тѣла-ти*, *с* (у кончащихся на *о*—слово—словесе), *р*—*мати*, *-ере*. Вѣроятно, наращаемыя буквы были прежде и въ именительномъ падежѣ, это яснѣе можно видѣть въ словахъ, гдѣ наращаемая буква есть *н* или *р*; первая кончается на *а*=*ьн*, вторая въ индо-европейскихъ языкахъ имѣетъ *р* (*г*): ц.-слав. *мати* род. *матере*—лат. *mater*, греч. *μήτηρ*, нѣм. *Mutter*, дѣшты—греч. *θυγάτηρ*, нѣм. *Tochter*.

Разсмотримъ теперь склоненія *мѣстоименій*, потому что безъ помощи ихъ намъ нельзя будетъ объяснить прилагательныхъ полныхъ. Склоненія большей части мѣстоименій тоже должно различать по твердому и мягкому окончаніямъ; какъ прототипы склоненій мѣстоименій, имѣющихъ роды, можно принять *тѣ, та, то; и, ѿ, ѿ; съ, си, се*.

Склоненіе ихъ слѣдующее:

Ед. ч. И.	<i>тѣ</i>	<i>та</i>	<i>то</i>	<i>и, съ</i>	<i>ѿ, си</i>	<i>ѿ, се</i>
Р.	<i>того</i>	<i>той</i>	<i>того</i>	<i>его, сего</i>	<i>ѿѿ, сѿѿ</i>	<i>ѿго, сѿго</i>
Д.	<i>томѣ</i>	<i>той</i>	<i>томѣ</i>	<i>ѿмѣ¹⁾</i>	<i>ѿи</i>	<i>ѿмѣ</i>
В.	<i>тѣ</i>	<i>тѣ</i>	<i>то</i>	<i>и</i>	<i>ѿѿ</i>	<i>ѿ</i>
Т.	<i>тѣмъ</i>	<i>той</i>	<i>тѣмъ</i>	<i>имъ</i>	<i>ѿѿѿ</i>	<i>имъ</i>
П.	<i>томъ</i>	<i>той</i>	<i>томъ</i>	<i>ѿмъ</i>	<i>ѿи</i>	<i>ѿмъ</i>
Дв. ч. И. В.	<i>та</i>	<i>тѣ</i>	<i>тѣ</i>	<i>ѿ</i>	<i>и</i>	<i>и</i>
Р. И.		<i>тою</i>			<i>ѿю</i>	
Д. Т.		<i>тѣмѣ</i>			<i>имѣ</i>	

¹⁾ Въ прочихъ падежахъ *съ* склоняется какъ *и*.

Мн. ч. И.	ти	ты	та	и	я	и
Р.		тѣхъ			ихъ	
Д.		тѣмъ			имъ	
В. ч.	ты	ты	та	я	я	и
Т.		тѣми			ими	
П.		тѣхъ			ихъ	

Точно такимъ же образомъ склоняются и прочія мѣстоименія, за исключеніемъ мѣстоименія *дѣ* и *ты*. Они имѣютъ слѣдующія формы для падежей род. ед. мене, тебѣ, дат. мнѣ, тебѣ, вин. ма, та, твор. мѣноу, тобою, предл.—дат. Двойств. число: им. и вин. на, нѣ — ва, вѣ, употребляются *promiscue*; на, нѣ формы очень рѣдкія. Род. и предл. наю, ваю, дат. и твор. нама, вама. Множеств. ч. тоже, что и у насъ, за исключеніемъ вин. падежа (*ны*).

Кстати теперь сказать объ особенностяхъ другихъ мѣстоименій. Раскладывая вопросительныя мѣстоименія *кѣ*, *уѣ* на ихъ составныя части, мы видимъ, что первое изъ нихъ состоитъ изъ вопрос. *кѣ* и указат. *тѣ*, соединенныхъ въ одно слово, что всего яснѣе видно изъ сербскаго мѣстоименія *тко*. Точно также и *уѣ* можно разложить на вопрос. *уѣ* (*уі*) и указат. *то*; здѣсь *уѣ* образовалось изъ вопросительнаго *кѣ*, которое лежитъ въ основаніи нѣкоторыхъ другихъ мѣстоименій и союза *какѣ*.

Какъ общее относительное мѣстоименіе употреблялось въ старину — *иже*, сохранившееся до сихъ поръ только въ чешскомъ (*jenž*) и польскомъ (*iż, że*) языкахъ. Объ относительномъ мѣстоименіи *которѣ*, *-дѣ*, *-оуѣ*, должно замѣтить, что оно тѣмъ менѣе можетъ быть названо относительнымъ, чѣмъ древнѣе рукописи, въ которыхъ оно встрѣчается; такъ что древнее ц.-слав. *которѣ*, какъ нельзя ближе, подходитъ къ лат. *uter*. Слѣдовательно, значеніе относительнаго мѣстоименія слову *которѣ* придано было уже позднѣе, сначала же оно употреблялось, какъ вопросительное.

Сказавши о склоненіи мѣстоименій, можемъ перейти къ склоненію прилагательныхъ *полныхъ*, потому что всякое полное прилагательное состоитъ изъ неполнаго и изъ мѣстоименія. И замѣчательно, что чѣмъ древнѣе рукописи, тѣмъ яснѣе и чаще встрѣчаются въ нихъ слѣды такой комбинаціи, и при томъ такъ, что какъ усѣченное прилагательное, такъ и мѣстоименіе склоняются отдѣльно одно отъ другаго. Впрочемъ такія формы, какъ *взлюбленіею*, *приснобъггноуіемю* (Псалт. XII) встрѣчаются рѣдко. Уже въ Остромировомъ Евангеліи начальная косвенныхъ падежей мѣстоименія гласная *іе*, соединяясь съ падежнымъ окончаніемъ прилагательнаго неопредѣленнаго, вполне уподобляется (ассимилируется) ему (*добра-іею*, *добра-аго*).

Такимъ образомъ всѣ склоненія ц.-славянскаго языка можно раздѣлить на три слѣдующіе рода:

1) *Склоненіе субстантивное*, къ которому относятся всѣ имена существительныя и прилагательныя неполныя, коренныя или неопредѣленныя.

2) *Склоненіе мѣстоименное*.

3) *Склоненіе сложное*, къ которому относятся имена прилагательныя опредѣленныя, т. е. съ полнымъ окончаніемъ, и причастія.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній касательно степеней сравненія въ ц.-слав. языкѣ. Чѣмъ древнѣе какой нибудь языкъ, тѣмъ вѣрнѣе и окончанія опредѣляютъ въ немъ степени, роды, числа и падежи; напротивъ, чѣмъ языкъ новѣе, чѣмъ больше онъ развитъ, тѣмъ чаще встрѣчается въ немъ смѣшеніе окончаній. Ц.-слав. языкъ, собственно говоря, имѣетъ только одну степень *сравнительную* (разумѣется кромѣ положительной), потому что превосходная не имѣетъ особеннаго окончанія, а составляется посредствомъ прибавленія извѣстныхъ словъ (*прѣ*, *зѣло*). Сравнительная степень образуется двояко: 1) къ корню (отъ котораго не употребительно первообразное прилагательное въ положительной степени), присоединяется *ни* въ

мужск. родъ, ѣши въ женскомъ, ѣе или еѣ въ среднемъ: болини, болиши, болиѣ = еѣ; ваштии и т. д.; 2) къ темъ (или корню, который вмѣстѣ съ темъ есть и тема прилагательнаго) присоединяется ѣи въ муж. родъ, ѣйши въ ж. р. и ѣе въ ср. р.: зълъ, зълѣи—зълѣиши—зълѣе. Прилагательныя съ гортанными г, к, х при образованіи сравн. степени, измѣняютъ ихъ въ соответственныя шипящія: ж, у, ш, послѣ которыхъ ѣ переходитъ въ д: мѣногъ, мѣножиши—мѣножиши — мѣножиѣ; кротъкъ, кротъуи; ветъхъ, ветъшии и т. д. Нѣкоторыя имена прилагательныя являются въ обѣихъ формахъ сравнительной степени: одну производятъ отъ темы, другую отъ корня (который не бываетъ темою прилагательнаго): тажъуи — отъ тажъкъ и тажини отъ корня таг; въсоуи отъ въсокъ и въшии отъ корня въс.

Такимъ образомъ главное различіе древнихъ степеней сравненія отъ новыхъ состоитъ въ томъ, что позднѣйшія окончанія потеряли свое опредѣленное значеніе въ отношеніи родовъ, т. е. ши, бывши всегда признакомъ женскаго рода, теперь есть окончаніе мужскаго.

Перейдемъ наконецъ къ самой важной части рѣчи—
къ глаголу.

Всѣ ц.-славянскіе глаголы имѣли нѣкогда очень простую форму спряженій, основанныхъ на соединеніи корня глагола съ суффиксомъ (мѣстоим.); всѣ же впослѣдствіи явившіяся различія въ спряженіи глаголовъ произошли отъ того, что между корнемъ и суффиксомъ вставлялась какая нибудь буква (иногда даже цѣлый слогъ), называвшаяся поэтому *вставочною*, или какъ называютъ ее Нѣмцы: *Bindevocal* — *связующая*. Всѣ глаголы, которые нынѣ кажутся для насъ правильными, произошли отъ древнихъ примитивныхъ глаголовъ посредствомъ указаннаго нами измѣненія. Отъ этого они не могутъ назваться правильными относительно древнихъ формъ, а производными; гла-

голы же теперь неправильныя, на самомъ дѣлѣ имѣютъ правильное спряженіе, хотя и остались какъ архаизмы. Разсмотримъ спряженіе одного изъ такихъ глаголовъ—**вѣмь**. Этотъ глаголъ и его спряженіе состоятъ изъ непосредственнаго присоединенія мягкаго мѣстоименія къ корню глагола.

Singularis	Dualis	Pluralis
1) вѣ-мь	вѣ-вѣ	вѣ-мѣ
2) вѣ-си	вѣ(с)та	вѣ(с)тѣ
3) вѣ(с)ть	вѣ(с)та	вѣд-ать

Буква *с*, означенная въ нѣкоторыхъ формахъ въ скобкахъ, попала въ составъ этихъ формъ потому, что корень есть **вѣд**, а *д* передъ *т* переходитъ въ *с*, а передъ *м* и *с* это *д* теряется.

Такое спряженіе, сохранившееся только въ пяти глаголахъ: **дѣмь**, **вѣмь**, **имамь**, **ѣсмь**, **ѣ(д)мь** подходитъ подъ общіе законы спряженій прочихъ языковъ индоевропейской отрасли.

Личныя окончанія **мь**, **си**, **ть**, **вѣ(ва)**, **та**, **мѣ**, **тѣ**, **ть** суть корни личныхъ мѣстоименій. Корень мѣстоименія 1-го лица,—въ косвенныхъ падежахъ санскритскихъ *ма*,—ослабленный въ греческомъ на *μ*, въ славянскомъ языкѣ является въ формѣ **мь**. Корень мѣстоименія 2-го лица, въ санскритѣ *тва*, *тве*, въ соединеніи съ глагольнымъ корнемъ, изиѣнился, ослабивъ *а* въ *і* и перемѣнивши *т* въ *с*, какъ въ греческомъ, такъ и въ славянскомъ. Корень мѣстоименія 3-го лица, въ санскритѣ *та*, ослабивши въ древнихъ языкахъ *а* въ *и*, въ славянскомъ языкѣ явился въ видѣ **ть**.

Только въ древнюю эпоху ц.-слав. языка и существовало такое спряженіе во всемъ своемъ объемѣ. Спряженіе же нынѣшнихъ славянскихъ глаголовъ дошло до насъ въ измѣненномъ видѣ. И все это измѣненіе произошло, какъ мы уже замѣтили, отъ того, что между корнемъ и суффиксомъ вставлялась какая нибудь буква; при томъ она вставлялась или въ одномъ только лицѣ, или во всѣхъ,—или же въ одномъ лицѣ одна буква, а въ другомъ — другая.

На этомъ-то различіи связующихъ буквъ Добровскій и основываетъ свою систему спряженій ц.-слав. глаголовъ. Онъ принимаетъ 6 спряженій,—другіе ученые 8 и 10. Мы слѣдуемъ дѣленію Добровскаго, какъ аналогически согласному со спряженіями санскритскаго языка.

I. Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія—**ти**, а 1-го лица ед. ч. настоящаго времени **ж**—непосредственно прибавляются къ корню глагола: **би-ти, би-ж; нес-ти, нес-ж.**

II. Окончаніе неопред. наклоненія **ти** прибавляется къ корню глагола посредствомъ вставочнаго слога **иж**: **двиг-ишти, гыб-ишти.**

III. Корень и суффиксъ связываются эвфонической гласной **ъ**: **мр-ъ-ти.**

IV. Корень и суффиксъ связываются гласною **и**: **хвал-и-ти, сад-и-ти.**

V. Сюда относятся все глаголы, принимающіе эвфоническое **а**; напр. **бър-а-ти, пис-а-ти, зъб-а-ти, съ-и-ти** и т. п.

VI. Между корнемъ и суффиксомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи находится вставочный слогъ **ова**, а въ настоящемъ времени—**оу**: **коуп-ова-ти, бесѣд-ова-ти,—наст. коуп-оу-ж, бесѣд-оу-ж.**

Эта таблица славянскихъ спряженій можетъ считаться основою исторіи всехъ славянскихъ глаголовъ; она ясно показываетъ намъ, какъ постепенно упали въ языкѣ старыя формы и являлись новыя. Самое же дѣленіе, предложенное Добровскимъ и принятое Миклошичемъ и другими учеными, есть вѣрный и надежный способъ для изученія характера славянскихъ глаголовъ, потому что дѣленіе это основано на исторіи образованія глагола.

Говоря о временахъ мы будемъ обращать вниманіе только на тѣ изъ нихъ, которыя непосредственно произошли отъ глагола, возникли изъ отношенія корня и суффикса. Времена же, образовавшіяся перифрастически, съ помощію глаголовъ вспомогательныхъ, принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ языка. Слѣдовательно, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ обильнѣе коренными временами и тѣмъ бѣднѣе перифрастическими. Поэтому мы будемъ говорить

только о настоящемъ времени и обратимъ вниманіе еще на два прошедшихъ, аля которыхъ нѣтъ еще опредѣленныхъ названій, но большею частію одно изъ нихъ называютъ *imperfectum*, другое *аористомъ*, отъ сходства ихъ и соотвѣтствія съ латинскимъ *imperfectum* и греческимъ *аористомъ*.

Настоящее время въ 1-мъ лицѣ оканчивалось на мь, потому это окончаніе, вокализируясь, превратилось въ ж и ѣж; 2-е лице си (позже ши), 3-е — ть; двойственное число: 1 л.—ва, вѣ; 2 и 3 та, тѣ; множ. ч.: 1—мь, 2—тѣ, 3—жть (у нѣкоторыхъ глаголовъ жть перемѣнилось на ать вслѣдствіе смягченія).

При глаголахъ, какъ и при именахъ, переходы гортанныхъ слѣдуютъ тѣмъ же законамъ.

Главное свойство *imperfecti* состоитъ въ расширеніи корня посредствомъ вставки гласныхъ ѣа и аа, измѣнившихся вполнѣдствіи въ ѣъ и аа, а наконецъ въ ѣ и а. И чѣмъ древнѣе глаголъ, тѣмъ онъ болѣе расширяется въ *imperfectum* вставкою гласныхъ между корнемъ и суффиксомъ; чѣмъ языкъ новѣе, эта способность становится тѣмъ слабѣе: такъ изъ бѣахъ образовалось бѣхъ. Должно замѣтить, что при смягченіи звуковъ вставка ѣа замѣнилась аа; аа и наконецъ просто а: пек-ж — *imperf.* (пек-ѣахъ)—пеуѣахъ—пеуаахъ. Окончанія *imperfecti* слѣдующія:

Ед. чт. 1—хъ	Дв. ч. 1—ховъ	Мн. ч. 1—хомъ
2—ше	2—ста	2—сте
3—ше-(ть)	3—ста	3—хж-(ть).

Аористъ же отличается отъ *imperfect'a* тѣмъ, что корень глагола отдѣляется въ 1-мъ лицѣ отъ суффикса хъ тематической гласной или вставочной о. Окончанія слѣдующія:

Ед. ч. 1—(о)хъ	Дв. ч. 1—ховъ	Мн. ч. 1—хомъ
2—е (тем. гл.)	2—ста	2—сте
3—е (тем. гл.)	3—ста	3—шл.

Найдены древнѣйшія формы *аористовъ* у нѣкоторыхъ глаголовъ, формы, кончающіяся на съ (изъ котораго образовалось оконч. хъ) или на глагольные корни: идж—идъ,

падѣ—падѣ, блюдѣ—блюсь, уѣж—уѣсь и др. Спрягаются такъ: идѣ-е-е(тъ), -емъ, -ете -ж; имь (іѣн. ѣсти), исн, исть, исмъ, исте, исж. Такія формы аористовъ рѣдки въ позднѣйшемъ ц.-слав. яз., но чѣмъ языкъ древнѣе, тѣмъ они чаще и прежде были, навѣрное, у всѣхъ глаголовъ.

Эти три времени развились чисто изъ отношенія корня къ суффиксу. Всѣ же прочія времена образовались съ помощію вспомогательныхъ глаголовъ: для perfectum — іесмь съ причастіемъ на лѣ, лѣ, лѣ, для plusquamperfectum — бѣхъ, для будущаго бѣдѣ, а въ древнѣйшихъ рукописяхъ еще чаще — имамъ хѣштѣ съ неопредѣленнымъ склоненіемъ глагола (futurum primum) или съ причастіемъ на лѣ, лѣ, лѣ (futurum exactum). Встрѣчаются также простыя формы praesentis съ значеніемъ futuri: и идѣтъ си въ мжжъ вѣунжж

Наклоненіями ц.-славянскій языкъ очень бѣденъ въ сравненіи съ другими языками; онъ вовсе не имѣетъ со- слагательнаго наклоненія, но есть причины думать, что позднѣйшее imperativus было нѣкогда conjunctivus, подобно тому, какъ въ латинскомъ языкѣ conjunctivus употребляется со значеніемъ imperativi. Отличительный характеръ повелительнаго наклоненія есть ѣ или и: виждѣ (вм. види), видѣте и т. п.

Неопредѣленное наклоненіе имѣетъ двоякую форму: на ти и на тѣ (тѣ); первая отвѣчаетъ латинскому *infinitivus*, вторая — *supinit*, напр. ѣесо видѣтъ изъидосте въ поустынѣ.

Мѣстами встрѣчается и *условное наклоненіе*; оно сложное (бѣхъ и другія лица съ прич. на лѣ, лѣ, лѣ; изъ вспом. глагола образовалась наша условная частица бѣ): добро было ѣмоу, аще не бѣ родилъ сѣ; аще ко бѣхъ уловѣкомъ оугождалъ, рабѣ Хр^товъ не бѣхъ оуко бѣлъ.

Какъ бѣденъ ц.-слав. языкъ наклоненіями, такъ, напротивъ, богатъ *причастіями*. Нашего „дѣепричастія ц.-слав. языкъ не знаетъ: эта форма образовалась у русскихъ изъ причастія дѣйствительнаго мужескаго рода, которое

имѣть слѣдующія окончанія: муж. р. ты, а, ж. р. — жшти, сред. р. — жше; прошедш. муж. р. въ, ж. р. въ-ши, ср. р. въ-ше и еще съ другимъ окончаніемъ: лъ, ла, ло.

Страдательный залогъ въ ц.-слав. языкѣ образуется чрезъ прибавленіе къ окончаніямъ дѣйствительнаго залога мѣстоименія са: **крѣститиса отъ Іоанна.**

Вотъ все, что должно сказать о характеристическихъ чертахъ ц.-слав. языка по отношенію къ его флексіямъ. Въ заключеніе привожу отрывокъ изъ стариннаго рукописнаго четвероевангелія, писаннаго глаголитю; въ этомъ отрывкѣ соблюдена орфографія и пунктуация подлинной рукописи, только глагольскій шрифтъ замѣненъ кирилловскимъ:

И възъзшоу емоу въ корабль по немь ідж оуѣеници его и се тржсь великъ бѣистъ въ морі ѣко покрѣвати са кораблю вълнами. а тѣ сѣпаше. и пришедше оуѣеници его възбоудіша і гѣжште їи погѣблемъ і гѣа имъ что страшви есте маловѣри тогда вѣставъ запрети вѣтромъ і морю. и бѣистъ тишина велиъ. улѣци же уюдшася гѣште кѣто съ естѣ ѣко вѣтри і море послушажѣть его

II. Болгарскій языкъ.

Земли, гдѣ господствуетъ языкъ болгарскій, заключаются въ слѣдующихъ границахъ: съ востока Болгаре примыкаютъ къ Черному морю, гдѣ они живутъ смѣшанно съ Татарами и русскими бѣглецами, такъ называемыми Некрасовцами; съ сѣвера ихъ земли омываются Дунаемъ, который отдѣляетъ ихъ отъ Валаховъ; къ западу границы ихъ поселенія простираются до земель Сербскихъ, отдѣленныхъ отъ нихъ рѣкою Тимокомъ, впадающею въ Дунай; простираясь далѣе на западъ, достигаютъ рѣки Моравы, обгибаютъ эту рѣку и граничатъ съ Шарскими горами (древ. Scardus); далѣе доходятъ до Албаніи, отъ которой отдѣляются бассейномъ рѣкъ Дрины и Черной; къ югу предѣлы болгарскаго языка простираются до Фессалии и горы Пинда; здѣсь граница очень неопредѣленна: поселенія болгарскія то выдаются впередъ, то, въ свою очередь, чуждыя поселенія входятъ въ болгарскія земли, но можно принять вообще границу черту, идущую отъ Костура, чрезъ Солунь, чрезъ Адрианополь до самаго Актеополя на Черномъ морѣ. Итакъ мы начали съ Чернаго моря и опять пришли къ нему. Но сверхъ того Болгаре живутъ колоніями и въ другихъ мѣстахъ, а именно, Кагульскій уѣздъ почти весь населенъ Болгарами, у которыхъ есть свой городъ Болградъ; въ губ. Херсонской, въ Тирасполѣ и Одессѣ; сверхъ того въ Молдавіи и Валахіи, и даже есть колоніи въ Трансильваніи.

Но неужели Болгаре составляют сплошную массу? Разсматривая ближе этнографическую карту, мы находим мѣстами (*σποράδες*) поселенія другихъ племенъ и націй; такъ мы говорили о Татарахъ и русскихъ бѣглецахъ; сверхъ того по городамъ живутъ Турки, Греки и Албанцы, и кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ живутъ Валахи. — Всѣхъ Болгарь, населяющихъ это огромное пространство, разсмотрѣнное нами, считаютъ отъ 4¹/₂ до 5 миліоновъ (такъ по крайней мѣрѣ считаютъ себя сами Болгаре). Изъ этого географическаго описанія мы видимъ, что Болгаре занимаютъ всю древнюю Македонію, большую половину Фракіи, почти всю *Moesiam inferiorem* и часть Эпира. Нѣкогда предѣлы ихъ простирались еще далѣе: они доходили до Адриатическаго моря, даже до Греческихъ областей. Замѣчательно, что средоточіе политическое было большею частію не въ центрѣ Болгаріи, какъ можно было бы предполагать, но на окраинахъ. Древніе города: Охрида (*Ohrid*, Лихнидусъ), гдѣ нѣкогда жили цари и архіепископы болгарскіе (въ настоящее время архіепископъ охридскій именуется архіепископомъ всей Болгаріи); Водена — древняя столица македонскихъ царей; во Фракіи — Филиппополь (Пловдивъ); въ Мизіи — Сардика (болгар. Сръдецъ, нын. Софія); Тръново (также нѣкогда столица Болгаріи). Менѣе всего народонаселенія было по Балканскимъ и Доспатскимъ горамъ. Преобладающая религія — православіе, но есть и другія вѣроисповѣданія, какъ то: католическое, произведенное трудами католическихъ миссіонеровъ; Некрасовцы — раскольники; Турки и Татары, отдѣлившіеся сначала отъ Сарая, перешедшіе потомъ въ Крымъ, а оттуда въ Бессарабію и, наконецъ, въ болгарскія земли, — магометане; есть даже магометане изъ самихъ Болгарь, принявшіе исламизмъ изъ корыстныхъ расчетовъ или по принужденію турецкаго правительства; ренегатовъ здѣсь называютъ Помаци (отъ слова *помъ-кижтиса* — пошатнуться въ вѣрѣ); кромѣ того есть еще остатки прежней довольно сильной секты Богумиловъ; но

всѣхъ иновѣрцевъ неболѣе $\frac{1}{8}$ части всего народонаселенія, и то едва ли.

Два раза возникало и два раза падало цвѣтущее болгарское царство. Болгаре собственно возникли изъ смѣшенія двухъ народовъ. Болгаре, которые жили на Волгѣ (верстахъ въ стахъ съ небольшимъ отъ Казани), пришли на Дунай и заняли тамъ земли, подчинивъ себѣ туземныхъ Словянъ. Много бѣдствій претерпѣли Болгаре; отовсюду ихъ тревожили, сначала Греки (Василій болгароубійца), потомъ, во время крестовыхъ походовъ, Латинцы, завоевавъ Константинополь, обратили свое вниманіе и на Болгарь; но отъ Турокъ всего болѣе пострадала Болгарія. Все это и въ особенности примѣсь языковъ греческаго, турецкаго и албанскаго, имѣло пагубное вліяніе на языкъ болгарскій, который въ своемъ строѣ совершенно, такъ сказать, разложился. Копитаръ замѣчаетъ, что языкъ болгарскій подходитъ къ языкамъ романскимъ (французск., итальянск. и др.); доказательствомъ этого служатъ болгарскіе члены склоненія: въ нихъ слова не измѣняются, а только прибавляется предлогъ. Это свойство языка болгарскаго такъ странно, что уже всѣми силами старались отыскать настоящую причину его; одни предполагали, что старинныя романскія колоніи могли быть причиною порчи болгарскаго языка; другіе главною причиною ставятъ вліяніе Албанцевъ.

Болг. яз. имѣетъ два главныя нарѣчія: западное въ Македоніи и восточное, которымъ говорятъ между Балканами и Дунаемъ и потомъ между Балканами и Филиппополемъ. Въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ весьма замѣтно вліяніе сосѣдей: на западѣ, находясь въ соприкосновеніи съ Сербами, Болгаре подчинились вліянію сербскаго языка; напротивъ, по Балканамъ они подверглись вліянію Валаховъ, однакоже удержали свои самостоятельные звуки роднаго языка.

Чтобы показать отличительную характеристику болгарскаго языка, нужно сначала указать на особенности въ

произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. Начнемъ съ тѣхъ же звуковъ и знаковъ, которые мы замѣтили въ ц.-славянскомъ языкѣ, ѣ и ѥ. Эти два знака у Болгаръ остаются большею частію тамъ же, гдѣ и въ ц.-слав. языкѣ; напр. вѣлкъ, дѣмъ, и произносятся какъ глухіе. Оба они могутъ вокализироваться, т. е. переходить въ *я̃*, *і̃*, *у̃*; такъ какъ самое слово „болгаринъ“ пишется бѣлгаринъ, а произносится бѣлгаринъ; т. е. эти два звука, если дѣлаются гласными, остаются короткими, почти глухими. Оба эти знака остались и въ концѣ словъ, но здѣсь они часто смѣшиваются; такъ Болгаре пишутъ и произносятъ: радость, однимъ словомъ ѣ и ѥ безразличны для Болгаръ и могутъ оба перейти въ краткое *я̃*; напр. мѣртвѣ — мртвѣ, прѣвѣ — прѣвѣ и т. п.

Звукъ ж потерялъ свое носовое значеніе и произносится совершенно иначе. Въ болгарскомъ языкѣ звукъ этотъ имѣетъ два произношенія; въ восточномъ болгарскомъ нарѣчій онъ выговаривается глухо, такъ что Болгаре въ своемъ письмѣ не могутъ дать ему особеннаго знака; большею частію въ ихъ книгахъ, вмѣсто этого знака, пишутъ *я̃*. Но кажется, лучше всего употреблять такой знакъ: *ѣ̃*. Поэтому слова: рѣка, мѣка, чѣмъ рѣка, мака. Ореографія со знакомъ *я̃*, впрочемъ примѣнима къ западно-болгарскому нарѣчію. При всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (близъ Эпира) звукъ ж выговаривается съ ринезмомъ: мѣдръ (мондръ), бѣдешъ (бондешъ). Близъ Солуня въ народномъ говорѣ это ж страннымъ образомъ переходитъ въ о (это не лишне замѣтить, потому что переходъ ж въ о служить отличіемъ хорутанскаго языка).

Что касается до звука л, то произношеніе его если не глухое — *ѣ̃*, то болѣе приближается къ произношенію звука — е, такъ: срашѣ (счастіе) у Болгаръ — срѣшѣ, радѣ — рѣдѣ, свѣтѣ — свѣтъ.

ѣ̃. Въ этомъ звукѣ замѣтна особенная шаткость въ разговорѣ; у Болгаръ (особенно на востокѣ) онъ произносится какъ л. Впрочемъ нѣкоторые путешественники говорятъ,

что слышали (особенно на западѣ) въ этомъ звукѣ стеченіе двухъ гласныхъ *e* и *ea* (*ѣ—ea*); у Болгаръ же албанскихъ *л* замѣняется долгимъ *ē*; бѣлъ, вост.-болг. билъ; зап.-болг. беалъ; зап.-болг. бѣлъ. Звука *ы* у Болгаръ совсѣмъ нѣтъ; у нихъ онъ замѣняется мягкимъ *и*: бѣлъ — билъ.

Переходимъ къ согласнымъ.

ш выговаривается какъ въ восточномъ, такъ и западномъ нарѣчій за *шт*: хошѣ (старо-сл. хъштѣ) — хоштѣ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдко, *шт* переходитъ въ *ш*. Въ Македоніи и Албаніи, звукъ *шт* постепенно смягчается, дѣлается гортаннымъ и переходитъ въ *кј*(*к*): хоштѣ — хокѣ. Звукъ *жд* очень обыкновенный у Болгаръ и составляетъ особенность этого нарѣчія — болгаризмъ. Въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ этого звука нѣтъ, если же и встрѣчается, то все таки какъ заимствованный изъ болгарскаго или ц.-слав. языка. Исключеніе составляютъ нѣкоторыя коренныя слова: напр. въ нашемъ языкѣ глаголъ — *жду*.

л въ болгарскомъ языкѣ выговаривается особеннымъ образомъ: это что-то среднее между твердымъ *л* и мягкимъ *l*, какъ будто это мягкое *l* удваивается: *сллава*, *сладко* и т. п. Нужно замѣтить, что въ западномъ нарѣчійхъ буква *л* бываетъ совершенно не слышна: *неволя* — *невом*.

лѣ и *рѣ* очень употребительны и имѣютъ такое же значеніе, какъ и въ ц.-славянскомъ языкѣ; буква *ѣ* можетъ ставиться и впереди *л* и *р*, *вѣлкѣ*, *твѣрдѣ*.

з въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно около Балканъ, произносится какъ *dz* (*dzвѣзда*); но это впрочемъ не общій признакъ болгарскаго произношенія.

Прочіе звуки болѣе или менѣе сходны по произношенію съ соответствующими ц.-славянскими; правда, есть исключенія и очень значительныя, но всѣ они произошли въ слѣдствіе сильной деорганизации языка. Бываетъ такъ, что въ одномъ словѣ извѣстный звукъ удерживается, между тѣмъ какъ въ другомъ, происходящемъ отъ того же корня, этотъ звукъ измѣняется или выпускается.

Укажемъ на нѣкоторыя частности:

х произносится глуше, чѣмъ въ ц.-слав. языкѣ и даже переходить въ г (орѣгъ—хъ). Если за х слѣдуетъ в, то эта комбинація, особенно въ западномъ діалектѣ, превращается всегда въ ф: *фаштъ* (хвачу). Особенно часто видимъ переходъ *x* въ *f* въ прош. несов. на *хъ*: *имафъ* (имахъ) и т. п.

в превращается въ м: *рамни* (равный).

т очень часто пропускается: *кръс* (крестъ).

Обозрѣвъ такимъ образомъ фонетику болгарскаго языка, перейдемъ теперь къ грамматикѣ. Разстройство внутренняго организма болгарскаго языка особенно отозвалось на именахъ существительныхъ. Благодаря различнымъ метаморфозамъ звуковъ, Болгаре не нуждаются въ падежахъ: *столь* и *стола* будетъ одинъ и тотъ же падежъ для Болгарина, но къ чему же онъ употребляетъ эту гласную на концѣ слова, повидимому безъ всякой нужды? *Павскій* говоритъ, что это есть затаенное мѣстоименіе; но это не правда: совершенно потерявъ сочувствіе къ падежамъ, Болгаринъ съ извѣстной гласной сталъ соединять понятіе определенности и неопредѣленности. Эти гласные суть: *a* (и) и *o* (е) и служатъ первымъ способомъ опредѣленія; а вторымъ способомъ опредѣленія, служатъ мѣстоименія: *тъ*, *та*, *то*. Такая потребность выразить большую или меньшую определенность гласными (которыя суть разрѣшившіяся ѣ и ъ), можетъ назваться первымъ признакомъ, первой попыткою введенія въ болгарскій языкъ свойствъ языковъ романскихъ; такъ *стол* для Болгарина тоже, что для Француза *une table*, для Нѣмца — *ein Tisch*, для Грека — *τράπεζα*, *стола* — *la table*, *der Tisch*, *ἡ τράπεζα*. Такъ въ нѣкоторомъ болгарскомъ памятникѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ толкуется Евангеліе Маттея и гдѣ говорится о томъ, что когда ученики Іоанна Крестителя спрашивали его, не онъ ли обѣтованный пророкъ, предтеча отвѣчаетъ, что онъ пророкъ, но не тотъ, о которомъ они спрашивали; этотъ отвѣтъ выраженъ слѣдующими словами: *аз съм пророк, ма*

не аз съм пророко. Слѣдовательно слово *пророко*, употребленное здѣсь въ первомъ случаѣ, имѣетъ какое-то общее, неопредѣленное значеніе, между тѣмъ какъ *пророко* выражаетъ понятіе извѣстное, опредѣленное (это о какъ бы замѣняетъ слова: тотъ, о которомъ вы меня спрашиваете).

Кромѣ того у Болгаръ есть еще членъ, прибавляемый обыкновенно въ концѣ словъ; этимъ членомъ служить мѣстоименіе *тъ, та, то* (въ валашскомъ языкѣ онъ ставится вперед: от-уль | ille).

Склоненіе слѣдующее:

Ед. ч. Им. вода-га		Мн. ч. Им. води-те
Род. на вода-га		Род. на води-те
Дат. на вода-га		Дат. на води-те
Тв. съсь вода-га		Тв. съсь води-те.

NB. Однако есть еще нѣкоторое сочувствіе и къ падежамъ; такъ вин. п. ед. ч. отъ *вода* будетъ иногда *водѣ*.

Мы замѣтили, что для большей опредѣленности понятія Болгаре къ корню слова прибавляютъ мѣстоименіе *тъ*: на *хлѣм-о-тъ*; подобное выраженіе есть и у Нестора: *на хлѣмъ-тъ*. Только въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчается это *тъ*, похожее на падежныя формы, но окончанія произносятся тихо и невнятно. Итакъ, вѣроятно, что въ древнемъ славянск. языкѣ окончанія *ъ* и *ь* были неисправны. У *Павскаго* объ этомъ предметѣ самая сбивчивыя идеи; онъ дѣлитъ имена существительныя на членныя и безчленныя и полагаетъ, что *ъ* — членъ; для болгарскаго языка это еще справедливо, но онъ сильно ошибся по отношенію къ языку ц.-славянскому. Склоненіе существительнаго съ членомъ (*тъ*) слѣдующее:

Ед. ч.		Мн. ч.
Им. пророко-тъ		Им. пророци-те(ти)
Род. на пророко(а)-тъ		Род. на пророци-те(ти)
Дат. на пророко(а)-тъ		Дат. на пророци-те(ти)
Тв. съсь пророко(а)-тъ		Тв. съсь пророци-те(ти).

Слѣдовательно во мн. ч. удержалось еще нѣкоторое падежное измѣненіе: *к* перешло въ *ц*. Падежная форма сохранилась еще въ зват. падежѣ, который (какъ и въ ц.-сла-

вянскомъ) принимаетъ *e*, измѣняя согласную, *пророче*. — Это склоненіе обще для всѣхъ именъ существительныхъ; только имена собственыя нѣсколько иначе измѣняются отъ прочихъ.

Итакъ, склоненіе болгарское представляетъ намъ чрезвычайное однообразіе. Встрѣчаются однакоже случаи, гдѣ видимъ остатокъ нѣкогда, вѣроятно, существовавшихъ падежей: такъ Болгаринъ говоритъ *вода* въ им. пад.; когда же онъ употребляетъ вин., то говоритъ *водѣ*, а иногда *во до* (не есть ли это отголосокъ ц.-славянск. — *воджъ*?).

Перейдемъ теперь къ прилагательнымъ. Въ прилагательныхъ какъ въ существительныхъ замѣтна опредѣленность и неопредѣленность понятій; есть слѣдовательно и членъ. Такъ склоненіе прилагательнаго — *свет, света, свето* съ членомъ будетъ такого вида: имен. *свет-а-тъ, свет-а-та, свет-о-то*; род. п. на *свет-а-тъ, на свет-а-та, на свет-о-то* и т. д. Мн. ч. *свети-те* и т. д. (нѣкоторые безъ всякаго основанія пишутъ *ѣ*).

Степени сравненія въ болгарскомъ языкѣ образуются иначе, чѣмъ у насъ. Что въ ц.-слав. языкѣ и у насъ есть случайность, то въ болгарскомъ есть необходимость, правило: у насъ нѣкоторыя сравнительныя степени образуются чрезъ прибавленіе частицы *по* къ сравнительной степени (лучше — получше, моложе — помоложе и т. п.); эта частица *по* ослабляетъ нѣсколько значеніе степени. У Болгаръ *по* прибавляютъ къ степени положительной: *млад — помлад, свет — посвет*. Это *по* въ болгарскомъ языкѣ прибавляется и къ существительнымъ для усиленія ихъ значенія; напр. *юнак — поюнак*; онъ е юнак, този поюнак (онъ молодецъ, а тотъ богатырь).

Что касается мѣстоименій, то они удержали нѣсколько старинныхъ формъ, но онѣ измѣняются до такой степени (благодаря множеству приставокъ), что это измѣненіе должно считать за признакъ дѣйствительнаго разстройства языка. Мѣстоименія личныя суть: 1 л. аз и аз (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышится и); 2 л. — ти; 3 л. — он. Склоненіе ихъ мало разнится отъ ц.-славянскаго.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. аз(аз), ти он

Им. мы, вы, они(и)

Род. мене, тебе, его

Род. нас, вас, их

Дат. мѣни, тебѣ, ему (му)

Дат. нам, вам, им.

НВ. Двойственнаго числа болгарскій языкъ не имѣеть.

Ни одинъ языкъ не имѣеть столько приставокъ при мѣстоименіяхъ личныхъ, какъ болгарскій; къ 1-му лицу Болгаре прибавляютъ: и, зи, ка, икана : ази, азка, азика-на; ко 2-му л. — зи: тизи; къ 3-му — иа: они. Отъ ц.-сл. иже сохранились только падежи им. и вин.: и, а иногда съ придыханіемъ — ии. Той соединяется съ зи — този. Замѣчательно, что мѣстоименіями му, ми, ви Болгаре замѣняютъ мѣстоименія притяжательныя; напр. книга его — книга-та-му; книга моя — книга-та-ми (какъ и въ греч. языкъ—*ε ἀδελφός σου*—братъ твой), особенно это замѣтно въ титулахъ: *свѣтина ти*, господство ти (Ваше благо родіе).

Вопросит. мѣстоименія: кой, той (иногда туй); род. кого-то или на кою-то и т. д.

Мѣстоим. возв. сж по болгарски — са, или съ.

Приступаемъ наконецъ къ глаголамъ. Если имена существительныя представляютъ большой недостатокъ въ склоненіи, то въ спряженіи глаголовъ недостатокъ еще ощутительнѣе. Подобно Грекамъ, Албанцамъ и Валахамъ, Болгаре не въ состояніи образовать неопредѣл. наклоненія; при встрѣчѣ съ этимъ наклоненіемъ, они всячески стараются замѣнить его какой либо другой формой, дать другой обо-

ротъ своему выраженію, такъ фразу: „я хочу говорить“ Болгаринъ передаетъ такъ: *аз штѣ да дума*.

Причастій, кромѣ кончащихся на *лъ* и *нѣ* почти нѣтъ. При обзорѣнн болгарскихъ глаголовъ, всего лучше было бы представить таблицу ихъ спряженія, но это рѣшительно невозможно, потому что 1) глаголы эти допускаютъ странныя и непонятныя переходы изъ одной категоріи въ другую; 2) самый языкъ любитъ глаголы производные, нѣкоторые формы которыхъ, по свойству перехода одной гласной въ другую, затруднительны и сбивчивы до невѣроятности. Мы постараемся однакоже раздѣлить всѣ болгарскіе глаголы, держась аналогіи съ ц.-слав. языкомъ, на 6 отдѣловъ:

I. Сюда принадлежатъ тѣ глаголы, у которыхъ къ корню прибавляется въ 1-мъ лицѣ *praesentis* — *ѣ*; это болшею частію глаголы простые, болѣе всего употребительныя: *идѣ*, *пишѣ*, *плетѣ*, *ходѣ*, *несѣ*.

II отдѣлъ отличается окончаніемъ 1-го л. *praesentis* ед. ч. — *амъ* (со вставкой *и*) *свирамъ*.

III отдѣлъ и IV будутъ составлять такіе глаголы, которые 1 л. ед. ч. *praesentis* имѣютъ на *имъ* (т. е. тѣ, которые въ ц.-слав. языкѣ имѣютъ вставку *ь* и *и*), напр. *фалимъ* (хваляю, хвалити и т. п.).

V отдѣла глаголы принимаютъ въ 1 л. *praes.* окончаніе — *амъ* или *имъ* и соотвѣтствуютъ ц.-славянскимъ, принимающимъ эвтон. *а* или *и*.

VI отдѣлъ состоитъ изъ глаголовъ, имѣющихъ предъ окончаніемъ *амъ* вставку *в* или *ова*; сюда принадлежатъ глаголы, производимые отъ имени существительныхъ.

Что же касается до окончанія лицъ, то въ этомъ отношеніи болгарскій языкъ мало отстываетъ отъ языка ц.-славянскаго; 1-е л. *praesentis* оканчивается на глухой звукъ *ѣ* или *ѣ* (въ ц.-сл. *ж* или *жъ*), напр. *идѣ* или *идѣ* (*идж*), *бигѣ* или *бигѣ* (*бѣгъ*). Исключаются отсюда глаголы производные и сложные, которые оканчиваются на *амъ*, *емъ*, *имъ*: это исключеніе есть по преимуществу свойство западнаго говора, происшедшаго, вѣроятно, вслѣдствіе влія-

нія сербскаго языка. Окончаніе *praesent.* этихъ глаголовъ слѣдующее:

ед. ч. 1 л. думам(ъ)		мп. ч. 1 л. думаме
2 — думаш		2 — думате
3 — думат		3 — думѣтъ

Есть *imperfectum* и *аористъ*. *Imperfectum*: *думѣхъ, думѣше, думѣше, думахъме, думахъте, думахъ* (и *думаше*).

Аористъ: *думѣхъ, дума, дума, думахъме, думахъте, думахъте*. Эта разница въ удареніяхъ существуетъ только въ единств. ч., а во множ. ея нѣтъ.

Imperfectum и *аористъ* синтаксически употребляются смѣшанно.

Прочія времена перифрастическія и употребляются рѣдко.

Будущее время образуется помощью глагола — *штѣ* (*хъштѣ*); спряженіе будущаго времени производится тройнымъ образомъ:

1) или спрягается *штѣ*, а глаголь остается неизмѣнливымъ: *штѣ дума, штѣи дума, штѣ дума* и т. д.

2) или спрягается самый глаголь, а *штѣ* остается неизмѣняемымъ: *штѣ думѣ, штѣ думаи* и т. д.

3) или, наконецъ не спрягается никакой изъ нихъ, а только въ срединѣ между ними вставляется частица *да*: *штѣ да думѣ* и т. д.

Это *штѣ* переходитъ въ различныя окончанія: *кѣ* (въ западномъ говорѣ), *ше* (за Балканами). Подобное спряженіе встрѣчается и въ ново-греческомъ языкѣ — $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ — сокращается въ $\theta\omega$ или $\theta\alpha$. Кромѣ *штѣ* въ болг. языкѣ есть еще два вспомогательныхъ глагола: *сѣм* и *пмам*. Спряженіе ихъ слѣдующее:

	<i>Praesens</i>	<i>Imperf. и аористъ</i>	Другая форма
Ед. 1 — сѣм — пмам		бѣхъ — пмах (имаф)	<i>аориста</i>
2 — си — имаш		бѣше — имаше	бѣ, бѣсте
3 — је — пмат		бѣше — имаше
Мп. 1 — сме — пмаме		бѣхъме — пмахъме	<i>Futurum</i> :
2 — сте — имате		бѣхъте — имахъте	штѣ сѣм.
3 — сѣг (сѣ, со) — пмат		бѣхъ — пмахъ	

Македонскіе Болгаре для образованія прошедшаго времени глаголовъ соединяють *има* съ причастіемъ на *и*, но: *имамъ шетано*. Для выраженія сослагательнаго наклоненія употребляются частицы: *ахо*, *дано*, *да*.

Для примѣра приведемъ двѣ болгарскія пѣсни:

Молѣтъ ¹⁾ мя мамо молѣтъ	Запрашиваютъ меня, матуш-
	[ка запрашиваютъ
Съ ²⁾ три момѣ ³⁾ , мам ⁴⁾ ,	За трехъ невѣстъ красавицъ,
[хубавѣ ⁵⁾	
И три те попки ⁶⁾ дѣште-	За трехъ поповскихъ доче-
[ри ⁷⁾ :	[рей:
Прѣва та ⁸⁾ , мале Влахынка,	Первая (изъ нихъ) Валашен-
	[ка,
Втора та руса Грѣчѣнка,	Вторая русая Гречанка,
Третья та была Българка;	Третья бѣлая Болгарка;
Влахынка каже ⁹⁾ , мале ле ¹⁰⁾ :	Валашенка говоритъ:
Я ¹¹⁾ земли ¹²⁾ мене, Стояне,	Вотъ возьми-ка меня, Стоянь,
Прикія ¹³⁾ да ти донесѣ ¹⁴⁾	И я принесу тебѣ въ прида-
	ное:
До триста чавгаръ ¹⁵⁾ биво-	До трехъ сотъ паръ буйво-
[ли ¹⁶⁾ ,	[ловъ,
Пять стотенъ крави ¹⁷⁾ яло-	Пять сотенъ коровъ яловыхъ
[ви ¹⁸⁾ ,	[(телицъ),
Шесть стотенъ и оште ¹⁹⁾ съ	Шесть сотенъ да еще съ те-
[телцы,	[лятами,

¹⁾ Запрашиваютъ; ²⁾ за; ³⁾ *мома* — дѣвушка, невѣста; *момак* — молодець; ⁴⁾ матушка; ⁵⁾ *хубав* — хорошій, красавецъ; какъ болгарское слово — *хубавъ*, такъ и русское *хорошій* заимствованы изъ персидскаго языка, какимъ путемъ — неизвѣстно; ⁶⁾ поповскія; ⁷⁾ дочери; ⁸⁾ первая; ⁹⁾ говоритъ; ¹⁰⁾ см. ⁴⁾; ¹¹⁾ ну вотъ; это *я* сохранилось въ языкѣ малороссійскомъ; ¹²⁾ возьми; ¹³⁾ приданое; слово *прикія* взято съ греч. *πρὸς*; ¹⁴⁾ принесу; ¹⁵⁾ *чавгар* отъ греческаго слова *ζευγάριον*, которое въ ц.-слав. языкѣ переводилось словомъ *сжпржгъ* въ значеніи — пары; ¹⁶⁾ буйволы; ¹⁷⁾ и ¹⁸⁾ *коровы яловыя* — не телившіяся ни разу — телки; ¹⁹⁾ еще.

Хилядо ²⁰⁾ овни ²¹⁾ Коръм-	Тысячу барановъ крымскихъ
[ски;	
На Стамбулъ повѣ салхапъ ²²⁾	Въ Стамбулъ для новой бой-
	[ни
Младо джиплебче ²³⁾ да ста-	Сдѣлаешься ты молодымъ по-
[нешь,	[ставщикомъ скота,
Хора та ²⁴⁾ да ти захвалѣтъ.	Народъ тебя будетъ хвалить.
Грѣкинка каже, мале ле:	А Гречанка сказала, матуш-
	[ка:
Я земли мене, Стояне,	Вотъ возьми-ка меня Стоянъ
Прикія да ти донесѣ:	И я принесу тебѣ въ при-
	[даное:
Девять кантаря ²⁵⁾ копри-	Девять пудовъ шелку
[на ²⁶⁾ ,	
И оште да ти донесѣ:	И еще прпрнесу тебѣ
Пять стотень кара грошо-	Пять сотъ рублей,
[ве ²⁷⁾ ,	
Хилядо жѣлти жѣлтицы ²⁸⁾ ,	Тысячу золотыхъ червонцевъ;
Младо тѣрговче да станешь,	Станешь ты молодымъ тор-
	[говцемъ,

²⁰⁾ *хилядо* — тысяча, отъ греческаго χιλιάς, -αδος. Наше слово **ТЫСАШТА** напоминаетъ нѣмецкое tausend; ²¹⁾ **бараны**; **ОВАНЪ**; ²²⁾ **бойня**; ²³⁾ **торговецъ** — скотомъ, гуртовщикъ; ²⁴⁾ **народъ**. Болгаре употребляютъ также слово *село*; по всему замѣтно, что *хората* происходитъ отъ греческаго χώρα—земля, населеніе, житети. ²⁵⁾ *Контаръ*—старая мѣра византійская, распостранившаяся по южнымъ славянскимъ землямъ, равняется почти пуду; ²⁶⁾ *шелкъ*. Болгаре также употребляютъ въ этомъ значеніи слово *свила*. ²⁷⁾ **Цѣлковые**; турецкое слово *кара* значитъ — **черный** (оттуда **карій**). У Турокъ нѣтъ собственныхъ названій денегъ; испанскіе талеры, ходящіе у нихъ и имѣющіе изображеніе столба, они называютъ *дирекліи* — столбовые; *грошъ*, *грушъ*, *рундъ*, вѣроятно, *рубль*, *ареланъ* — *левъ*, въ подражаніе венеціанской монетѣ, гдѣ изображается левъ. Русскіе **рублевники** называются *кара-грушъ*. ²⁸⁾ **Желтые, золотые, нѣмецк. gold** — желтый; наше слово **червонецъ** происходитъ отъ слав. *червонный* — оранжево-красный. Названіе червонца *дукатъ*, вѣроятно, произошло отъ слова *дук* — герцогъ.

Та на хаджалыкъ ²⁹⁾ да и-	И на богомолье пойдешь, —
[дешь,	
Што ти прилича ³⁰⁾ , Стояпе,	Тебѣ и прилично, Стояиць,
Съ млади хаджин ³¹⁾ да хо-	Идти съ молодыми богомоль-
[дешь	цами,
И ази съ млади хадженкы ³²⁾ .	А миѣ съ молодыми бого-
	[молками.
Българка каже, мале ле:	Болгарка же, матушка, ска-
	[зала:
Я земи мене, Стояне,	Возьми-ка меня, Стояиць,
Макаръ ³³⁾ сѣмъ гола и боса,	Хотя я гола и боса,
Ала ³⁴⁾ сѣмъ баримъ ³⁵⁾ ху-	Да за то, по крайней мѣрѣ,
[бава	[красавица,
Бѣло ми лице — прикия,	Бѣлое лице мое — приданое,
Тѣнкы ³⁶⁾ ми ³⁷⁾ вежды сер-	Тонкія вежды — мой капи-
[мія ³⁸⁾ ;	[талъ,
Презъ ³⁹⁾ горѣ ⁴⁰⁾ мя приве-	Поведешь ли ты меня лѣ-
[дешь,	[сомъ,
Сухо ште дрѣвѣ листъ пу-	Сухое дерево листъ пустить,
[стиѣ ⁴¹⁾ ,	
А сураво ⁴²⁾ ште повенѣ ⁴³⁾ ,	А сырое завянетъ;
Въ церковѣ да мя заведешь,	Въ церковь ли меня приве-
	[дешь,
Попове штѣтъ ми онѣмъ,	Попы отъ меня онѣмѣють,
А икони те продума.	А иконы заговорятъ.
Майка ⁴⁴⁾ Стояну думаше:	Мать Стояпу сказала:
Синко, Стояпе, Стояне,	Сынокъ, Стояиць, Стояиць,
Земи си билѣ Българкѣ,	Возьми себѣ бѣлую Болгарку,

²⁹⁾ Путешествіе ко святымъ мѣстамъ, богомолье. Богомольцы и Богомолки въ большомъ почетѣ у жителей Турціи; слово *каджалыкъ* — турецкое; ³⁰⁾ прилично; ³¹⁾ богомольцы; ³²⁾ богомолки; ³³⁾ *макаръ* — хотя; происхождение этого слова трудно опредѣлить; ³⁴⁾ и ³⁵⁾ но по крайней мѣрѣ; *ала* сравни польское *ale*, греч. *ἀλλὰ*; ³⁶⁾ тонкія; ³⁷⁾ ми — у меня; ³⁸⁾ *капиталъ* — сокровище, драгоценность; ³⁹⁾ *чрезъ* у Поляковъ *przez* ⁴⁰⁾ роща, ущелье, лѣсъ; гора же наз. *бѣрда*, *кѣшиѣ*, цѣпь горъ — плавина; ⁴¹⁾ выпустятъ; ⁴²⁾ сырая; ⁴³⁾ увянуть; ⁴⁴⁾ мать.

Хара та не штѣтъ да рекѣтъ,	Народъ только и будетъ го- [ворить,
Че ви е хубава булка та ⁴⁵⁾ .	Чья это красавица — моло- [днца.
Въ церковь да я заведѣ	Я приведу ее въ церковь,
При нея штѣтъ са съберѣтъ,	При ней соберутся,
Та штѣтъ булкѣ тѣ да гле- [дать ⁴⁶⁾ ,	То и будутъ глядѣтъ на мо- [лодицу,
На свадбѣ да я поведѣ,	Когда поведу я ее на свадь- [бу,
Кой-отъ гдѣ ште са обѣрне	Каждый вездѣ будетъ обора- [чиваться,
Та ште булкѣ тѣ да гладѣ	Будетъ гладѣтъ на молодницу,
И ште рече, Стоянс,	Будетъ говорить, Стоянтъ,
Каква е хубава булка!	Какая красotka молодница!

2.

Радо, была Радо, юнаци ⁴⁷⁾	Рада, бѣлая Рада, гайдуки
[дойдохѣ	[пришли
Та брата ти хванахѣ	И брата твоего схватили
И твое прѣво либе ⁴⁸⁾ , прѣво	И твоего перваго любезнаго,
[либе,	
Какво ⁴⁹⁾ за брата си даваш?	Что ты за брата своего дашь?
Какво за прѣво либе?	Что за перваго любезнаго?
Аз за брата ми давам и не	Я за брата моего даю и не
[давам,	[даю,
А за мое прѣво либе, прѣво	А за моего перваго любез- [наго
Давам вита моя гривна, моя	Даю витую мою гривну,
[гривна.	
И оште придавам моя коса	И еще придаю мою косу;
[плитка ⁵⁰⁾ ;	
Че кага-то биша размирна ⁵¹⁾	Ибо когда было немирное
[година ⁵²⁾ ,	[время,

⁴⁵⁾ Дѣвушка, молодница; ⁴⁶⁾ глядѣть; ⁴⁷⁾ юнак — молодецъ гайдукъ; ⁴⁸⁾ любезный; ⁴⁹⁾ сколько, что; ⁵⁰⁾ коса; ⁵¹⁾ немирная; ⁵²⁾ время.

Невѣрна дружина въ наше	Невѣрная дружина (была) въ
[село,—	[нашемъ селѣ,—
Братъ ми мѣ поведе и мѣ	Братъ меня повелѣ и мени
[заведе	[завелѣ
На пѣтъ ⁵³⁾ на кръстопѣтъ ⁵⁴⁾ ,	На дорогу, на прекрестокъ и
[та ми рече:	[сказалъ:
Иди сега ⁵⁵⁾ сестро, иди се-	Иди теперь сестра, иди се-
[стро,	[стра,
Иди въ кой-то пѣтъ ти е наѣ-	Иди по какой дорогѣ тебѣ
[драг,	[лучше.
А мой прѣво либе мѣ поведе,	А мой первый любезный по-
	[велѣ меня,
Мѣ поведе та чу мѣ заведе	Меня повелѣ и привелѣ
У тѣ скрытни—те кѣшти ⁵⁶⁾ .	Въ тѣ потаенные дома.

⁵³⁾ Путь, дорога (пѣтъ); ⁵⁴⁾ перекрестокъ; ⁵⁵⁾ теперь;
⁵⁶⁾ кѣшта (кжшта, куша) — домъ, жилище.

III. Сербскій языкъ.

Именемъ *Сербовъ* должно отличать тѣ славянскія племена въ Европейской Турціи и Австріи, которыя не называются ни Болгарами, ни Хорутанами. Опредѣлить настоящія границы сербскихъ поселеній затруднительно, тѣмъ болѣе, что, заселяя многія земли сплошно и *σποράδην*, Сербы носятъ и разныя названія: Черногорцевъ, Кроатовъ, Словенцевъ и пр., хотя всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же племени. Вообще же можно сказать, что все пространство къ западу отъ земель болгарскихъ до Адриатическаго моря заселено Сербами, племенемъ, говорящимъ однимъ общимъ языкомъ *сербскимъ*; хотя и есть между ними нѣкоторыя отличія, болѣе или менѣе рѣзкія, но всѣ племена, говорящія разными видоизмѣненіями языка сербскаго, можно назвать общимъ именемъ *Сербо-Хорватовъ*.

Земли Сербовъ на востокъ прилегаютъ къ землѣ Волошской, по чертѣ отъ Арада и Темешвара къ Бѣлой церкви (*Weisskirchen*) и Дунаю до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него рѣчка Пекъ, которою сербскія земли отдѣляются отъ волошскихъ; потомъ на югъ отъ Дуная идутъ онѣ по рѣкѣ Тимоку, отдѣляющей сербскія поселенія отъ болгарскаго; далѣе на югъ до верховьевъ Моравы и верхняго Дрина идетъ черта, которою Сербы опять отдѣляются отъ Болгаръ и отъ земли албанской, кромѣ того оз. Скадрекимъ и р. Бояной; на западъ серб. земли омываются Адриатиче-

скимъ моремъ и доходятъ до города Сеня; на сѣверо-западъ земли Сербовъ отдѣляются отъ земель хорутанскихъ по чертѣ отъ Сеня до Карловца и по рѣкѣ Кульпѣ; далѣе къ Бѣловару и за Драву; на сѣверъ примыкаютъ къ землямъ Мадьярской по чертѣ отъ верхняго Сигета къ Печуху (Fünfkirchen), далѣе — по рѣкѣ Тиссѣ и Марошу до Арада.

Часть означенныхъ нами земель принадлежитъ къ владѣнiямъ турецкаго Султана, часть — ко владѣнiямъ австрiйскаго Императора; остальные же пользуются независимостью или состоятъ подъ покровительствомъ другихъ государствъ.

Эти земли, которымъ мы придали общее названiе *Сербiи*, имѣютъ еще частное названiе, подъ которымъ она болѣе извѣстна въ исторiи, нежели подъ именемъ Сербовъ. Такъ, когда сначала XII и до конца XIV столѣтiя существовало царство сербское, тогда самая Сербiя называлась *Рассiею*, а самое царство — *рассiйскимъ* (еще и нынѣ Венгры въ насмѣшку называютъ Сербовъ *Рацами* (Ratzen — крыса). Названiе *Рассiи* произошло отъ города *Рассы*, находившагося въ южной Сербiи, и при разсматриванiи старинныхъ документовъ сербскихъ названiе „рассiйскаго“ царства встрѣтимъ гораздо чаще „сербскаго“.

Собственно Сербiею называютъ ту часть сербскихъ земель, которая достигла независимости отъ Турокъ: она находится между Тимокомъ и Дриною. Мѣстность къ западу отъ Дрины называется нынѣ, какъ и въ старину, *Боснiею*. Въ XIV столѣтiи эта земля была отдѣльнымъ королевствомъ; во всѣхъ дошедшихъ до насъ документахъ она называется, впрочемъ, не Боснiею, а „regnum Ramae“. Это названiе не случайное; оно произошло отъ мѣстности *Рамы* (рамъ — храмъ), гдѣ былъ построенъ монастырь.

На югѣ отъ Боснiи лежитъ часть земли, называвшаяся прежде „*Ducatus Sancti Sabbae*“, которая потомъ, будучи отдана однимъ изъ сербскихъ князей въ приданое своей дочери, вышедшей за герцога венгерскаго, получи-

да названіе Герцеговины, — названіе, удержавшееся и по настоящее время.

На западъ отъ Босніи находится Далмація, эта земля извѣстна въ древнихъ документахъ подъ именемъ Хорватіи, а король ея жилъ въ нынѣ разрушенномъ городѣ Бѣлградѣ (Zaga Veschia).

На сѣверъ отъ Далмаціи, Босніи и собственно Сербіи, между Савою и Дравою лежатъ земли, извѣстныя подъ именемъ Хорватіи (Кроаціи), а часть подъ названіемъ Славоніи. Земли Славянъ, гдѣ Сава сходится съ Дунаемъ и гдѣ Дунай перемѣняетъ направленіе своего теченія, назывались Сремъ (Sirmium); на востокъ отъ Дуная мѣстность наз. Банатомъ, гдѣ Дунай идетъ къ сѣверу, тамъ находится провинція Бачка. Хорватія, Славонія, Сремъ, Бачка, Банатъ—все это земли, на которыхъ народъ говоритъ однимъ общимъ языкомъ, съ нѣкоторыми незначительными отличіями или, лучше сказать, уклоненіями, — и этотъ общій языкъ до такой степени уже обработанъ литературою, что всѣ діалектическія измѣненія стали въ немъ небольше какъ провинціализмами. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что западная часть Герцеговины называлась нѣкогда Центою или Зетою; это есть, ничто иное, какъ отдѣльный архіепископаты сербской митрополіи. Эта провинція сплошь заселена сербскимъ племенемъ, которое постоянно противодѣйствуетъ владычеству Турокъ, такъ что Турки эту мѣстность по ея неприступности, называютъ Карадагъ (Черная гора).

На сѣверъ отъ этихъ земель существуетъ нынѣ отдѣльное королевство Кроатское или Хорватское, какъ часть Австрійской Имперіи. Оно получило названіе свое въ воспоминаніе той Хорватіи, которая нѣкогда была въ нын. Далмаціи, и включаетъ въ себѣ поселенія частію сербскія, частію хорутанскія. Это королевство заключаетъ въ себѣ три округа: Аграмскій (Загребскій), Варадинскій и Крижевацкій (Крейць—Крижеваць).

Во всѣхъ нечисленныхъ земляхъ Сербы сталкиваются съ другими народами: такъ, въ Далмаціи между ними по-

селились Итальянцы; на сѣверо-востокъ отъ Дуная Сербіи встрѣчаются съ Валахами, а на сѣверъ съ Венграми, на югъ—съ Турками. Замѣчательные города въ сербскихъ земляхъ слѣдующіе:

а) Въ собственно-Сербіи: Бѣлградъ и Крагуевацъ (столицы).

б) Въ Босніи: Банялука и Новый Базаръ (на южной границѣ Босніи и Сербіи, гдѣ нѣкогда была Россія). Къ югу отъ Новаго Базара находится городъ Печъ (Ипекъ), въ которомъ жилъ нѣкогда патріархъ сербскій и нѣкоторые изъ князей; Сараево.

в) Въ Далмаціи: Дубровникъ (Ragusa), извѣстный въ исторіи, Задаръ (Zara) и Шибеникъ.

г) Кроація: Загребъ (Agram) и Вараждинъ.

д) Герцеговина: Мостаръ (монастырь) и Милешовъ, гдѣ находились мощи св. Саввы сербскаго.

е) Славонія: Пожега, Новый-Садъ, Петроварадинъ и Карловцы, бывшій центромъ сербскаго православія, гдѣ издавна существуетъ митрополія сербская, — нынѣ Karlovstadt.

ж) Банатъ, зам. гор., Темешваръ.

Сверхъ того мѣстный говоръ сербскаго языка господствуетъ на нѣкоторыхъ островахъ Адриатическаго моря, между гг. Рагузою и Триэстомъ.

На такомъ большомъ пространствѣ сербскихъ Славянъ можно считать болѣе 5 милліоновъ (однихъ собственно-Сербовъ считается болѣе 3 м., Кроатовъ 1,200,000, Черногорцевъ до 100,000) и это славянское населеніе могло бы сдѣлаться довольно сильнымъ въ политическомъ отношеніи, если бы не было раздоровъ между православіемъ и католицизмомъ. Сербскіе Славяне, исповѣдающіе православную вѣру, живутъ въ собственной Сербіи и Славоніи, частію же въ Босніи и Герцоговинѣ; католики же преимущественно въ Далмаціи, частію въ Кроаціи, Славоніи и Босніи. Сверхъ того нѣкоторые изъ жителей Босніи еще въ XV столѣтіи отпали отъ христіанства и приняли исламизмъ; но за всѣмъ тѣмъ въ настоящее время пра-

вославныхъ между Сербами считается гораздо болѣе, чѣмъ послѣдователей другихъ вѣръ. Были еще послѣдователи секты Катаровъ.

Такъ какъ княжество Сербское только съ 1828 года приобрѣло себѣ независимость, а до послѣдняго времени упомянутыя нами сербскія земли переходили изъ рукъ въ руки (лишившись самостоятельности, они сначала подпали подъ власть Венгріи, потомъ Австріи и Турціи), то естественно, что между ними было мало общаго: всякія сношенія между ними прерываемы были военными вторженіями со стороны сосѣднихъ народовъ. Велѣдствіе этого разъединенія, пало было сознаніе единства сербскаго народа; единство это теперь опять сознается путемъ литературнымъ. Вся мѣстность, занимаемая сербскими Славянами, получила названіе *Иллирии*, а общій, литературный сербскій языкъ наз. *иллирійскимъ*; мы будемъ называть его *сербскимъ* вообще.

Сербскій языкъ имѣетъ многія черты общія съ ц.-славянскимъ, но во многихъ случаяхъ есть и отличія, въ особенности по отношенію къ фонетикѣ; эти отличія отразились и въ его флексіяхъ.

Въ фонетическомъ отношеніи сербскій языкъ отличается отъ ц.-славянскаго:

- а) большею вокальностію,
- б) чрезвычайнымъ ослабленіемъ аспираціи и
- в) искони замѣтною, такъ сказать, враждою къ звукамъ жд и шт и особеннаго рода замѣненіемъ ихъ другими звуками.

Перейдемъ къ тѣмъ же звукамъ, которые служатъ характеристическими чертами ц.-слав. языка.

ъ и ь у Сербовъ смѣшиваются, особенно въ концѣ словъ; такъ, слово *звѣрь* произносится *звѣръ*. Вообще же представителемъ этихъ обоихъ звуковъ есть звукъ *а*, т. е. тамъ, гдѣ въ ц.-слав. языкѣ можно допустить эти два знака, въ сербскомъ *а*: днь — *дан*, снь (сонъ) — *сан*, мькнж —

макнем, мѣнож (мною) — *маном*. На концѣ словъ *ъ* и *ь* стерлись окончательно.

Звукъ *ж* для сербскаго языка, какъ и для русскаго, имѣеть значеніе *у*: *джъ* — *дуб*, *гжѣ* — *губа*. Есть однако случай, гдѣ *ж* если не сохранило носоваго произношенія, то по крайней мѣрѣ приближается къ нему: именно твор. пад. именъ существительныхъ, кончащихся на *а*, принимаетъ *ом*: *жена* — *женом*. По всей вѣроятности это окончаніе *ом* есть остаток ц.-слав. (*женож*).

Звукъ *а* Сербъ всегда замѣняетъ звукомъ *е*: *радъ* — *ред*, *память* — *памет*, *часть* (часть) — *чест* (по наше слово *честь* по сербски наоборотъ будетъ *част*; по ц.-слав. *чьсть*).

ѣ есть одинъ изъ гласныхъ звуковъ, характеризующій сербскія нарѣчія. Оно имѣеть тройкое произношеніе: 1) какъ латинское *e* (наше *э*) — *вера*, *мера* (произн. *вэра*, *мэра*), 2) какъ *ије* (*вијера*, *мијера*) и 3) какъ *и*. Основываясь на этомъ тройкомъ выговорѣ звука *ѣ*, сербскій ученый литераторъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ дѣлитъ сербскій языкъ на три нарѣчія:

1) *Рессавское*, которымъ говорятъ въ Браничевѣ до рѣки Тимока, въ Рессавѣ, въ Парачинскомъ округѣ до рѣки Ниссы, Левачева, Темнича, въ Крушевцѣ до Косова. Въ этомъ нарѣчій *ѣ* произносится всегда какъ чистое *e* (*э*).

2) *Герцеговинское* у жителей Герцеговины, Черногоріи, Босніи, Далмаціи, Кроаціи и верхней части Сербіи до Мачвы, Валева и Карловца. *ѣ* = *ије*.

3) *Далматинское* — въ Далмаціи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи, именно въ Сирміи. Здѣсь *ѣ* = *и*, подобно какъ у Чеховъ и Малороссовъ.

Въ литературномъ языкѣ эти три произношенія смѣшиваются, тѣмъ болѣе, что Сербы мало обращаютъ на это вниманія; впрочемъ, въ позднѣйшее время въ нихъ ясно видно намѣреніе сдѣлать произношеніе *ије* — общимъ, какъ среднее между *e* и *и*. Въ своихъ народныхъ пѣсняхъ Сербы стараются рѣзко отличить всѣ эти три различныя произношенія буквы *ѣ*, такъ что по выговору этого звука

легко можно догадаться, откуда именно заимствована пѣсня.

Звука *ы* Сербы не имѣютъ вовсе: онъ замѣняется у нихъ мягкимъ *и*: *быти* — *бити*, *рыба* — *риба*, *мы* — *ми* и проч.

Звукъ *е* удержалъ въ сербскомъ языкѣ свое первоначальное произношеніе (какъ латинское *e* или наше *э*). Прочія гласныя *д*, *о*, *оу* произносятся также, какъ *п* въ ц.-слав. языкѣ.

рѣ и *лѣ* въ сербскомъ языкѣ не требуютъ послѣ себя гласныхъ, хотя *ѣ* и опускается, такъ *прст*, *грст*. Эта гласность звука *рѣ* еще болѣе замѣтна въ стихахъ, особенно въ народныхъ пѣсняхъ: тамъ *рѣ* составляетъ слогъ; напр. *пѣрста* будетъ ямбъ; мало этого: *рѣ* можетъ быть не только гласнымъ звукомъ, но даже гласнымъ *долгимъ*. Иногда при *рѣ* слышится гласный звукъ, который большею частію ставится передъ *рѣ*, — доказательство, что *рѣ* есть ничто иное, какъ вокализированное *р*. — *Лѣ*. — Въ отношеніи этого звука Сербъ подтверждаетъ, что и этотъ звукъ, подобно *рѣ*, могъ вокализироваться; Сербъ его не знаетъ: *лѣ* вездѣ у него переходитъ въ *оу* или въ *о*; именно, всякій разъ, когда *лѣ* стоитъ на концѣ словъ, онъ переходитъ въ гласную *о*, когда же въ срединѣ — въ *у*. Потому, не странно теперь видѣть, когда Сербъ говоритъ и пишетъ: *вук* (вѣлкѣ — волкъ), *тук* (тѣлкѣ — толчокъ). Переходъ *лѣ* въ *о* на концѣ словъ составляетъ отличительный характеръ сербскихъ причастій; такъ *дао* — *далѣ*, *био* — *билѣ*, *былѣ*, *сео* — *слѣ*, *брао* — *бралѣ*. Въ стихахъ вообще и въ далматинскомъ нарѣчій эти двѣ гласныя поглощаются одна другою, такъ что вмѣсто двухъ является одна долгая (въ греческихъ грамматикахъ это называется *хрᾶσις*). Теперь легко понять, почему односложныя слова такъ странно звучать: *воо* (воль), *коо* (коль) и т. п., хотя они и пишутся просто: *во*, *ко*. Но такъ какъ *ѣ* смѣшивается съ *ь*, то и *лѣ* можетъ измѣниться по тому же правилу, какъ и *лѣ*, въ *о*; напр. *соль* — *сѣ* (соль), *мысль* — *мисао* (мысль).

И такъ, чтобы узнать нѣкоторыя непонятныя съ пер-

хорутанскомъ, это переходъ *ж* въ *р*. Такое замѣненіе можно видѣть и въ другихъ языкахъ, гдѣ впрочемъ въ *р* (*r*) переходитъ *с* (*s*); такъ позднѣйшее латинское *hopor* было *hopos*; подобное же явленіе есть и въ сербскомъ языкѣ; въ немъ *ж* замѣняется *р*: слово *јер*, употребляющееся какъ союзъ, есть ц.-слав. *еже*, *морем*—могу (вм. *можем*).

Нелишнимъ будетъ еще замѣтить, что сербскій языкъ любитъ перестановку звуковъ или слоговъ (*metathesis*). *Metathesis* существуетъ и въ ц.-слав. языкѣ, такъ, камы (камень) произошло отъ *акмы* (ср. литовское *акма*), *рамо* отъ *армо* (ср. нѣм. *Arm*). Точно также Сербы вмѣсто *монастырь* говорятъ *намастир*. *Metathesis* во всякомъ языкѣ бываетъ вслѣдствіе извѣстныхъ фонетическихъ законовъ.

Что касается до орфографіи, то у Сербовъ ихъ нѣсколько; кромѣ славянской, кирилловской, есть еще латинская; въ послѣднемъ случаѣ, при встрѣчѣ съ чисто-славянскими звуками, они прибѣгаютъ къ разнымъ комбинаціямъ и особеннымъ означеніямъ; латинская орфографія также видоизмѣняется смотря по мѣстности: въ сербскихъ земляхъ ближе къ Италіи употребляется итальянская орфографія, ближе къ Венгріи — венгерская, къ Нѣмецкимъ землямъ — нѣмецкая. Вукъ Стефановичъ Караджичъ употребляетъ кирилловскую азбуку съ прибавленіемъ знаковъ: *ѣ*, *л*, *ћ*, *ђ*, *ј*, *џ* и за исключеніемъ *ѡ*, *ѣ*, *ы*, *х*; впрочемъ, въ новѣйшихъ изданіяхъ буква *х*, хотя непроизносимая, пишется. Сербы католики употребляютъ шрифтъ латинскій съ вліяніемъ итальянской, венгерской или нѣмецкой орфографіи. Въ 1840-хъ годахъ вошла въ употребленіе у Сербовъ орфографія чешская: она чрезвычайно проста—состоитъ изъ буквъ латинскаго алфавита, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ окончаній для звуковъ чисто славянскихъ; именно: звукъ *ч* выражается буквою *č*, *ж* — *ž*, *ш* — *š*, *х* — *ch*. Смягченіе выражается *j* или знакомъ ('): *дъ* (*ћ*)—*dj* — *d'*, *ть* (*ћ*)—*tj* — *t'*, *с*; *н* — *n*.

Переходимъ теперь къ флексіи. Всѣ позднѣйшіе языки отличаются: а) *ослабленіемъ вокализаци* или, какъ я называю, *паденіемъ гласныхъ* и *усиленіемъ смягченія соглас-*

изъ ц.-славянскаго. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ *х* превращается в *ј*: *мѣхъ*—*мијеј*, *смѣхъ*—*смијеј*.

Звукъ *жд* для сербскаго языка невозможенъ; Сербы стараются даже избѣгать тѣхъ словъ, гдѣ этотъ звукъ необходимъ; такъ, вмѣсто нашего *ждать* Сербъ говоритъ *чакати* (у Поляковъ *szeкас*). Вообще же звукъ *жд* произносится у него какъ *дј*: доказательство того, что это *жд* есть ничто иное, какъ іотированное *д*. Этотъ звукъ *дј* такъ обыченъ въ сербскомъ языкѣ, что Вукъ Стефановичъ Караджичъ предложилъ выражать его на письмѣ такимъ образомъ: *ђ* (этотъ знакъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ рукописяхъ); такъ отъ глагола *родити* прич. страд. будетъ *рођен* (рожденъ). Поэтому всѣ сравнительныя степени, особенно прилагательныхъ, кончащихся на твердое *д*, принимаютъ *ђ*: *млад*—сравн. *млађи*. Отсюда всѣ формы и слова, въ которыхъ въ ц.-слав. и частию у насъ есть *жд*, въ сербскомъ языкѣ исключительно имѣютъ *ђ*: *рђа*—ржавчина, *међа*—межа. Подобнымъ же образомъ *шт* въ сербск. языкѣ измѣняется въ *тј* во всѣхъ производныхъ формахъ (что доказываетъ, что *шт* есть іотированное *т*); но тамъ, гдѣ *шт* коренное, оно удерживается: *штука* (щука). Для выраженія звука *тј* Караджичъ употребляетъ знакъ *ћ*: *оћу*—хочу (*хъштж*), *свијећа*—свѣча (*свъшта*), *ноћ*—ночь (*ношть*), *ћутити*—ощутить.

Вотъ, собственно, важнѣйшія фонетическія отличія сербскаго языка; есть конечно много и другихъ, но они не такъ важны. Для выраженія звука *дж*, встрѣчающагося въ словахъ, заимствованныхъ изъ языковъ турецкаго и итальянскаго, у Сербовъ есть знакъ *џ*: *џенерал*, *Караџић*. *У* иногда замѣняетъ *в*: *удовица*—вдовица. *Ц* употребляется вмѣсто *ч* передъ *р*: *црв*—червь, *црево*—чрево, *црн*—черный. Многіе звуки выпускаются, въ особенности *л*, *т*, *д*: *Раосав*—Радослав, *Браен*—Братень. — Иногда *м* измѣняется въ *в*: *виоги*—многій, *тавни*—темный, а *н* въ *л*: *млоги*—многій. — Интересна особенность, которая въ сербскомъ языкѣ существуетъ только какъ зародышъ; во всей же силѣ она господствуетъ въ сосѣднемъ съ нимъ нарѣчій—

ныхъ звуковъ; паденіе это чувствуется не въ однѣхъ флексіяхъ, но и въ самомъ корнѣ; в) *смышеніемъ падежей*; такъ, ц.-слав. *сынъ* есть вин. п твор. падежи, а для русскихъ именительный; русское окончаніе имен. пад. множ. числа на *и, ки, жи* есть окончаніе вин. пад. въ ц.-слав. языкѣ (*гы, кы, хы*).

Вотъ общія правила, на основаніи которыхъ можно приступитъ къ объясненію склоненій именъ существительныхъ въ сербскомъ языкѣ.

Когда мы говорили о склоненіяхъ въ ц.-слав. языкѣ, мы представили тамъ для нихъ таблицу перехода звуковъ, за основаніе которой приняли твердыя и мягкія окончанія; подобная же таблица достаточно объясняетъ намъ и сербскія склоненія, причемъ мы должны имѣть въ виду параллельность окончаній сербскихъ съ ц.-славянскими: такъ, вездѣ гдѣ въ ц.-слав. въ склоненіяхъ есть *ы*, въ сербскомъ этому окончанію соотвѣтствуетъ *е*, гдѣ *а* — также *е*, гдѣ *ь* и *оуж* — въ сербскомъ яз. *ом* и т. д., что видно изъ слѣдующей таблицы:

ц.-слав. <i>ы</i>	—	серб. <i>е</i>		ц.-слав. <i>а</i>	—	сербск. <i>е</i>
" <i>ь</i>	—	" <i>и</i>		" <i>ж</i>	—	" <i>у</i>
" <i>ь</i> и <i>оуж</i>	—	" <i>ом</i>		" <i>ь</i>	—	" <i>а</i>

Къ этому должно еще прибавитъ слѣдующія два замѣчанія:

1) Имена мужескаго рода въ дательномъ и предложномъ падежахъ ед. ч. любятъ оканчиваться на *у*.

2) Во множественном числѣ дательный, творительный и предложный падежи всѣхъ родовъ сербскій языкъ заимствуетъ изъ ц.-слав. двойственного числа. Эти падежи оканчиваются на *ма*, предъ которымъ находится *о* или *и*; двойственного же числа сербскій языкъ не имѣетъ.

Для примѣра склоненія возьмемъ слова: *елен* (олень, елень) муж. р. и *жена*.

Еднств. число.

Множеств. число.

Имен.	елен	жена		елени	жене
Род.	елена	жене		елена	жена
Дат.	елену	жени		еленима	женама

Вин. елена	жену		елене	жене
Тв. еленом	женом		}	еленима женама.
Пр. елену	жени			

Существительныя средняго рода въ косвенныхъ падежахъ измѣняются совершенно правильно, по замѣчаніямъ, даннымъ для склоненія именъ мужескаго рода.

Много есть уклоненій отъ всѣхъ этихъ правилъ въ языкѣ литературномъ, но всѣ они произошли вслѣдствіе желанія писателей внести въ сербскій языкъ окончанія русскія и ц.-славянскія (ъ въ дат. ед. ч., ы во множ. ч. и т. п.). Въ тѣхъ существительныхъ; гдѣ въ ц.-слав. яз. есть **ь**: *овьца*, *отыць* въ сербскомъ языкѣ въ родит. множ. находится *a* вездѣ, гдѣ въ ц.-слав. **ь**: *оваца*, *отаца*; вообще въ род. п. множ. ч. сербскій языкъ любитъ вставочное *a*; такъ: *овца* род. мн. будетъ *оваца*. Тоже самое при существ. со слогомъ *ль* — р. м. *кольцо* — *кольць* (колаца).

Существительныя *пжть*, *нощъ* и подобныя имъ, имѣющія въ большей части падежей окончаніе *и*, въ сербскомъ яз. склоняются обыкновеннымъ образомъ: *путь*, *путьа*, *путьу* и т. д. Впрочемъ есть слова, которыя въ большей части падежей имѣютъ *и*: *ствар* Р., Д., Пр. пад. будутъ *ствари* (Твор. пад. *стварју*).

Окончаніе *ль* нѣкоторыхъ ц.-слав. существительныхъ, по правиламъ фонетики сербской переходящее въ *o*, въ слѣдующихъ падежахъ возобновляется съ перемѣною **ъ** на гласныя буквы окончаній. Напр. слово *пепео* (пепель) склоняется слѣдующимъ образомъ:

Ед. ч.: Им. и В. пепео	Множ. число: И. пепели
Р. пепела	Р. пепела
Д. и П. пепелу	Д., Т. и П. пепелима
Тв. пепелом	В. пепеле.

Нѣкоторыя слова въ дательномъ пад. вмѣсто *у* оканчиваются на *еви*: *крал*—*кравеви* (краву). Наращаемыя слова у Сербовъ склоняются аналогично съ ц.-слав.: *теле* род. *телета*, *племе* — *племена* и т. д.

Дательный употребляется иногда вмѣсто родительнаго, какъ и въ русскомъ языкѣ. Сербскій языкъ эту особен-

ность возводитъ почти на степень общаго правила. Тоже явленіе видно въ языкахъ польскомъ и ц.-славянскомъ (напр. do domu; епископъ градѹ; ходатай грѣшникомъ) и можетъ быть объяснено смѣшеніемъ падежей.

Смѣшеніе падежей видно также въ употребленіи звательнаго падежа на *e* вмѣсто именительнаго (*момче, бане* вм. *момак, бан* и т. п.) и наоборотъ, въ особенности въ народной рѣчи.

Творительный падежъ кромѣ окончанія *ом* имѣеть иногда *оме: женоме, еленоме.*

Относительно именъ прилагательныхъ должно сказать то, что для склоненія ихъ могла бы служить таже таблица, которая дана для существительныхъ, потому что неполныя прилагательныя, которыя должно считать за первоначальныя, склоняются подобно существительнымъ; но дѣло въ томъ, что въ сербскомъ языкѣ различіе между полными и неполными прилагательными исчезло, и въ склоненіи эти два рода окончаній смѣшиваются. Для примѣра просклоняемъ во всѣхъ трехъ родахъ прилагательное *жут* (полн. ок. *жути*) *жлѣтъ, жлѣтъи* (желтый).

Единств. число.

Муж. рода.

Жен. рода.

Средн. рода.

Им. жут, жути	жута	жуто
Род. жута, жутога	жуте	} = муж. р.
Дат. жуду, жутому	жутој	
Вин. как им. или род.	жуту	жуто
Твор. жутијем	жутом	} = муж. р.
Пр. жуту, жутом	жутој	

Множеств. число.

Всѣхъ родовъ.

Имен. жути, ср. р. жута, жен. р. жуте
Род. жутије(х)
Дат. жутијем, жутиѣм
Вин. жуте, ср. р. жута, жен. р. жуте
Твор. жутијем
Пр. жутијем

Склоненіе съ мягкимъ окончаніемъ похоже на склоненіе съ твердымъ, мягкое окончаніе зависитъ отъ согласныхъ. Вся разница въ томъ, что въ надежныхъ окончаніяхъ *ога, ому* и т. п. буква *о* замѣняется буквою *е*. Для примѣра просклоняемъ прилагательное *врући* (вржшти — кипучій, горячій):

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. врући, врућа, вруће	врући, -ће, -ћа врући(х) врућим вруће, -е, -а врућим врућим
Род. врућега, вруће, врућега	
Дат. врућему, врућој, врућему	
Вин. врући или врућега, врућу, вруће	
Тв. врућим, врућом, врућом	
Пр. врућем, врућој, врућем	

Степени сравненія. Для *superlativus* отдѣльной формы нѣтъ; Сербы выражаютъ эту степень прибавленіемъ *нај* къ *comparativus*. Окончанія *comparativі* аналогичны съ ц.-сл. для м. р. *ји* (ц.-сл. *ѣи*), для жен. р. *ји-ши* (*ѣиши*), для ср. р. *ѣе=јие*. Согласныя при извѣстныхъ гласныхъ тоже измѣняются, аналогично съ ц.-слав. такъ, отъ *драги* сравни *дражји* (м. *дражјиши*, ср. *дражјие*), *млади*—*млаћи*, *сладок*—*слаћи*. Нѣкоторые прилагат. въ сравнит. ст. имѣютъ вставку *л*: *скуп*—*скупљи*, въ особенноти въ народн. пѣсняхъ.

Есть въ сербскомъ языкѣ и неправильныя степени сравненія, разныхъ корней, какъ напр.:

<i>зао</i> (<i>зѣлъ</i>)	сравни.	<i>гори</i> (ж. р. <i>горши</i>)
<i>велик</i>	„	<i>већи</i> (<i>вашти</i>)
<i>мног</i>	„	<i>внше</i>
<i>добар</i>	„	<i>боли</i> (<i>лучшій</i>)
<i>худ</i>	„	<i>лоши</i>
<i>мали</i>	„	<i>мањи</i> .

Мѣстоименія тоже аналогичны съ ц.-слав. Формы мѣстоименій личныхъ слѣдующія:

Единственное число.

Имен.	<i>ја,</i>	<i>ти</i>	<i>он, она, оно</i>
Род.	<i>мене</i>	<i>тебе, те</i>	<i>нега, ње, нега</i>
Дат.	<i>мени, ми</i>	<i>теби, ти</i>	<i>њему, њој, њему</i>
Вин.	<i>мене, ме</i>	<i>тебе, те</i>	<i>нега, ну, нега</i>

Твор.	мною	тобою	нимъ, нѣмъ, нѣмъ
Предл.	мнѣ	тебѣ	нему, ноу, чему.

Множественное число.

Им. мы, вы, они, оне, она

Род. нас, вас, ни(х)

Дат. нама, вама, нѣма

Вин. нас, вас, ни(х)

Тв. нама, вама, нѣма

Пр. какъ твор.

Отъ род. падежа ед. и мн. ч. муж. и женск. р. мѣстоименія третьяго лица въ сербскомъ языкѣ образовался родъ *adjectiva pronominalia*: *негоу, негова, негово; њен, њена, њено; ни(х)ов, ни(х)ова, ни(х)ово*. Подобный родъ мѣстоименныхъ прилагательныхъ встрѣчаемъ въ нашемъ народномъ языкѣ (ихній, -яя, -ее). Эти *adjectiva pronominalia* склоняются какъ прилагательныя; тоже должно сказать и о *pronomina adjectiva*: *моу, свой, тоу, чѣу* (чей) и *сав, сва, све* (весь). Мѣстоименіе *сав* образовалось влѣдствіе метатезиса и фонетики изъ *въсь*. Ц.-слав. мѣстоименіе *въсь* состоитъ изъ двукъ частей *въ-сь*. Въ сербскомъ языкѣ эти части подверглись метатезису (*сь-въ*), ъ при с обратилось въ *а*, второе ъ пропало.

Подобному же метатезису подверглось вопросительное мѣстоименіе *кто*, которое въ сербскомъ есть *тко*. Этотъ метатезисъ прямо указываетъ на то, что *кто* (*къ-то*) сложилось изъ вопросительнаго *къ* и указат. *тъ*. *Къ* есть первообразъ мѣстоименія *къи* (кой), *кѣи, коу* (у Сербовъ *ки, ка, ко*), а *тъ* — *тои, та, то*. Сербъ перемѣстилъ эти составныя части (*къ-то—тъ-ко*). Склоняется оно очень просто, только предложный падежъ большею частію есть *ткоме*.

Другое вопросительное мѣстоименіе — *что* — выражается двояко: *што* и *ча*. Замѣчательно, что эти два мѣстоименія разграничиваютъ Сербовъ по религіи. Православныя Сербы употребляютъ *што* и потому называются *Штокавци*, католики — *ча* и наз. *Чакавци*. Подобно этому, фран-

цузскій языкъ по одному слову распадается на два нарѣчія: *langue d'ос* и *langue d'oui*.

По отношенію къ глаголамъ сербскій языкъ можно прямо поставить въ параллель съ церковно-славянскимъ

Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на *ти*, первое лицо настоящаго времени — на *ам*, *ем*, *им* и на различіи этихъ окончаній *praesentis* обыкновенно основываютъ дѣленіе спряженій. Но, по аналогіи съ ц.-слав. языкомъ мы и сербскіе глаголы раздѣлимъ на шесть спряженій (слѣдую системѣ Добровскаго).

Къ I-му отдѣлу принадлежатъ глаголы, которые въ настоящемъ времени и неопредѣленномъ наклоненіи представляютъ непосредственное соединеніе корня съ суффиксомъ: *нес-ем*, *нес-ти*; *не(к)ч-ем* (*нек-ти*) — *нећи*; *пис-ти-ти*.

II-го отдѣла глаголы принимаютъ вставку *и* или *ну* между корнемъ и суффиксомъ: *то-н-ем*, *то-н-ути*; *си-н-ем*, *си-ну-ти* (сіять).

У глаголовъ III-го отдѣла вставка между корнемъ и суффиксомъ есть *ије(и)*: *мр-ије-м*, *мр-ије-ти*.

IV-й отдѣлъ. Корень съ суффиксомъ соединяется вставкой *и*: *нос-и-м*, *нос-и-ти*.

V-й отдѣлъ. Корень съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія соединяется посредствомъ *а*; въ настоящемъ же времени могутъ быть различныя гласныя: *шр-ам*, *шр-а-ти*; *пиш-ем*, *пис-а-ти*.

VI-й отдѣлъ, общій всѣмъ славянскимъ нарѣчіймъ, состоитъ изъ глаголовъ, у которыхъ въ настоящемъ времени связующая гласная есть *у*, а въ неопредѣленномъ наклоненіи — *ова*: *куп-у-ем*, *куп-ова-ти*.

Двойственнаго числа нѣтъ.

Настоящее время не представляетъ особеннаго затрудненія. Для примѣра возьмемъ глаголь *плести*. Формы настоящаго времени слѣдующія:

Ед. ч. 1. <i>плетем</i>	Мн. ч. 1. <i>плетемо</i>
2. <i>плетеш</i>	2. <i>плетете</i>
3. <i>плете</i>	3. <i>плету</i> (плетѣть).

Въ глаголахъ, окапчивающихся въ наст. вр. на *им*, 3-е лицо множ. ч. имѣеть *е*, соотвѣтственно церковно-славянскому окончанію *-ать* (хвалять, носить) или русскому *ятъ*: *хвалятъ*, *носятъ*.

Сербскіи языкъ удержалъ *imperfectum* и аористъ. Характеристикою *imperfecti* въ ц.-слав. яз. служить *ѣ* и, при смягченіяхъ, *дѣ*; въ сербскомъ языкѣ *дѣ* удержалось, а *ѣ* по фонетикѣ перешло въ *ѣе*, *е*. Формы *imperfecti* слѣдующія:

<i>Ед. ч.</i>	ц.-слав. плетѣхъ	серб. плетија(x)
	плетѣше	плетијаше
	плетѣше	плетијаше
<i>Мн. ч.</i>	плетѣхомъ	плетијасмо
	плетѣасте	плетијасте
	плетѣхъ	плетија(x)у

Въ аористѣ аналогія съ ц.-слав. яз. также соблюдается:

<i>Ед. ч.</i>	ц.-слав. плетохъ	серб. плето(x)
	плете	плете
	плете	плете.
<i>Мн. ч.</i>	плетохомъ	плетосмо
	плетосте	плетосте
	плетоша	плетоше.

Часто въ аористѣ присоединяется *до*, уцѣлѣвшая форма, какъ надо полагать, отъ глагола *дѣти* (дѣлать); она превращается въ суффиксъ; въ *imperfectum* употребляется другой суффиксъ *дија*, тоже отъ глагола *дѣти*; такой суффиксъ *дија* составляетъ необходимую принадлежность *imperfecta* глагола *оѣу*. Аористъ, сложный съ суффиксомъ *до*, всего болѣе встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ; какъ напр. слѣдующія формы:

<i>Ед. ч.</i>	<i>има-до(x)</i>	<i>Мн. ч.</i>	<i>има-досмо</i>
	<i>има-де</i>		<i>има-досте</i>
	<i>има-де</i>		<i>има-доше.</i>

Что этотъ родъ суффиксовъ произошелъ отъ глагола *дѣти*,

это кажется весьма вѣроятнымъ по сравненію съ нѣмѣскимъ imperfect'омъ, напр. *ich lobte, ich konnte*, гдѣ кончаніе *te*, безъ сомнѣнія, образовалось отъ глагола *thun*—дѣлать, дѣти.

Что касается до *будущаго времени*, то Сербы не могутъ такъ образовать его, какъ, напр., мы, т. е. посредствомъ глагола *буду*. Для нихъ *буду* есть знакъ условнаго наклоненія. Для выраженія будущаго времени, Сербы подобно Болгарамъ, употребляютъ глаголь *хочу*=*оћу*; этотъ глаголь, вслѣдствіе частаго употребленія, превратился у Сербовъ въ родъ суффикса, который, тѣсно соединяясь съ самымъ глаголомъ, дѣлается признакомъ будущаго времени. Разсмотримъ спряженіе глагола *оћу*:

Настоящее время: *оћу, оћеш, оће, оћемо, оћете, оћѣ*

Imperfectum (ц.-слав. *хотѣхъ*) въ сербск. яз. есть *кѣа-дија, кѣа-дијаше, кѣа-дијаше, кѣа-дијасмо, кѣа-дијасте, кѣа-дија(х)у*. Аористъ *кѣе-до* и т. д.

Но обратимся вообще къ будущему времени. Какъ сказано, для образованія будущаго времени Сербы прибавляютъ глаголь *оћу* (*ћу*) въ началѣ, но чаще какъ суффиксъ. Такъ, отъ глагола *плетем* будущее есть:

Ед. ч. <i>плетећу</i>	Мн. ч. <i>плетећемо</i>
<i>плетећеш</i>	<i>плешећете</i>
<i>плетеће</i>	<i>плетеће</i> .

Отъ глагола *играм* — fut. *играћу* и т. д.

Кромѣ будущаго времени перифразисъ служитъ еще и для образованія perfecti и plusquamperfecti, но тутъ употребляется глаголь *юсмь* и причастія; разсмотримъ то и другое.

Глаголь *юсмь* у Сербовъ превратился въ *јесам* и *сам* (*је* отбрасывается). Спряженіе глагола *јесам* слѣдующее:

Настоящее время *јесам, јеси, је, јесмо, јесте, јесу*.

Imperfectum: *бија(х) (бѣхъ), бијаше, бијаше, бијасмо, бијасте, бија(х)у*.

Аористъ: *би(х), би, би, бисмо, бисте, бише* (ц.-слав. *бѣхъ, бѣхъ*).

Будущее: *бићу, -еш, -е, -емо, -ете, -е.*

Слѣдовательно во всемъ спряженіи соблюдена аналогія съ ц.-слав. языкомъ; различіе состоитъ только въ фонетикѣ.

Соединивъ формы глагола *сам* съ причастіемъ на *о, ла, ло* (лѣ, лѣ, лѣ) получимъ сложныя прошедшія: *сам плетѣо* и т. д., *би дао* и т. д.

Причастія аналогичны съ ц.-слав.: 1) на *о, ла, ло* (лѣ, лѣ, лѣ) — *дао, дала, дало*; 2) на *н*: *несен, несена, несено*. Роды настоящаго причастія (на *л, ж. ци*) смѣшались, какъ и въ русскомъ языкѣ, гдѣ эти причастія называются *дѣспричастіями*. Окончаніе, бывшее прежде признакомъ женскаго рода (*шти*), принадлежитъ и мужескому: *плетући* (плетя, плѣтучи). Есть причастія на *ши*: *плетавши*. Замѣчательно, что въ причастіяхъ прошедшихъ бываетъ *сгасис* — слитіе гласныхъ: такъ, вмѣсто *плетѣо* встрѣчается *плѣто*, вмѣсто *знао* — *зна*.

Повелительное наклоненіе образуется чрезъ прибавку къ глагольнымъ формамъ частицъ *нека* (малоросс. *нехай*, польск. *niech*) или *дела* (ц.-слав. и русс. *да*), напр. *нека плетѣ*. *Нека* вполне соответствуетъ нѣмецкому *lassen: lass ihn flechten*.

Изъ *нарпчій* самыя употребительныя: *семо* (сѣмо), *само* (только); *овамо* — тамъ; *откле, покле, закле* — отколѣ; *свада* — всегда; *веће* — больше; *иде му драго* — гдѣ либо; *један пут* — разъ; *веома* (вельми) — весьма; *сада* (сѣ днь) — сегодня, теперь; *чак ѣа* — до, даже до (*usque ad*); *часом* — иногда; *зором* — на зорѣ; *лети* — летом, *зимли* — зимою; *траг, натраг* — назадъ.

Изъ *предлоговъ* замѣтимъ: *крај* — по край, *пут* — къ, *измед* — между, *спрема* — прямо противъ (нѣм. *gegenüber*), *полаг* — по; *код* — у; *уз* — возлѣ; *рад, ради* — ради, для; *без* — безъ; *верху* — о; *по* — по, чрезъ.

Что касается до союзовъ сербскихъ, то должно замѣтить, что почти всѣ такъ наз. винословные союзы произошли изъ относительныхъ мѣстоименій. Самые употреби-

тельные изъ союзовъ: *јере* (еже); *бо*—пбо, потому что, з то что; *нак* (пакн)—опять; *али* (польск. *ale*, греч. *ἀλλά*)—но; *ја*—или; *те* (тѣ)—в; *када*—когда; *тако-ѣер*—дескать сирѣчь; *амо*, *ами*, *ам*, *мо*—но.

Смрт Марка Краљевића.

Поранио Краљевићу Марко
 У нећелу прије јарког сунца
 Покрај мора Урвином планином ¹⁾.
 Када Марко био уз Урвину,
 Поче њему Шарац посртати ²⁾,
 Посртати и сузе ронити.
 То је Марку врло мучно било,
 Па је Марко Шарцу говорио:
 „Давор’ ³⁾, Шаро, давор’ добро моје!
 Ево има сто и шесет лета
 Како сам се с тобом састануо ⁴⁾
 Још ми нигда посрнуо ниси,
 А данас ми поче посртати,
 Посртати и сузе ронити;
 Нека Бог зна, добро бити не ће,
 Оће једном бити према ⁵⁾ глави,
 Јали мојој, јали према твојој“.
 То је Марко у ријечи био,
 Кличе вила ⁶⁾ с Урвина планине,
 Те дозива Краљевића Марка:
 „Побратиме, Краљевићу Марко!
 Знадеш, браће, што то коц посрће?
 Жали Шарац тебе господара,

¹⁾ *Планина* (древне-русск. *полонина*) — гора; ²⁾ *посртати* — спотыкаться, оступаться, хромать (*сртати* — попрыгивать ср. лат. *salto, salio*); ³⁾ *давор* — печаль, забота (*даворје* — печальная пѣсня, сѣтованіе); ⁴⁾ *састануши* — встрѣтиться, случиться; ⁵⁾ *према* — противъ, на; ⁶⁾ *вила* — мифологическое существо сканд. *wole*.

Јер ћете се брзо растапути“ 7).
 Али Марко вили проговара:
 Б’јела вило, грло те бољело!
 Како би(х) се са Шарцем растао,
 Кад сам прош’о земљу и градове,
 И обиш’о Исток до Запада,
 Та од Шарца болег 8) коња нема,
 Нит’ нада мноме бољега јунака?
 Не мислим се са Шарцем растати,
 Док је моје на рамену главе“.
 Ал’ му б’јела одговара вила:
 Побратиме, Краљевићу Марко!
 „Тебе нитко Шарца отет’ не ће,
 Нит’ ти можеш умријети, Марко,
 Од јунака, ни од оштре сабле,
 Од топуза 9) ни од бојна копља,
 Ти с’ не бојиш на земљи јунака
 Већ 10) ћеш, болан, умријети Марко,
 Ја од Бога од старог крвника 11).
 Ако л’ ми се вјеровати не ћеш,
 Када будеш вису на планину,
 Погледаћеш с десна на лијево,
 Опaziћеш 12) двије танке 13) јеле,
 Сву су гору врхом надвисиле,
 Зеленијем листом зачиниле 14),
 Међу њима бунар 15) вода има,
 Онће 16) оћеш Шарца окренути 17),
 С коња сјаши, за јелу га свежи,
 Наднеси 18) се над бунар над воду,
 Те ћеш своје огледати лице,

7) Разставаться; 8) лучший; 9) булава; 10) но; 11) мститель;
 12) пазити — охранять, пасти; опазити — увидать, замѣтить (ср.
 греч. *ὑπάξω*); 13) тонкій (ТЪНКЪИ); 14) закрывать; 15) колодець,
 источник (ср. нѣм. *Brunnen*); 16) тогда; 17) наклонить, поворо-
 чивать; 18) подняться. У всѣхъ Славянъ былъ обычай смотрѣть
 въ воду и узнавать этимъ способомъ время смерти.

Па ћеш виђет, кад ћеш умријети“.
 То је Марко послушао виле,
 Кад је био вису на планину,
 Погледао с десна на лијево,
 Опазео двије танке јеле,
 Сву су гору врхомъ надвисиле,
 Зеленијем листом зачиниле,
 Онђе Марко окренуо Шарца,
 С нега сјао, за јелу га свез’о,
 Наднесе се над бунар, над воду,
 Над водом је лице огледао!
 А кад Марко лице огледао,
 Виђе Марко, кад ће умријети,
 Сузе проли, па је говорио:
 „Лажив св’јете, мој лијепи цв’јете!
 Л’јеп ти бјеше, ја за мало (х)ода(х)!
 Та за мало, три стотин’ година!
 Земан дође, да св’јетом пром’јеним ¹⁹⁾.
 Па повади ²⁰⁾ Краљевићу Марко,
 Па повади сабљу од појаса,
 И он дође до коца Шарина,
 Саблом Шарцу осижече главу,
 Да му Шарац Турком не допадне,
 Да Турцима не чини измета ²¹⁾,
 Да не носи воде ни ђугума ²²⁾;
 А кад Марко посијече Шарца,
 Шарца коца свога укопао,
 Боле Шарца, нег’ брата Андрију;
 Бритку ²³⁾ сабљу преби на четверо,
 Да му сабла Турком не допадне,
 Да се Турци коме не поносе ²⁴⁾,

¹⁹⁾ *перемьнитъ свѣтъ*, переселиться въ другой мѣръ, *умереть*. У Славянъ было повѣрье, что душа не умираетъ, а только перемѣняетъ мѣстопребываніе; ²⁰⁾ *добытъ*, вывезти; ²¹⁾ *служба* (измета турецк. слово); ²²⁾ *навозъ*. ²³⁾ *острая* (отъ *брснжти* — *востричь*, *чистить*); ²⁴⁾ *свалиться*.

Што је нима остало од Марка,
 Да ришћанлук ²⁵⁾ Марка не прокуне;
 А кад Марко бритку преби сабљу,
 Бојно копље сломи на седмеро,
 Па га баци у јелови гране ²⁶⁾;
 Узе Марко перна буздована ²⁷⁾,
 Узе њега у десницу руку
 Па га баци с Урвине планине
 А у сиње у дебело ²⁸⁾ море,
 Па топузу Марко бјеседио:
 „Кад мој топуз из мора изиш'о,
 Онда 'ваки ²⁹⁾ ђетић ³⁰⁾ постану!“
 Када Марко сактиса ³¹⁾ оружје,
 Онда трже дивит ³²⁾ од појаса,
 А из џепа књиге без јазике ³³⁾,
 Књигу пише Краљевићу Марко:
 „Когоћ дође Урвином планином
 Међу јеле студену бунару,
 Те затече ³⁴⁾ онђе дели ³⁵⁾—Марко
 Нега знаде, да је мртав Марко;
 Код Марка су три ђемера ³⁶⁾ блага,
 Каква блага? Све жута дуката,
 Један ћу му ђемер (х)алалити ³⁷⁾,
 Што ће моје т'јело укопати,
 Други ђемер нек се цркве красе,
 Трећи ђемер класту ³⁸⁾ и слијепу,
 Нек слијепи по свијету (х)оде,
 Нек пјеваји и спомињу Марка“.
 Када Марко књигу накитио ³⁹⁾,

²⁵⁾ *христијанское общество*; ²⁶⁾ *вѣтвь*; ²⁷⁾ *шестоперъ оперен-
 ная булава*, бившая, подобно маршалъскому жезлу, признакомъ
 власти; ²⁸⁾ *глубокой*; ²⁹⁾ *вм. оваки — такой*; ³⁰⁾ *герой, дѣтина*;
(дѣтиште); ³¹⁾ *сокрушить*; ³²⁾ *чернилица*; ³³⁾ *пята* (*изъ тур.*
яз.); ³⁴⁾ *находитъ*; ³⁵⁾ *дели* тур. слово значитъ „съ ума спед-
 шій“ отъ приемовъ опіума, переносн. знач. *храбрый*; ³⁶⁾ *мѣшокъ*;
³⁷⁾ *посвящать*; ³⁸⁾ *хромой*; ³⁹⁾ *украшать, написать*.

Книгу врже на јелову граву
 Откуда је с пута на погледу;
 Златан дивит у бунар бацио ⁴⁰⁾;
 Скиде Марко зелену доламу ⁴¹⁾
 Прострије је под јелом на трави,
 Прекстисе, сједе на доламу,
 Самур ⁴²⁾—калпак над очи намаче ⁴³⁾,
 Доље леже, горе не устаде.
 Мртав Марко крај бунара био
 Од дан' до дан' неђељицу дана ⁴⁵⁾,
 Когођ прође друмом ⁴⁵⁾ широкијем,
 Те опази Краљевића Марка,
 Сватко ⁴⁶⁾ мисли, да ту спава Марко,
 Око њега далеко облази ⁴⁷⁾,
 Јер ⁴⁸⁾ се боји, да га не пробуди,
 Ће је срећа, ту је и несрећа ⁴⁹⁾,
 Ће несрећа, ту и среће има:
 А сва добра срећа изнијела ⁵⁰⁾
 Игумана Светогорца Васа ⁵¹⁾
 Од бијеле цркве Вилиндара
 Са својијем ђаком Исаијом;
 Кад игуман опазио Марка,
 На ђакона десном руком маше:
 „Лакше ⁵²⁾, синко, да га не пробудиш,
 „Јер је Марко иза сна зловољан ⁵³⁾,
 „Па нас може оба погубити“.
 Гледећ кале ⁵⁴⁾ како Марко спава
 Више Марка књигу опазио,
 Према себе књигу проучио,
 Књига каже, да је мртав Марко.
 Онда кале коца одсједнуо,

⁴⁰⁾ броситъ; ⁴¹⁾ долманъ; ⁴²⁾ смурый; ⁴³⁾ намѣкнѣти, надви-
 путъ; ⁴⁴⁾ со дня на день всю недѣлю; ⁴⁵⁾ дорога (ср. греч. дрѳмос);
⁴⁶⁾ вслкій; ⁴⁷⁾ обходитъ; ⁴⁸⁾ ибо; ⁴⁹⁾ счастье, несчастье (ср. срѣща,
 несрѣща); ⁵⁰⁾ приносить; ⁵¹⁾ Василій; ⁵²⁾ легче; ⁵³⁾ сердитѳ;
⁵⁴⁾ кале или калуер — старецъ (отъ греч. калѳν γερѳντιѳν).

Па привати за делију ⁵⁵⁾ Марка,
Ал' се Марко давно преставио,
Проли сузе проигуман Васо,
Јер је њему врло жао Марка;
Отпаса му три ћемера блага,
Отпасује, себе припасује.
Мисли мисли проигуман Васо,
Ће би мртва саранио ⁵⁶⁾ Марка,
Мисли мисли, све на једно смисли;
Мртва Марка на свог кона врже,
Па га снесе мору на јалију ⁵⁷⁾
С мртвим Марком сједи на галију ⁵⁸⁾,
Одвезе га право Светој гори,
Извезе га под Вилиндар цркву,
Унесе га у Вилиндар цркву,
Чати ⁵⁹⁾ Марку, што самртну треба,
На земли му т'јело опојао ⁶⁰⁾
Насред б'јеле цркве Вилиндара
Онђе старац укопао Марка,
Билеге ⁶¹⁾ му никакве не врже
Да се Марку за гроб не разнаде,
Да се њему душмани ⁶²⁾ не свете ⁶³⁾.

Oružje i jezik.

Od istoka ¹⁾ vrag napade
Da nam pleni sela, grade
Snagom ²⁾ svojeg' oružja,
A mi njega nadvladasmo ³⁾
Sela, grade obćuvasmo ⁴⁾

⁵⁵⁾ *внтязъ*; ⁵⁶⁾ *своронитъ*; ⁵⁷⁾ *берегъ*; ⁵⁸⁾ *галера*; ⁵⁹⁾ *чати* (отъ читати, *ѹЪТАТИ*) *читатъ*, слово, вѣроятно, происшедшее отъ *сншшатъ*, *снетъ*, лат. *lego* значить тоже „сбирать“, у Хорутанъ въ значеніи „читать“ употребляется слово „братъ“ (*brat'*); ⁶⁰⁾ *отпльсатъ*; ⁶¹⁾ *билег* — знамя, документъ, знакъ, признакъ, печать; ⁶²⁾ *врагъ*; ⁶³⁾ *мститъ*.

¹⁾ *востокъ*; ²⁾ *силою*; ³⁾ *одолили* ⁴⁾ *охранили*.

Snagom našeg' oružja.
Od istoka vrag napada
Da nam pleni pleme sada ⁵⁾
Snagom svojeg' jezika:—
A mi njega nadvladamo,
Pleme naše občuvavimo
Snagom našeg jezika.
Što no negda bjaše možno
Kad idjavimo, bratjo, složno ⁶⁾
Snažnom ⁷⁾ našem oružju:
To će ⁸⁾ i sad' biti možno
Samo složno, bratjo, složno!
Snažnom našem jeziku.

Dragutin Rakować, 1841.

⁵⁾ сей день, сегодня теперь; ⁶⁾ дружно, соединенно; ⁷⁾ сильны.
⁸⁾ Не отъ оубу (вспомог.).

IV. Хорутанскій языкъ.

Исторія застаеъ *Хорутанъ* въ V столѣтїи занимающими землю отъ Адриатическаго моря за Вѣну, въ глубинѣ Баварїи до рѣки Инна. Можно съ вѣроятностїю предположить, что они соединялись нѣкогда съ Болгарскими Славянами, именно, когда они заняли свои земли. Хорутане заселяли почти весь Норикъ и Паннонїю. Поставленные впереди славянскихъ поселенїй, будучи самыми западными изъ нихъ, они должны были выдерживать долгую и трудную борьбу съ сосѣдями. Сначала ихъ тѣснили Лонгобарды и Авары, а потомъ началъ тѣснить ихъ Карлъ Великій. Самый гибельный ударъ имъ нанесенъ былъ образованїемъ *Мархїи*, которыя стали стѣснять этотъ народъ все болѣе и болѣе, такъ что Хорутане признають, наконецъ, какъ вассальныя земли, верховную власть то баварскаго, то габсбургскаго дома. Самое горькое было положенїе этихъ Славянъ, пока наконецъ въ борьбѣ протестантизма и католицизма они не сохранили своей національности. Въ настоящее время границы этого славянскаго племени простираются: на западъ по рѣкѣ Сочѣ (Изонцо) до города Бѣляка (Willach); на сѣверъ по чертѣ отъ города Радгоня (Radkarsberg) и, спускаясь на югъ до озера Блатенскаго (Балатонъ, Plattensee), на востокъ отъ озера Блатенскаго идутъ мимо Птуя (Petau) и потомъ на югъ, захватывая земли хорватскїя неправильною чертою до самаго Търста (Триеста). Земли эти суть: большая часть Каринтїи (Kärnthen), южная Штирїя (Steyermark) и почти вся Крайна (Украина) съ Горицею (Görtz). Въ политическомъ и административномъ отношенїи эти земли съ 1815 года образовали королевство Иллирское. Въ Каринтїи главный городъ Целовецъ (Klagenfurt), въ Штейер-

маркъ — Градецъ (Gratz), въ Горницъ — Горница (Görtz) Треть (Триестъ). Такъ какъ эта страна покрыта горами — здѣсь проходятъ такъ наз. Норическія Альпы (Триглавъ — Terglu), — то народъ называетъ себя или Доленцами (въ долинахъ), или Горенцами (въ горахъ); Нѣмцы же называютъ ихъ Виндами, а въ Штиріи — Словенцами. Мы называемъ это племя *хорутанскимъ*, слѣдуя Нестору, который также называетъ ихъ *Хорутанами*, п. ч. часть ихъ земля составляла древнюю Карпнтію или Хоржтанію. Изученіе языка этого племени очень важно въ филологическомъ отношеніи, п. ч. онъ сохранилъ много особенностей языка церковно-славянскаго. Нашлись даже ученые, какъ напр. Копитаръ и Миклошичъ, которые говорятъ, что Святое Писаніе переведено не на болгарскій яз., а на хорутанскій

Мы уже раньше замѣтили, что каждое славянское нарѣчіе имѣетъ свои особенности въ произношеніи гласныхъ. Что же особенно характеризуетъ языкъ хорутанскій, такъ это — *усиленіе ерированія*; каждая гласная въ хорут. яз. можетъ сокращаться, такъ сказать *скрадываться*, и это скрадываніе гласной я называю *ерированіемъ*. Въ сербскомъ языкѣ вокализируются нѣкоторые согласные, слѣдовательно гласные въ немъ избыточнѣе, и отъ того-то этотъ языкъ весьма мелодиченъ; напротивъ того, языкъ хорутанскій благодаря этому ерированію, дѣлается чрезвычайно жесткимъ, отрывистымъ и нѣкоторыя слова при своемъ произношеніи требуютъ даже нѣсколькихъ удареній, вмѣсто одного. Это свойство хорутанскаго языка болѣе всего служитъ къ поясненію ѣ-овъ, которые играютъ весьма важную роль въ фонетикѣ ц.-слав. языка, т. е. что ѣ и ѣ были ничто иное какъ короткія гласныя, но совѣмъ и безгласныя, какъ принимаютъ ихъ нынче, почему объ этомъ звукѣ мы должны здѣсь именно поговорить подробнѣе, нежели какъ было о немъ говорено при обзорѣ нѣкоторыхъ языковъ болгарскаго и сербскаго.

Другое не менѣе важное свойство хорутанскаго языка — особенность его въ смяченіи нѣкоторыхъ согласныхъ. Это второе отличіе тѣмъ замѣчательнѣе, что этимъ то успѣхомъ смяченія согласныхъ и различаются между собою славянскія нарѣчія. Такое смяченіе особенно замѣтно при произношеніи звуковъ *д* и *т*. Въ болгарскомъ языкѣ, какъ намъ уже извѣстно, *д* смягчается въ *жд*, въ сербскомъ въ *дј* (*ћ*), въ хорутанскомъ же самое *д* стирается: остается, слѣдовательно, одно только *ј*. Слова, гдѣ встрѣчается этотъ звукъ, съ перваго взгляда, конечно, намъ покажутся странными, даже непонятными; но эта непонятность будетъ обнажена, если вспомнимъ, что вмѣсто *жд* или *д* употреблена *ј*.

Третья особенность хорутанскаго языка — двойственное число въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Былъ ли ц.-слав. языкъ древнимъ болгарскимъ или хорутанскимъ? — этотъ вопросъ былъ предметомъ спора между учеными. Мнѣнія въ пользу хорутанскаго языка происходили по той именно причинѣ, что языкъ хорутанскій, какъ и древне-славянскій, имѣетъ двойственное число. Противная партія утверждала, что въ ц.-слав. языкѣ двойственное число существуетъ единственно изъ подражанія греческому. Но доказательствомъ противнаго можетъ послужить то, что въ греческомъ текстѣ Св. Писанія мы не встрѣчаемъ двойственного числа, или очень рѣдко. И такъ, если по мнѣнію этихъ ученыхъ двойственное число грецизмъ, то какимъ же образомъ оно существуетъ въ нарѣчіяхъ хорутанскомъ и лужицкомъ?

Но всего интереснѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ всего важнѣе одно общее отличіе этого языка отъ прочихъ съ нимъ сходныхъ, отличіе въ лексикальномъ отношеніи, состоящее въ богатствѣ старинныхъ коренныхъ словъ, которыя мы хотя и знаемъ изъ св. книгъ, но знаемъ ихъ только въ абстрактномъ значеніи, между тѣмъ какъ изъ хорутанскаго языка мы узнаемъ ихъ въ значеніи конкретномъ, мы узнаемъ изъ него множество коренныхъ словъ, отъ кото-

рыхъ въ прочихъ нарѣчіяхъ существуютъ одни только производныя.

Перейдемъ теперь къ фонетикѣ этого языка. При разсматриваніи звуковъ будемъ держаться той-же послѣдовательности, какъ и въ прежде разсмотрѣнныхъ нами нарѣчіяхъ. Начнемъ съ ѣ и ѡ.

Хорутанскій языкъ искони не писался кирилловскимъ буквами; древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники этого языка писаны буквами латинскими, которые впрочемъ имѣютъ то неудобство, что не въ состояніи выразить нѣкоторыхъ чисто славянскихъ звуковъ; вслѣдствіе этого, ученые по необходимости должны внести въ хорутанскій алфавитъ нѣсколько новыхъ начертаній и означеній для звуковъ, невыразимыхъ латинскимъ алфавитомъ, напр. для ѣ и ѡ — знакъ *z*. ѣ и ѡ, безразличные для Хорутанъ, замѣняютъ собою цѣлый порядокъ гласныхъ. Вообще, слѣдовательно, можно сказать, что каждая короткая гласная въ хорутанскомъ языкѣ можетъ переходить въ эти два знака отъ того то при чтеніи чувствуется удивительная быстрота. Представителемъ краткихъ гласныхъ служить знакъ *z* примѣры:

<i>smert</i> — смерть (<i>z</i> =e),	<i>sm</i> — сынъ (<i>z</i> =ы),
<i>člvk</i> — человекъ (<i>z</i> =ѣ),	<i>prp</i> — пжпъ (<i>z</i> =ж),
<i>prosim</i> — просимъ (<i>z</i> =и),	<i>jezik</i> — языкъ (<i>z</i> =ы),
<i>bib</i> — бобъ (<i>z</i> =o),	<i>bik</i> — быкъ (<i>z</i> =ы).

Всѣ эти примѣры очень ясно показываютъ: 1) что *z* употребляется тамъ-же, гдѣ ѣ въ ц.-сл. и 2) что въ звукѣ *z* можетъ превращаться всякая гласная. Замѣтимъ вообще, что всякая гласная, въ стихахъ и прозѣ, можетъ переходить въ *z*; но въ словахъ, гдѣ встрѣчается это *z* (ѣ, ѡ) могутъ или скрадывать его, или обнаруживать. Довольно часто звукъ *z* означается еще чрезъ *á*. Свойство языка — скрадывать гласныя дало случай потомъ внести въ хорутанскій языкъ греческій метръ; у Хорутанъ переведена Одиссея или Иллиада Гомера, гдѣ соблюденъ размѣръ по длинника. Перейдемъ къ другимъ звукамъ.

По звуку ж Хорутане рѣзко отличаются отъ другихъ Славянскихъ народовъ; въ ихъ языкѣ этотъ звукъ произносится за *o*; исключеній нѣтъ. Прим.: *poi* — пѣть — путь; *dob* — дѣбъ — дубъ; также въ причастіяхъ: *mogōse* — могъшти — могучій, и въ вин. пад. ед. ч. женск. р. — *toko* — мжж — муку; *ženo* — женж — жену. Но вотъ вопросъ, который занимаетъ до сихъ поръ ученыхъ: было-ли это *o* въ старину произносимо съ ринезмомъ, или безъ ринезма, какъ теперь произносится? Такъ какъ Хорутане населяютъ большею частію мѣста гористыя, гдѣ обыкновенно болѣе всего скрывается діалектовъ, то и нашли, что жители этихъ горныхъ странъ, особливо въ Каринтіи, нѣкоторые слова произносятъ съ ринезмомъ не чистымъ, а такъ, какъ будто бы слѣдующая за *o* согласная удваивается; какъ напр. *pott, dobb*.

И такъ ж въ хорутанскомъ языкѣ перешло въ *o*. Отступленіе есть только въ глаголахъ, именно въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени, гдѣ вмѣсто окончанія *o* (ж) встрѣчаемъ *am, em, im*; но за то 3-е лицо множ. ч. всегда оканчивается на *o*, безъ всякихъ исключеній. Такъ, 1 л. ед. ч. *delam, nesem, motim*, — 3 л. мн. ч. *delajo, neso, motijo*.

Звукъ *а* въ хорутанскомъ языкѣ, какъ и въ сербскомъ, переходитъ въ *e*: *gredem* (градж), *ime, duše, red, gledam* и т. п. Въ горахъ, впрочемъ, иногда это *e* (*а*) слышится съ ринезмомъ, напр. *srenča* — срашта (встрѣча).

Произношеніе звука *ѣ* тоже служитъ отличіемъ языка хорутанскаго. При выговорѣ этого звука Хорутанинъ всегда даетъ замѣтить отличіе его отъ *e*; между тѣмъ, какъ у насъ, Русскихъ, нѣтъ почти никакой разницы въ произношеніи *ѣ* и *e*. Эта-то особенность и навела Колитара на мысль, что *ѣ* въ ц.-слав. яз. совсѣмъ не такъ надобно произносить, какъ мы его произносимъ. Подобнымъ образомъ въ латинскомъ языкѣ напр. слова: *magnae terrae* навѣрное произносились прежде не такъ какъ теперь, п. ч. старинное правописаніе этихъ словъ было *magnai terrai*.

И такъ, вообще можно сказать, что хорутанское *ѣ* ни

въ какомъ случаѣ не есть наше *e*; правда, Хорутанинъ въ произношеніи этого звука и подходит къ звуку *e*, но все-таки въ своемъ выговорѣ онъ всегда старается выдать что-то особенное, неуповимое почти для слуха, чего невозможно выразить на письмѣ. Это таже разница, какую природный Французъ, имѣя чистый, правильный выговоръ, дѣлаетъ между звуками *é*, *è* и *ê*: только тонкій слухъ можетъ замѣтить особенность въ ихъ произношеніи. У Хорутанъ *ѣ* имѣетъ тоже произношеніе, какое имѣетъ звукъ *é* во французскихъ словахъ, напр. *bonté, vérité*. Это различіе хотя и тонкое, почти незамѣтное, заставило ученыхъ дать звуку *ѣ* особенное означеніе въ самомъ алфавитѣ хорутанскомъ: *e, ej, ê*. Наряду съ этимъ страннымъ, неуповимымъ произношеніемъ звука *ѣ* можно поставить еще другое: *ѣ* у Хорутанъ произносится еще за *ej*: *lejto, mejsto*; такое произношеніе въ особенности распространено между горцами: первоначально оно существовало, вѣроятно, и у жителей городовъ, но потомъ это двугласное произношеніе стало забываться и замѣняться первымъ, нами упомянутымъ (*e, ê*); между тѣмъ двугласное произношеніе есть коренное; подобнымъ образомъ изъ древне-греческой двугласной *αι* образовалось новогреческое *ε*, латинское *ai* перешло въ *ae*.

Звукъ *ѣ* потерявъ для Хорутанъ; онъ замѣняется у нихъ звукомъ *i*, но часто тамъ, гдѣ только могъ удержаться, переходитъ въ *ѣ* (*ѣ*). Перейдемъ къ согласнымъ.

жд, въ сербскомъ *ђ* (*дј*), въ хорутанскомъ переходитъ въ *j*; это свойство особенно важно: оно доказываетъ, что звукъ *жд* произошелъ отъ смягченія *д* буквою *j*: *sojen* (сѣжденъ), *rojen, preja* (пряжа), *reja* (ражда — способъ), *nija, rja* (ржа).

шт, іотированное *т* (*tj, ѣ*), Хорутане превращаютъ въ *ѣ* (*ч*). Звукъ *щ* (*шч*) употребляется у нихъ рѣдко; въ большей части случаевъ видно преобладаніе *ѣ*. Звукъ *ш* имѣетъ слѣдующія означенія; *Sh, ш, ѣ, щ*.

ль въ сербскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, превращается въ *у* или *о*; въ хорутанскомъ языкѣ также видна

наклонность вокализировать его; часто онъ переходитъ въ *у* или еще чаще въ *в* (ѵ): *сльль*—*сеѵ*. Такой переходъ въ *у* или *в* удерживаетъ иногда и *ль*.

ж Хорутане измѣняютъ въ *г* (р). Есть также случаи, гдѣ и *ј* превращается въ *г*: такъ вопросительное мѣстоименіе *kaj* (кѣи) переходитъ въ *kar*. Превращеніе ж въ *г* особенно замѣтно при глаголахъ: *moram* (вм. *možem*)—могъ.

х (ch) въ хорутанскомъ языкѣ удержалось; только на границахъ съ Сербіею Хорутане видимо удаляются отъ настоящаго произношенія этого звука.

Обратимся къ склоненіямъ; покажемъ сначала отношеніе окончаній хорутанскихъ падежныхъ формъ къ окончаніямъ ц.-слав. Когда мы говорили о флексіяхъ ц.-слав. яз., мы привели тамъ слѣдующую таблицу твердыхъ и мягкихъ окончаній:

тверд.	мягк.	тверд.	мягк.	тверд.	мягк.	тверд.	мягк.
а	и	оу	ю	ы	и	ж	ѣ
ѣмь	іемь	ѣ	и		а	о	ю

Какъ же выражаетъ эту таблицу хорутанскій языкъ? Мы знаемъ, что въ сербскомъ языкѣ *ѣ* во флексіи переходитъ въ *и*: отъ *жена* Дат. пад. ед. ч. будетъ *жени*; въ хорутанскомъ же это *ѣ* переходитъ въ короткое *і* (ī), которое часто переходитъ въ *ѣ* (ѣ). *ж = о*; это *о* и въ винительномъ и въ творительномъ падежѣ одинаково, разница дѣлается только въ произношеніи: *vōdo* (вин., ц.-слав. *водѣ*) и *vodō* (творит., ц.-слав. *водоѣ*); иногда, впрочемъ творительный падежъ имѣетъ окончаніе *oj* (*vodoj*); слѣд. болѣе приближается къ ц.-слав. (*водоѣ*).

Отношеніе хорутанскихъ окончаній къ ц.-славянскимъ въ склоненіяхъ именъ существительныхъ есть слѣдующее:

Церк.-слав.	ы, а	—	хорутанск.	е
”	ж, ѣ	—	”	о
”	ѣмь, іемь	—	”	ам, ем, им
”	оу, ю	—	”	и, ји
”	ѣ, и	—	”	і (ѣ).

Покажемъ это на самомъ склоненіи именъ существительныхъ; замѣтимъ кстати, что хорутанскій языкъ удержалъ двойственное число.

Ед. ч. И.	severj	gad	las (власть)
Р.	severja	gada	lasa (-su)
Д.	severju	gadu	lasu
В.	severj	gad	las
Т.	severjem	gadām	lasām
П.	severj	gadz(ī)	lasī.
Дв. ч.	И. В. З.	severja gada lasa	
Р. Д.	Т. П.	severjam gadam lasam.	
Мн. ч. И.	severji	gadz(ī)	lasje (собр. знач.)
Р.	severjev	gadov	lasov (lasz)
Д.	severjem	gadam	lasam
В.	severje	gade	lase
Т.	severji (-rmi)	gadi (-dmi)	lasi (-smi)
П.	severjich	gadich	laszich.

Въ склоненіи именъ женск. р. ѣ переходитъ въ і, ж — въ о, ож — въ ој или ѵ.

Къ этимъ образцамъ склоненія именъ существительныхъ должно прибавить слѣдующія замѣчанія:

- 1) Род. падежъ муж. р. имѣеть окончанія *a* и *u* (оу).
- 2) Род. пад. множ. ч. муж. р. имѣеть *ov* и только въ немногихъ случаяхъ *i* (ъ) : отъ *las* родъ. множ. — *lasov* и *lasz*.

3) Им. пад. множ. ч. муж. р. имѣеть *i* которое прибавляется къ окончанію им. пад. ед. ч.; въ эпентетическихъ же словахъ вставляется слогъ *ov* съ окончаніемъ *e* (оѵе), наприм.: *sm* им. множ. — *smove*.

4) Твор. пад. ед. ч. и дат. пад. множ. ч. (муж. р.) — одинаковы.

Замѣчательно, что хорутанскій языкъ имѣеть свойство, какъ и русскій, сохранять *неподвижность гортанныхъ*

(plk—plki), между тѣмъ какъ въ сербскомъ и ц.-слав. горташныя измѣняются (плѣкѣ—плѣци).

Хорутанскій языкъ имѣетъ очень много *парацельныхъ* словъ, т. е. такпхъ, у которыхъ во флексіяхъ вставляются слоги; напр.: tele—teleta; drivo—drivesa; slovo—slovesa; pero—peresa; čudo—čudesa и т. д.

Имена прилагательныя Въ ц.-слав. яз. имена прилагательныя, какъ извѣстно, имѣютъ *полное и неполное* окончанія; въ хорутанскомъ яз., какъ и въ сербскомъ, оба эти вида окончаній смѣшиваются; только множ. число исключительно имѣетъ окончанія полныя, хотя бы даже единственное число имѣло неполныя. Нужно однакожь замѣтить, что неполное окончаніе бываетъ только въ женскомъ родѣ; мужескій и средній его не имѣютъ. Хорутане, знающіе дѣленіе своихъ прилагательныхъ на полныя и неполныя, говорятъ, что есть различіе между тѣми и другими по ударенію; такъ неполное окончаніе будетъ: lérĭ, lērā, lērō (лѣрĭ, -а, -о), а полное: lērī, lērā, lērō (лѣрĭи, -и, -ою). Но и это различіе въ разговорѣ теряется. Смѣшеніе тѣхъ и другихъ видно въ склоненіи, напр.:

	м.	ж.	ср.	Дв. ч.
Ед. ч. И.	lerĭ	lera	lerō	И. В. З. lera, i, i
Р.	lerĭga	lere	lerĭga	Р. П. lerich
Д.	lerĭmu	lerĭ	lerĭmu	Д. Т. lerima
В.	lerĭga	lerō	lērō	
Т.	lerim	lerō	lerim	
П.	lerim	leroj	lerim	

	м.	ж.	ср.
Мн. ч. И.	lerĭ	lere	lera
Р.		lerich	
Д.		lerim	
В.		lerich	lera
Т.		lerimi	
П.		lerich.	

И такъ, въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ хорутанскій языкъ даетъ преимущество звуку *z* (ъ).

Признакомъ *сравнительной* степени служатъ два окончанія: *ji* и *ši*; притомъ должно замѣтить, что предъидущія согласныя должны подвергаться измѣненіямъ, для нашего языка чуждымъ: от *slab* compar. *slabji* или *slabši*; *grd*—*grji*; *mlad*—*mlaji*, *mlajši*; *trd* — *trji*; *širok* — *širji*. Нѣкоторыя прилагательныя имѣютъ неправильныя степени, какъ напр.:

<i>dobr</i>	— сравн. степ.	<i>bolji</i>	(лучше)
<i>grd</i>	" "	<i>gorši</i>	(хуже)
<i>velik</i>	" "	<i>veši</i>	(ср. польск. <i>większy</i>).

Въ превосходной степени употребляется чаще всего прибавочная частичка *naj*, превращающаяся въ нар. *nar*. Иногда, впрочемъ, Хорутане прибѣгаютъ къ нарѣчію *zilo*, напоминающему ц.-слав. *зѣло*: *zilo bolji* — самый лучший. Въмѣсто *zilo* употребляются также слова: *grozno* (гораздо), *prav* и др.

Имена *числительныя* у Хорутанъ мало отличаются отъ числительныхъ другихъ нарѣчій славянскихъ. *Ordinalia*: *jedn*, *dva*, *tri*, *čteri*, *pet*, *deset*, *sto*, *tisjoč*. Въмѣсто *tisjoč* у Хорутанъ употребляется слово *jezero*. Десять тысячъ — *tma*. *Cardinalia*: *prvi*, *drugi*, *treti* и т. д. Въ счисленіи съ десяти Хорутане прибавляютъ *-jst*: *jednajst*, *dvanajst* и т. д. Начиная съ двадцати, они ставятъ меньшее число впереди большаго: *tri in dvajsat*; это явно германизмъ (*drei und zwanzig*). *Собирательныя* числительныя (*collectiva*): *kopa*—60; *par*—пара. *Неопредѣленныя*: *njekolko*, *njekteri*, *nobeden* (чаще вм. *nobeden*, *noben*)—нѣсколько и нѣкоторыя другія.

Мѣстоименія хорутанскія не представляютъ ничего затруднительнаго. Замѣчательно, что Хорутане сохранили древнее *язъ* — *jaz*, но чаще *a* превращается въ *e*: *jez*, *jest*. Второе лицо — *ti*, третье — *on*. Болѣе замѣчательныя формы личныхъ мѣстоименій слѣдующія: *jez* (язъ), *мно* (мѣноѣ), *мене* (менѣ); dual. *na*, *va*; *naju* (*naj*), *vaju* (*vaj*); *nama*, *vama*; *sam*, *samga*.

Pron. possessiva: *moj*, *voj* и т. д., род. пад. *mojga*, *vojga* и т. д. *Demonstr.*: *ti* — тотъ. Изъ личнаго мѣстоименія *онъ* (*on*) Хорутанинъ сдѣлалъ указательное *uni* (о-ный), нѣм. *jener*. Вопросительныя: *ki* (кѣи)? *katarì* (родит *katriga*), *kdo* (кто)? *kaj* (что)? Замѣтимъ при этомъ свойство хорутанскаго языка образовать отношеніе посредствомъ прибавки къ мѣстоименіямъ звука *r*. Такъ напр. *kdo* значитъ *кто*; *kdor* же имѣетъ значеніе *тотъ кто*; *kako* — *kakor*, *niekdo* — *niekdor*, *niehce* — *niehcer* и т. п. И такъ *r* прибавленное къ какому нибудь мѣстоименію, дѣлаетъ его мѣстоименіемъ относительнымъ; то же самое свойство относительности сохраняетъ *r* и при нарѣчіяхъ: *kamo* — куда, *kamor* — туда, гдѣ.

Кстати замѣтимъ здѣсь признакъ, отличающій остро-влянъ сербскихъ и хорутанскихъ; этотъ признакъ состоитъ въ произношеніи слова *kaj*: одни произносятъ его *kaj?* — другіе же *čaj* или *ča*: отсюда названіе *Кайкавецъ* и *Чакавецъ*.

Глаголы. При разсматриваніи церковно-славянскихъ глаголовъ, мы раздѣлили ихъ на шесть отдѣльныхъ рядовъ. Глаголы хорутанскіе болѣе или менѣе подходятъ къ болгарскимъ или сербскимъ. По вставочнымъ гласнымъ можно привести хорутанскіе глаголы въ параллель съ церковно-славянскими и точно также, какъ и тамъ, раздѣлить ихъ на шесть спряженій.

І-е, гдѣ въ церковно-славянскомъ непосредственно прибавляется къ корню окончаніе: *lezi-m*, *leziti*. Къ этому спряженію надобно отнести и тѣ глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласную: *bie-m*, *bi-ti*.

II. Глаголы этого разряда принимают вставочное *n*: *dvig-n-em, dvig-n-eti*.

III. Сюда принадлежащие глаголы имеют настоящее время на *im*, неопределенное наклонение на *ti* с прибавкою *e*, которая в настоящем времени потерялась: *letim—leteti, visim—viseti*.

IV. Настоящее время кончится на *im*, неопределенное на *ti*: *pust-im, pust-i-ti; red-im, red-i-ti*.

V. В этом спряжении настоящее время имеет окончание *am*, неопределенное наклонение — *ati*: *gledam—gledati*.

VI. Относящиеся к этому спряжению глаголы присоединяют суффикс к корню посредством вставки *u* или *ova*: *kup-u-jem, kup-ova-ti*.

Разсмотрѣвъ внимательнѣе все эти шесть разрядовъ хорутанскихъ глаголовъ, можно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ соединить окончаніе настоящаго времени, и самое раздѣленіе сдѣлать нѣсколько общнѣе. Такъ, въ I и II спряженіяхъ настоящее время кончится на *em*; въ III и IV на *im*; слѣдовательно, мы имѣемъ собственно три окончанія настоящаго времени: *am, im, em (ujem)*. Основываясь на этихъ окончаніяхъ, лучше вмѣсто шести спряженій принять только три; особенно такое раздѣленіе было бы намъ полезно для узнаванія другихъ формъ настоящаго времени.

Чтобы спрягать хорутанскіе глаголы, надобно только вспомнить, что въ I и II спряженіяхъ настоящее время, 3-е лицо множ. ч. непосредственно оканчивается на *o*, и иногда съ предъидущими гласными *aj, ej, ij* (*ajo, ejo, ijo*): *lezem—lezo; delam—delajo; molim—molijo* и т. п.

Прочія времена суть такъ наз. *перифрастическія*, т. е. спрягаются только въ соединеніи со вспомогательнымъ глаголомъ. Imperfect'a нѣтъ, отъ аориста остались только слѣды. Для примѣра спряженія возьмемъ два глагола: *lezti* и *biti*. Настоящее время есть:

Единств. ч.	<i>lezem</i>	<i>bijem</i>	Двойств. ч.	<i>lezeva</i>	<i>bijeva</i>
	<i>lezeš</i>	<i>biješ</i>		<i>lezeta</i>	<i>bijeta</i>
	<i>leže</i>	<i>bije</i>		<i>lezeta</i>	<i>bijeta</i>

Множ. ч. *lezemo* *bijemo*
lezete *bijete*
lezo *bijo*.

Чтобы знать спрягать прошедшее и будущее времена, нужно узнать сначала спряженіе вспомогательнаго глагола *sm*:

Настоящее время: *sm, si, je; esmo, ste, so; sva, sta, ste*.

Прошедшее: *sm bil, -a, -o, si bil* и т. д.

Будущее: *bodo, bodeš, bode, bodeva, bodeta, bodemo, bodete, bodejo*; или сокращенно: *bom, boš, bo, bova, bota, bota, bomo, bote, bojo*.

Чтобы составить прошедшее время какогонибудь глагола, нужно взять формы вспомогательнаго глагола и прибавить къ нимъ причастіе: *sm bil, sm delal, sm lezl*.

Хорутане различаютъ два *будущихъ*. Форма *bodo* или *bom* можетъ соединяться или съ неопредѣленнымъ наклопеніемъ, что образуетъ *futurum simplex*, какъ напр. *bodo delati*; или съ прошедшимъ, что образуетъ *futurum exactum*: *bodo delal*.

Повелительное наклоненіе въ хорутанскомъ яз. почти сходно съ наст. вр.; *сослагательное* образуется посредствомъ прибавки къ настоящ. или прош. времени союза *deb* (бы). Сверхъ того хорутанскій языкъ удержалъ *достигательную* форму, которая ставится такъ, какъ *supinum* въ латинскомъ языкѣ, при глаголахъ, означающихъ движеніе: *idem piti — eo bibitum, idem delati — eo factum*.

Хорутане имѣютъ у себя всѣ причастія, свойственныя ц.-слав. и русск. яз.: *delal, -a, -o; delavši, -a, -o, delajsč, delan* и т. д. У нихъ встрѣчается также окончаніе причастія *aje*: *delaje*; такая форма употребляется соотвѣтственно нашему дѣепричастію, но она, впрочемъ, есть рѣдкость.

Скажемъ теперь о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи. Что касается до *нарпчій*, то въ хорутанскомъ языкѣ они мо-

гутъ быть образованы или изъ именъ существительныхъ, или изъ прилагательныхъ и въ такомъ случаѣ по большей части оканчиваются на *o* или *i*. Въ позднѣйшее время у Хорутанъ стали преобладать нарѣчія на *m*. Сверхъ того, нарѣчія образуются, какъ и въ ц.-слав. яз., изъ разныхъ частицъ, которые могли быть мѣстоименіями. Перечислимъ нѣкоторыя изъ нарѣчій:

<i>sem</i> —здѣсь (сѣмо)	<i>inda</i> —иногда, въ другое время
<i>te, tam</i> —тамъ	<i>koj</i> —сейчасъ
<i>sem ter te</i> —тамъ и сямъ	<i>lich</i> —именно
<i>zraven, zravna</i> —при	<i>zdaj</i> —теперь
<i>to kraj</i> —по сю сторону (<i>die-</i> <i>sheits</i>)	<i>sicer</i> —сице
<i>un kraj</i> —по ту сторону (<i>jen-</i> <i>heits</i>)	<i>sonst</i> —въ иное время, ина- че (нѣм.)
<i>vmes</i> —вмѣстѣ	<i>zgodaj</i> —рано
<i>letod</i> —туда	<i>zmiraj</i> —всегда
<i>nekod</i> —куда-либо	<i>zilo</i> —зѣло
<i>odtod</i> —отсюда	<i>komaj</i> —едва (нѣм. <i>kaum</i>)
<i>dostikrat</i> —много разъ	<i>nalaš</i> —нарочно
<i>enkrat</i> —разъ	<i>zoper</i> —вопреки
<i>gosto</i> —часто (гжсто)	<i>skoro</i> —почти
<i>zopet</i> —опять	<i>zakaj</i> —почему
<i>dosti</i> —много (просто нар. в до- сталь)	<i>zato, zatorej</i> —потому
<i>niekaj</i> —нѣчто	<i>dosorej</i> —до сихъ поръ
<i>nikaj</i> —ничто	<i>okorej</i> —въ какое время
<i>saj, vsaj</i> —по крайней мѣрѣ	<i>obsorej</i> —нынѣ. теперь
<i>gda, gdaaj</i> —когда	<i>pak</i> —паки, конечно
<i>kdie</i> —гдѣ	<i>pač</i> —да
	<i>res</i> —правда, истинно (ср. ц.- слав. рѣсница).

Сверхъ того у Хорутанъ много locutiones adverbiales.

Перейдемъ къ союзамъ. Мы сказали раньше, что для выраженія отношенія между собою предложеній, Хорутанинъ ц.-слав. ж превратилъ въ *r*.

Такъ какъ въ ц.-слав. яз. изъ мѣстоименія указа-

тельнаго и, и, ю образовался союзъ иже, то и Хорутане стали употреблять его, только въ измѣненной формѣ: *jere*.

Черезъ прибавленіе звука *r* къ мѣстоименіямъ и даже нарѣчіямъ образуется, слѣдовательно, въ хорутанскомъ яз. союзъ: такъ отъ вопросительнаго мѣстоименія *kaj* (что), произошелъ союзъ *kar* (потому что), отъ *ke* — *ker* (пбо); *zato* — *zator* (слѣдственно). Перечислимъ нѣкоторые союзы:

<i>ino</i> — и	<i>ako</i> , <i>ak</i> — если
<i>ker</i> — ибо	<i>če</i> — ли? (польск. <i>czy</i>)
<i>kar</i> — такъ какъ, что	<i>ak-ali</i> — или-или
<i>атрак</i> , <i>рак</i> , <i>ра</i> — по	<i>akoličh</i> — хотя
<i>темиц</i> — но	<i>sicer</i> — конечно, да
<i>de si ravno</i> — хотя	<i>de</i> — что

Примѣчаніе. *de*, будучи винословнымъ союзомъ, можетъ выражать нѣкоторое ограниченіе, именно когда прибавляется къ нему *bi*.

Tedaj, какъ нарѣчіе, значить *тогда*; какъ союзъ — слѣдственно, *то*. Тоже значеніе имѣетъ и другое нарѣчіе *torej* — отсюда.

Изъ предлоговъ замѣтимъ слѣдующіе: *pre*, *pro*, *raz*, *vz*, *pa* (древн. русск. *на* напр. *на-гора*), *bez* (безъ), *змеј* (между), *kraj* — близъ, подлѣ; *od*, *prek*, *vrch*, *protiv*, *skoz* (сквозь), *čez* (черезъ), *pri* (при), старинный предлогъ *zoper* (ц.-слав. *спрѣ*, оставшійся, напримѣръ, въ словѣ соперникъ).

Обратимъ вниманіе на управленіе падежей предлогами. Предлогъ *do* Хорутанинъ употребляетъ вмѣсто *къ*; *čez* ставится вмѣсто *о* (*čez koga* — о комъ, ср. подобное же употребленіе нѣм. *über*). Предлогъ *vrchu* можно переводить нашимъ *о*, напр. *kniga piše vrchu jazika* (книга разсуждаетъ объ языкѣ). Это тоже, вѣроятно, германизмъ: *das Buch urtheilt über die Sprache*. Другіе предлоги *zavoljo*, *zavol*, *zastram* (ради, по, изъ, за, для). *Zraven*, *zravno* имѣетъ также значеніе предлога.

Хорутанскій языкъ имѣеть нѣкоторыя формы, которыя ясно доказываютъ вліяніе на него нѣмецкаго языка. Такъ, напр., онъ употребляетъ въ разговорѣ 3-е лице вм. 2-го; такъ напр. Хорутанинъ говоритъ: *zastopiš-li?* что буквально переведено съ нѣмецкаго *verstehst-du?* — *недолженъ* Хорутанинъ переводить *nevinni* (*unschuldig*).

I. *Dekličke kletve.*

Vmerje mamici ¹⁾ sin edini Konda ²⁾
Mamici žal Kondo pokopati,
Pokopati daleč proč od dwora;
V vrt ³⁾ zeleni nese in ⁴⁾ pokoplie
Pod rumeno njega pomorončo ⁵⁾
Wsako jutro ga ⁶⁾ je obiskala ⁷⁾:
Sin moj, Kondo, ti je zemja težka?
Al so težke javorjove ⁸⁾ dške?
Pregovorja Konda iz zemljice:
Ni ne meni, mati, zemja težka,
Ni so težke javorjove dške;
Ampak kletve ⁹⁾ dekličke ¹⁰⁾ so težke,
Kada zdišne ¹¹⁾, do Boga se slišni,
Ko zakelne ¹²⁾ vsa se zemja trese,
Ko zajoka ¹³⁾, se Bogu uzmili.

II. *Skarb* ¹⁴⁾.

O ti moj Bog blagi!
Kje ¹⁵⁾ je zdej moj dragi?
Ali je na poti?
Ali vince pije?

¹⁾ мать; ²⁾ Кондратій; ³⁾ садъ (вѣртъ, вертоградъ);
⁴⁾ *ino* — и; ⁵⁾ померанецъ; ⁶⁾ *ga* вм. *njega* — его; ⁷⁾ навѣщала;
⁸⁾ яворовыя (яворъ — родъ дерева); ⁹⁾ проклятія; ¹⁰⁾ дѣвичьи;
¹¹⁾ вздохнетъ; ¹²⁾ заклянетъ; ¹³⁾ *jokati* (ц.-слав. ѢКАТИ, польск. *jakać*) рыдать, выть; ¹⁴⁾ скорбь, забота, печаль, тоска; ¹⁵⁾ гдѣ.

Ako je na poti,
Srečno naj popotje,
Če pa vince pije
K zdravju naj mu bode!
Drago če kušuje ¹⁶⁾
Prosto ¹⁷⁾ mu ¹⁸⁾ od mene
Prosto mu od mene
Od Boga prokleta!

¹⁶⁾ *kušovati* (отъ нѣм. küssen) — цѣловать; ¹⁷⁾ прощено;
¹⁸⁾ ему.

V. Чешскій языкъ.

Группа славянскихъ народовъ, разсѣянныхъ по всему пространству земель, начиная съ границы Баваріи и достигая до Галлиціи, на сѣверъ до Саксоніи и Пруссіи и на югъ до земель австрійскихъ, только въ IX столѣтіи составляла одно цѣлое—великое моравское государство, основанное Ростиславомъ и Святополкомъ; въ составъ его входила и Венгрія. Но съ нашествіемъ Венгровъ и при вліяніи многихъ другихъ причинъ, всѣ славянскіе народы, входившіе въ составъ этого обширнаго государства, раздѣлились на три вѣтви: на *Словаковъ*, которые вошли въ зависимость отъ Венгровъ, на *Моравовъ* и *Чеховъ* или *Богемцевъ*, удержавшихъ самостоятельность. Въ настоящее время эти три вѣтви раздѣлены въ отношеніи администраціи, но географически они находятся въ связи между собою. Народное названіе ихъ земель также тройкое: въ Венгріи они называютъ себя *Словенами* (сосѣди зовутъ ихъ *Словаками*), въ Моравіи — *Моравами*, въ Богеміи — *Чехами*. Мы вообще будемъ называть ихъ *Чехо-Моравами*.

Одно племя изъ группы этихъ народовъ — Чехи — имѣли самостоятельную исторію, своихъ королей (до XIV вѣка), свою литературу; въ ихъ землѣ происходили событія, имѣвшія вліяніе на судьбу другихъ народовъ: такъ, тамъ началась гусситская война, тамъ же и тридцати-лѣтняя. Такое значеніе чешскаго племени заставляеть насъ подольше остановиться на его этнографіи и языкѣ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о географическомъ положеніи земель, занимаемыхъ всѣми тремя племенами. Должно замѣтить, что между чехо-моравскими поселеніями находится много поселеній нѣмецкихъ и венгерскихъ и

каждое мѣсто имѣетъ если не три, такъ по крайней мѣрѣ два названія, что не даетъ полной возможности съ точно-стью опредѣлить занимаемую ими мѣстность.

Начнемъ съ Словаковъ. Словацкія земли, находящіяся во владѣніяхъ австрійскаго императора, простираются по при-карпатской части Венгріи и Моравіи. Южною ихъ границею можно бы поставить Дунай и Ипель, если бы только по лѣвую сторону Дуная не было мадьярскихъ поселеній. На западъ Словаки граничатъ по рѣкѣ Моравѣ съ Моравами и Нѣмцами; по той же рѣкѣ границы словацкихъ земель достигаютъ до австрійской Силезіи, на сѣверъ Карпатскія горы, называемыя тамъ *Татрами*, а въ Галиціи *Бескидами*, отдѣляютъ Венгрію отъ Галиціи и Словаковъ отъ Польши; на востокъ границы ихъ доходятъ до рѣки Лаборицы и верховьевъ Ондавы, такъ что верховья обѣихъ рѣкъ остаются за границами, у Руссиновъ.

На означенномъ нами пространствѣ, занимающемъ столицы или комитаты (*Gespranschaften*): Нитранскій, Тренчинскій, Турчанскій, Оравскій, Липтовскій, Зволенскій, Спишскій, Шаршскій, части комитатовъ: Земненскаго, Гемерскаго, Гонтскаго, Говешскаго и Пресбургскаго, живутъ преимущественно Словаки; кромѣ того, они живутъ также и на югъ отъ Карпатовъ и достигаютъ города Пешта; ихъ можно найти и въ самомъ Пештѣ.

Но исчисленные нами комитаты не всегда означаются на картахъ, или, если и означаются, то не всегда имѣютъ постоянныя названія; на одной картѣ встрѣчается нѣмецкое названіе какого-нибудь комитата, на другой—латинское; а потому, чтобы имѣть возможность легко отыскать ихъ, мы выпишемъ здѣсь названія главныхъ городовъ нѣкоторыхъ комитатовъ:

Въ комитатѣ Гонтскомъ гл. г. *Штявница* (*Štávnica*, нѣм. *Schemnitz*).

Въ комитатѣ Земненскомъ гл. г. *Svatý Martin* (по мадьярски *шентъ-Мартонъ*).

Въ комитатѣ Липтовскомъ гл. г. *Svatý Mikuláš* (по мадьярски: *шентъ-Миклошъ*).

Въ комитатѣ Зволенскомъ гл. г. *Bystrica Baňská* (нѣм. Neusohl).

Въ комитатѣ Шарншскомъ гл. г. *Прешовъ* (венг. Эперьесь).

Въ комитатѣ Гемерскомъ гл. г. *Плейсвицъ* (Плѣшивецъ) и *Рожнава*.

Въ комитатѣ Говешскомъ гл. г. *Ягеръ* (венг. Эгеръ, нѣм. Eglau, лат. Agria).

Въ комитатѣ Унгварскомъ гл. г. *Košice* (нѣм. Kaschau, лат. Cossovia).

Земли чешскія заключаютъ въ себѣ Моравію (за исключеніемъ южнаго края ея, занятаго Мадьярами) и такъ наз. Королевство Богемское или собственно Чехію (*Böhmen*). Въ Моравіи города: *Врно* (нѣм. Brünn), *Оломѣцъ* (нѣм. Olmütz). Въ Богеміи или Чехіи: *Прага*, *Боеславъ* (*Bunzlau*). Обѣ эти области, также какъ и земли словацкія, въ разныхъ мѣстахъ заселены Нѣмцами, особенно восточная часть королевства Богемскаго и южная часть Моравіи.

Примѣчаніе. Изъ уѣздовъ или краевъ чешскихъ слѣдующіе заняты Нѣмцами: *Краловѣградскій* (*Königgrätz*), *Биджовскій* (*Bydžow*), *Боеславскій* (*Bunzlau*), *Литомѣрицкій* (*Leitmeritz*), *Жатецкій* (*Saatzkreis*), *Локетскій* (*Ellenbogen*), *Клатовскій* (*Klattau*), *Прахинскій* и *Будѣйовицкій* (*Budweis*), въ Моравіи заселенъ большей частію Нѣмцами край *Зноймскій* (*Znaim*). Всѣхъ Чехо-Моравовъ до 7000000 (оттуда Словаковъ болѣе 2,500,000).

Чешскій языкъ отличается отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій не только особеннымъ выговоромъ звуковъ, характеризующихъ языкъ ц.-славянскій, но также особеннымъ свойствомъ своихъ гласныхъ, свойствомъ, котораго мы не находимъ въ такой степени ни въ одномъ изъ срѣднихъ съ нимъ нарѣчій: это свойство — *суживаніе гласныхъ*. Взглянувъ на историческое развитіе языка, мы видимъ, что это суживаніе шло постепенно: начиная съ

полныхъ гласныхъ, оно доходило до самыхъ узкихъ. Такъ *a* перешло сначала въ *e*, потомъ въ *i* или въ *j*; самое *i* ставятъ нынче часто для того только, чтобы показать, что оно нѣкогда произносилось. По причинѣ этого сѣуживанія гласныхъ, чешскій языкъ потерялъ благозвучіе, которое только и поддерживается просодією. Сверхъ того чешскій языкъ отличается отъ болгарскаго, сербскаго и хорутанскаго еще другимъ свойствомъ—*усиленіемъ іотированія*. Въ чешскомъ языкѣ это іотированіе условливаетъ большое количество смягченныхъ согласныхъ и измѣняетъ даже ихъ значеніе. Въ этомъ языкѣ особенно замѣтно сближеніе съ польскимъ: такъ *g* переходитъ въ *ǣ* (польск. *gz*); такимъ образомъ чешскій языкъ, все болѣе и болѣе сближаясь съ польскимъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнять постепенно коренныя свойства языка церковно-славянскаго. Этотъ переходъ *g* въ *ǣ* Чехи и Моравы приняли, кажется, только въ XII или XIII в., потому что памятники, писанные до этого времени, не заключаютъ въ себѣ этой особенноти и, кромѣ того, языкъ Словаковъ до сихъ поръ еще лишенъ свойства іотированія *g* (*ǣ*) и другихъ согласныхъ: Чехъ говоритъ, напр. *před*, Словакъ же — *pred*. Слѣдовательно разница между Чехами и Словаками заключается въ различномъ произношеніи ими звука *g*; сверхъ того словацкій языкъ удержалъ въ себѣ коренное произношеніе нѣкоторыхъ гласныхъ.

Не мѣшаетъ также сказать здѣсь объ орѳографіи чешской. Чешскій языкъ, уже искони обрабатываясь въ литературномъ отношеніи, имѣлъ различныя орѳографіи. Долѣе всѣхъ изъ нихъ существовала установленная Гуссомъ, который, переводя Библию, принужденъ былъ для уравниенія письменности придумать нѣкоторые особенные знаки для выраженія исключительно славянскихъ звуковъ. Съ 1810 г. введена особая, такъ называемая *органическая* азбука. Покажемъ сначала отличіе Гуссова алфавита отъ нынѣшняго; онъ не вездѣ отличаетъ нѣкоторые звуки; осо-

бенно замѣчательно въ немъ употребленіе звука g; этимъ звукомъ онъ замѣняетъ j: ga вм. ja, hágek вм. hájek. Въ новѣйшее же время согласились выразить чешскіе звуки посредствомъ латинскаго алфавита; для выраженія славянскихъ звуковъ ж, ч, ш стали употреблять љ, ѓ, ѣ; для обозначенія смягченныхъ звуковъ, не имѣющихъ свойства переходить въ другіе, какъ то b, p, m, n, t, начали употреблять знакъ ('): b', p', m', n', t'; русскій звукъ x выражается чрезъ ch, z чрезъ h; звукъ ѣ чрезъ ě. Сверхъ того, чешскій языкъ имѣетъ особенные звуки, которые трудно выразить на письмѣ; для выраженія подобныхъ звуковъ прибѣгли къ извѣстнымъ комбинаціямъ: такъ au (теперь съ 50-хъ годовъ пишутъ ou вм. au), образовавшееся изъ u (прежде ж), произносится какъ ou: tukou, jednou; знакъ ů выражаетъ средній звукъ между o и u: bohů (боговъ). Кромѣ того, надъ нѣкоторыми гласными ставится такой знакъ: ' онъ употребляется не для выраженія ударенія, какъ можно полагать, но для того, чтобы показать длину гласной, выразить просодію.

Что же касается до ударенія на словахъ въ прозѣ, то Чехи въ немъ постоянны: каждое слово имѣетъ удареніе постоянно на первомъ слогѣ, какъ бы длинно оно ни было; но это удареніе, постоянное въ прозѣ, не постоянно въ стихахъ. Стихосложеніе Чеховъ не силлабическое, какъ можно заключать по однообразному ударенію въ ихъ словахъ, но тоническое. Въ послѣднее время были даже попытки основать на такой просодіи метръ чисто классическій (гекзаметръ). Приведемъ для примѣра слѣдующій стихъ изъ Виргилія на чешскомъ языкѣ:

Čtvérmono|hým uje|tou dupo|tém tepe| pódkova | půdu...

Тутъ очень удачно соблюденъ размѣръ подлинника:

Quadrupel|dante pul|trem soni|tu quatit | ungula | campum.

Приступимъ теперь къ самому обзорѣнню фонетики чешскаго языка.

Скажемъ сначала, что всѣ звуки a, e, y, ж, л могутъ

переходить въ тонкіе (i), суживаться: такъ, слово *šáša* первоначально такъ и выговаривалось, какъ оно написано: *čаша*; потомъ оно обратилось въ *šeše*, пынче въ *šíše*. Это свойство гласныхъ переходить въ болѣе узкія наз. *суживаніемъ*, какъ напр. *ljud* (людъ)—*lid*; *ljubiti*—*libiti* и т. д.

Зная измѣненіе, суживаніе *a* въ *e* мы очень легко можемъ теперь объяснить себѣ непонятныя для насъ съ перваго взгляда формы флексій: такъ, напр., нисколько не страннымъ будетъ казаться, что формы *миže*, *меše* суть ничто иное какъ род. пад. отъ *миž*, *меš* (вм. *мижа*, *меша*). Звукъ *и* (оу) переходить въ *i*. *i* можетъ быть иногда произносимо, иногда же вовсе не выговаривается: вм. *máti*, *voláti* можно сказать *mat'*, *volat'*.

Въ отношеніи звука *j* замѣтимъ, что онъ мало по малу переходитъ въ какой то смягченный звукъ,

даже произносится, хотя и пишется: *jdu*, *jmeno* (произносится *du*, *meno*); но когда этому звуку предшествуетъ гласная, то онъ произносится. Особенно это замѣтно при глаголѣ *ѣсмь*: такъ *jsem* выговаривается *sem*; но *nejsem* выговариваются такъ, какъ пишется (*nejsem*).

Ринезмы въ коренныхъ словахъ чешскаго языка имѣютъ свой особенный признакъ, именно *ж* = *ou*, *л* = *a*; но тамъ, гдѣ ихъ можно измѣнять, они могутъ переходить въ различные звуки: *a*, *e*, *i*. Такъ, *л* основное произношеніе котораго у Чеховъ есть *a* (что сохранилось у Словаковъ: *kniaz*—*кѣмазь*) перешло въ *e* и потомъ въ *i*: *пать*—*rět*, *кѣмазь*—*kníže*, *жажда*—*žízeň*, *радити*—*řiditi* и т. п.

И такъ, отличительная черта чешскаго языка состоитъ въ томъ, что простые звуки и ринезмы онъ можетъ *суживать*. Покажемъ теперь, какимъ образомъ чешскій языкъ выражаетъ особенности языка церковно-славянскаго.

Ъ, ъ. Хотя этихъ знаковъ не находится въ письмѣ, все таки они удержались въ чешскомъ языкѣ гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ,

жд = z; этотъ звукъ z смѣло можно принимать за j. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ смягченіе согласныхъ произошло единственно изъ прививки, такъ сказать, къ нимъ j, тамъ, гдѣ стояло d: такъ въ греческомъ отъ φράδω образовалось φράδζω, потомъ φράζω; здѣсь смягченное δ=ζ. Это же смягченное δ въ ц.-слав. яз. перешло въ жд, въ сербскомъ въ dj (ћ), въ хорутанскомъ въ j, а въ чешскомъ въ z: hoditi (бросать) — hozeti, hraditi — hrazen. Это свойство служить непослѣднимъ отличіемъ чешскаго языка отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что значеніе многихъ словъ, по причинѣ измѣненія этого d, дѣлается для насъ, повидимому, трудно-объяснимымъ.

Всѣ эти особенности, какъ по отношенію къ гласнымъ, такъ и по отношенію къ согласнымъ звукамъ, суть ничто иное, какъ слѣдствіе іотирования. Скажемъ теперь о тѣхъ особенностяхъ, гдѣ извѣстныя явленія съ j придаютъ оригинальность чешскому языку.

Мы уже знаемъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ звуки могутъ выпадать или стираться; въ чешскомъ языкѣ могутъ выпадать не только какіе нибудь отдѣльные звуки, но даже цѣлые слоги. Эта особенность бываетъ и въ другихъ нарѣчійхъ, но *сторадъу*. Чехъ очень часто выпускаетъ звуки aj и oj, когда они находятся въ срединѣ слова предъ гласными; такъ, вм. *lajati* онъ говорить *láti* (бранить), вм. *kajati se*—*káti se*, вм. *bojati se*—*báti se*, вм. *mojeho*—*mého*, вм. *smejati se*—*smáti se*. Въ концѣ словъ гласная можетъ быть и употреблена, и иногда опущена: *kamo*, *semo*—*kam*, *sem*. Кстати упомянуть здѣсь также о приставкѣ d предъ l: *mýdlo*, *sádló*, *křídlo*—мыло, са-ло, крыло.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ фонетикой чешскаго языка займемся теперь его склоненіями. — Склоненія чешскія чрезвычайно близко подходятъ къ церковно-славянскимъ: разница только въ одной фонетикѣ; ихъ раз-

личаютъ по твердымъ и мягкимъ окончаніямъ, также по родамъ мужескому и женскому; средній же родъ склоняетъ совершенно одинаково съ мужескимъ, кромѣ падежей именительнаго и винительнаго ед. и множ. чиселъ; двойственнаго ч. у Чеховъ пѣтъ.

Чтобы легче было повясть нѣкоторыя отступленія чешскаго языка въ склоненіяхъ отъ ц.-слав. мы представимъ здѣсь таблицу перехода звуковъ, потому что, какъ мы сейчасъ замѣтили, разницу между чешскими и ц.-славянскими склоненіями составляетъ одна фонетика.

Ц.-слав. а переходитъ въ е или і

»	и	»	»	і	} послѣ смягченія
»	ѣ	»	»	і	
»	є	»	»	і	
»	а	»	»	е	
»	ж	»	»	и	
»	оѣ	»	»	ои	
»	ѣ	»	»	і	
»	єѣ	»	»	і (ji)	
»	ѣмь	»	»	em	
»	омь	»	»	um	
»	ы	»	»	у	
Русск. овъ	»	»	»	ѣ.	

Для чешскаго склоненія можно поставить такое правило: когда окончаніе будетъ твердое, то въ флексіяхъ удерживаются звуки ц.-славянскіе (исключая, конечно, превращенія ж въ и и т. п.), при мягкомъ же окончаніи наблюдать правила перехода звуковъ.

Возьмемъ для примѣра существительныя съ твердымъ окончаніемъ: *dub* и *chláp*.

Единств. ч.		Множ. ч.	
И. <i>dub</i>	<i>chláp</i>	<i>duby</i>	<i>chlápì (ové)</i>
Р. <i>dubu (a)</i>	<i>chlápа</i>	<i>dubŭ</i>	<i>chlápŭ</i>
Д. <i>dubu</i>	<i>chlápu (ovi)</i>	<i>dubŭm</i>	<i>chlápŭm</i>
В. <i>dub</i>	<i>chlápa</i>	<i>duby</i>	<i>chlápy</i>
З. <i>dube</i>	<i>chlápe</i>	<i>duby</i>	<i>chlápì (ové)</i>
Т. <i>dubem</i>	<i>chlápetm</i>	<i>duby</i>	<i>chlápy</i>
П. <i>dubě (u)</i>	<i>chlápu (ě)</i>	<i>dubích</i>	<i>chlápích.</i>

Возьмемъ теперь существительное муж. р. со смягченнымъ окончаніемъ.

Ед. ч.	Мн. ч.
И. меѣ	меѣе
Р. меѣе (вм. меѣа)	меѣѣ
Д. меѣи (вм. меѣи)	меѣѣm
В. меѣ	меѣе
Т. меѣем	меѣи
П. меѣи	меѣѣch.

Изъ этихъ примѣровъ можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Твор. пад. ед. ч. всегда оканчивается на ем (въ муж. р.).

2) Именитель. падежъ множ. числа оканчивается на і, у, é (ové).

3) Род. пад. множ. ч. долженъ бы по настоящему сходствовать съ им. пад. ед. ч., но вмѣсто того оканчивается на ѣ.

4) Вин. пад. множ. ч. постоянно имѣеть у, е.

5) Творит. пад. множ. ч. кончится на у и і, а предложный — на ích.

Обратимся теперь къ склоненію именъ женскаго рода

Съ твердымъ окончаніемъ:

Ед. ч. И. voda	Мн. ч. vody
Р. vody	vod
Д. vodě	vodám
В. vodu (ж)	vody
З. vodo	vody
Т. vodou (оѣж)	vodami
П. vodě	vodách.

Съ мягкимъ окончаніемъ:

Ед. ч. И. země	Мн. ч. země
Р. země	zemí
Д. zemi	zemím
В. zemi	země

З. země	země
Т. zemí	zeměmi
П. zemi	zemích.

И такъ, мы видимъ, что въ склоненіи именъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ падежи не различаются другъ отъ друга. Это смягченіе иногда доходить до того, что не только падежи, но и самые роды смѣшиваются, такъ что для такихъ именъ необходимо постановить третье склоненіе, гдѣ всѣ роды должны слиться въ одинъ общій; особенно такое свойство бываетъ при прилагательныхъ, напр. boží (Божій, -ія, -іе) для всѣхъ родовъ; говорятъ: boží člověk, boží žena, boží dítě. Подобныя имена всѣ склоняются по одному образцу. Для примѣра такого 3-го склоненія возьмемъ существительныя: psaní и kost'.

Ед. ч. И. Р. Д. В. psaní	Мн. ч. И. Р. В. Т. psaní
Т. psaním	Д. psaním
П. psaní	П. psaních.

Ед. ч. И. В. kost'	Мн. ч. И. В. kosti
Р. Д. } kosti	Р. kostí
П. } kosti	Д. kostem
Т. kostí	Т. kostmi
	П. kostech.

Слѣдовательно всѣ падежи, оканчивающіеся на гласную, сливаются. Однимъ словомъ, третье склоненіе есть ничто иное, какъ усиленное слитіе, вслѣдствіе смягченія, всѣхъ родовъ и напоминаетъ склоненіе церковно-славянскаго пѣть и т. п.

Замѣтимъ еще, что α) род. пад. ед. ч. муж. р. можетъ иногда оканчиваться на u; β) предл. пад. вм. ѣ и і также можетъ оканчиваться на u; γ) им. пад. множ. ч. вм. і часто оканчивается на у, е и ové (chlapové, králové).

Сверхъ того при склоненіяхъ чешскихъ надобно замѣтить переходъ гортанныхъ h, k, ch, который слѣдуетъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и въ ц.-слав. яз.: vlk—vlci, lech—lesi, Boh—Bože и т. п.

У Чеховъ есть также небольшое количество *наращаемых* словъ, т. е. такихъ, которыя во флексіяхъ принимаютъ лишній слогъ: tele—telete и т. д.

Имена прилагательныя. Говоря объ именахъ прилагательныхъ, замѣтимъ, что въ нихъ окончаніе *полное* (т. е. соединенное съ мѣстоименіемъ) и *неполное* (безъ мѣстоименія) очень часто смѣшиваются съ собою. Это усѣченное окончаніе удержалось особенно въ именахъ отчужденныхъ (patronymica: Popelův, Petrův) и въ некоторыхъ притяжательныхъ: otcův, bratrův и т. п. Склоненіе ихъ одинаково со склоненіемъ именъ существительныхъ. Прилагательныя полныя очень ясно выражаютъ въ своемъ склоненіи связь съ мѣстоименіемъ, падежныя окончанія ихъ слѣдующія:

Единственное число:			Множественное число:		
муж. р.	ж. р.	ср. р.	муж. р.	ж. р.	ср. р.
И. -ý	-á	-é	-í(é)	-é	-á
Р. -ého	-é	-ého	-ých		
Д. -ému	-ěj	-ému	-ým		
В. -ého(ý) -ou		-é	-é		-á
Т. -ým	-ou	-ým	-ými		
П. -ém	-é	-ém	-ých.		

Зная, слѣдовательно склоненіе ц.-слав. и, ѡ, ѣ, очень легко можно узнать и склоненіе этихъ придаточныхъ мѣстоименій въ чешскомъ языкѣ: стоитъ только г (g) замѣнить чешскимъ h.

Прилагательныя, также какъ и существительныя, соблюдаютъ переходъ гортанныхъ звуковъ: отъ úzký мн. ч. будетъ úzсі.

Сравнительная степень въ чешскомъ языкѣ, подобно какъ и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣла первоначально окончаніе на ěj, но она имѣетъ также и другое,

именно *ější* или *ší*. Нѣкогда эти окончанія разнились между собою по родамъ: *ěj* принадлежало мужескому роду, *ej-ší*—женскому; нынѣ же сознание такого различія печезло совершенно. Наряду съ этими окончаніями стоятъ и сокращенные ихъ виды: *ěj* и *ši*: *hrdý* — *hrděj*, *hrdější*; *slabý* — *slabší*, *bělý* — *bělejší*.

Изъ прилагательныхъ, неправильно образовавшихъ сравнительную степень, замѣтимъ слѣдующія:

dobrý сравн. ст. *lepší*; *zlý* — *horší*; *dlouhý* — *delší*; *malý*—*menší*; *mnohý* — *větší* (муж. р.), *více* (средн. р.). Форма *více* на первый взглядъ странная, объясняется чешскою фонетикою. Въ ц.-слав. языкѣ отъ мнѣгъ ср. ст. была *вашти* (вящій); это *л*, какъ мы знаемъ, въ чешскомъ переходитъ въ *а*; звукъ *а* суживается (=і); *шт*=с (ц). Другая форма *větší*, которая есть также ср. ст. отъ *velký*; есть, безъ сомнѣнія, также метаморфоза *вашти*, только происшедшая вслѣдствіе другаго рода измѣненій звуковъ; вслѣдствіе этой наружной разницы, въ чешскомъ яз. произошло между ними различіе и въ значеніи. Подобный же примѣръ мы видимъ и въ польскомъ языкѣ: тамъ гдѣ ц.-слав. *радъ*, образовались два совершенно различныхъ по значенію слова: *rząd* и *rząd*.

Для превосходной степени въ чешскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особеннаго окончанія нѣтъ; составляется же эта степень посредствомъ прибавленія разныхъ частицъ, чаще всего *nej*, къ сравнительной степени: *malý*, *menší*, *nejmenší*. Кромѣ того, чешскій языкъ образуетъ превосходную степень и перифрастическимъ способомъ, чуждымъ прочимъ нарѣчіямъ и нѣсколько сходнымъ съ образованіемъ превосходной степени въ русскомъ яз. посредствомъ мѣстоименія *самый*; только въ чешскомъ языкѣ вмѣсто нашего *самый* употребляется возвратное мѣстоименіе *sebe*: *kdy by byl sebe bohatší*, *ne bude spasen* (будь онъ самый богатый, и тутъ не будетъ спасенъ). Такое образованіе превосходной степени принадлежитъ къ идиотизмамъ чешскаго языка.

Чешскія мѣстоименія заключаютъ въ себѣ еще многое изъ того періода, когда немногими словами могла быть выражена цѣлая мысль. Они очень аналогичны съ ц.-слав., особенно въ склоненіяхъ, при чемъ, впрочемъ, соблюдается фонетика чешскаго языка. *Личныя* мѣстоименія суть: já, ty, on, *возвратное* — sebe. Изъ падежныхъ формъ замѣчательны: mnou, tebou (*мною, тобою*), sebou (*собою*), sobě (*себѣ*). Прочія формы сходны съ ц.-слав.

Мѣстоименія притяжательныя: můj, tvůj, svůj (склон. какъ прилагат. поли. окончанія. При склоненіи этихъ мѣстоименій и при образованіи другихъ родовъ имѣетъ вліяніе фонетическое правило — выпущеніе цѣлой гласной съ j (û); такъ, женскій родъ будетъ má, tvá, své, род. муж. mého, tvého и т. д.

Мѣстоименіе личное 3-го лица или, лучше, *указательное*—on, ona, оно. Въ косвенныхъ падежахъ оно совершенно совпадаетъ съ другимъ мѣстоименіемъ указательнымъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и мѣстоименіемъ относительнымъ: i, já, je (ц.-слав. и, я, ѿ) съ приставкою že: iže, jaže ježe; самое это мѣстоименіе теперь потерялось въ такой формѣ, но употребляется въ видѣ jenž и již и косвенныхъ падежей. Jenž употребляется для всѣхъ родовъ. Склоненіе слѣдующее:

Ед. ч. И.	on (jenž),	ono (jenž),	ona (jež)
Р.	jehož	„	jíž
Д.	jemuž	„	jíž
В.	jehož	je	již (ji)
Т.	jímž	jímž	jíž
П.	němž	němž	níž

Слѣдовательно, въ мужескомъ родѣ окончанія косвенныхъ падежей сходны съ ц.-слав.; а въ женскомъ, отъ постепеннаго суживанія гласныхъ произошла безразличность падежей.

Множ. число отъ jenž и již обще для всѣхъ родовъ и находится въ совершенной аналогіи съ церковно-славянскимъ.

Другое указательное мѣстоименіе ть (тоть) должно бы

быть t; но оно, подобно польскому, перешло въ ten, ta, to. Склоненіе его какъ и въ ц.-слав. Творят. пад. ед. ч. tím, предл. tѣm; множ. ч. муж. р. tí, женск. ty.

Вопросительныя мѣстоименія: kú? kdo? со? Первыя два одинаковаго происхожденія и суть ничто иное, какъ ц.-слав. къи и къто. Род. пад. koho, Дат. komu. Со образовалось изъ што (шт по чешской фонетикѣ = с (ц)).

Сверхъ того, у Чеховъ есть еще вопросительное мѣстоименіе или, лучше сказать, прилагательное: ѓí (чей). Въ склоненіи падежи, оканчивающіеся на гласную, слились, сдѣлались одинаковыми: ѓí, ѓího и т. д. Есть еще вопросительное мѣстоименіе ktery, склоненіе котораго сходно съ ц.-слав. Отъ вопросительнаго kú можно образовать kúž.

Въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ хорутанскомъ, есть свой особенный способъ выражать отношеніе, и эта особенность доказываетъ очень ясно, что въ историческомъ развитіи языка союзы съ мѣстоименіемъ находятся въ ближайшемъ родствѣ. У Чеховъ возобладала нынче частица an, очень употребительная въ разговорѣ: эта частица тѣмъ болѣе важна, что въ старинныхъ книгахъ чешскихъ она склонялась какъ on со вставкою a: a-on, a-ona, a-ono. Мало по малу о стало выпадать и такимъ образомъ осталось просто an, ana, ano. Потомъ и эти два окончанія вышли изъ употребленія, такъ что an служить для всѣхъ трехъ родовъ и есть не только относительное мѣстоименіе, но и союзъ.

ѓí (уь) -очень часто находится въ такомъ близкомъ сродствѣ съ другими словами, такъ тѣсно соединяется съ ними, что трудно даже бываетъ отдѣлить, объяснить его. Служиваніе гласныхъ можетъ простирается до того, что вмѣсто ѓí можетъ остаться просто ѓ; это ѓ, сrhoщаясь съ другими словами, составляетъ, какъ бы только отдѣльную букву. Его часто можно встрѣтить вмѣсто со :ргоѓ?—про что? оѓ — о чем? заѓ — зачѣмъ? сеѓ (предл. съ и уь), напр. ja nejsem seѓ (я не въ силахъ, не въ состояніи).

Въ отношеніи именъ числительныхъ нѣтъ никакого затрудненія, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ они всѣ какъ-то на одинъ ладъ: *jeden, dva, tři, čtyři, pět, šest, dvacet, padesát, sto, tisíc* и пр. Порядковыя: *první, druhý, třetí, pátý* и пр.; *půl* — половина; но самый способъ численія разнится отъ русскаго.

1) Первое отличіе отъ нашего счисленія состоитъ въ томъ, что меньшія числа ставятся впереди бѣльшихъ: *jeden a dvacet, dva a dvacet*; это явно вліяніе нѣмецкаго языка: *ein und zwanzig, zwei und zwanzig* и т. д.

2) Но у Чеховъ есть второй способъ счисленія отъ 20 до 30, чрезвычайно интересный потому именно, что слѣдъ его находимъ и у нашихъ лѣтописцевъ. Когда Чехъ хочетъ сказать 21, 22 и пр., онъ можетъ выразить это или германизмами: *jeden a dvacet, dva a dvacet*, или такъ: *jedenmécítma, dvámesícítma* и т. д. (*me, mezi* — между, *ícítma* — десятъма); т. е. онъ ставитъ единицы между десятками.

Но изъ всѣхъ частей рѣчи въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, наиболѣе замѣчательны глаголы. Не смотря на всѣ видоизмѣненія, происшедшія вслѣдствіе фонетики, чешскіе глаголы гораздо болѣе, чѣмъ русскіе, сохранили формы своего первообраза — древне-славянскаго языка. Это сохраненіе формъ заключается въ слѣдующемъ: 1) въ неопредѣленномъ наклоненіи Чехъ рѣзко отличаетъ его достигательную форму; 2) въ perfect'ахъ употребляетъ причастія со вспомогательнымъ глаголомъ и 3), что всего важнѣе, въ своихъ причастіяхъ Чехи строго различаютъ роды, что для насъ, Русскихъ, совершенно чуждо: такъ, *текучи* — у насъ для всѣхъ родовъ, а у Чеховъ *teka* (для муж. р.), *tekouc* (для жен. р.). Вообще можно сказать, что чешскіе глаголы ближе всѣхъ подходятъ въ аналогіи съ ц.-славянскими; слѣдовательно и чешскіе глаголы можно раздѣлять на VI рядовъ.

I. Сюда принадлежать глаголы, прибавляющие непосредственно суффиксъ и приставки къ корню: *nes-u*, *nes-ti*, *ri-ji*, *ri-ti*. Прочіе классы глаголовъ имѣютъ слѣдующіе вставки:

II.	<i>sed</i>	—	<i>n</i>	—	<i>u</i>	;	неопр.	<i>sed-nau-ti</i>
III.	<i>sed</i>	—	<i>j</i>	—	<i>m</i>		„	<i>sed-ě-ti</i>
IV.	<i>hon</i>	—	<i>i</i>	—	<i>m</i>		„	<i>hon-i-ti</i>
V.	<i>vol</i>	—	<i>a</i>	—	<i>m</i>		„	<i>vol-a-ti</i>
VI.	<i>kup</i>	—	<i>u</i>	—	<i>ji</i>		„	<i>kup-ova-ti</i>

Изъ этого раздѣленія видимъ, что глаголы I и II разрядовъ соблюдаютъ аналогію если не съ ц.-слав., то съ русскимъ языкомъ; форма же *riji* вм. *riju* есть фонетическое измѣненіе. Глаголы же III, IV и V спряженій принимаютъ въ 1-мъ лицѣ наст. вр. *m*, а неопр. наклоненіе тоже, что и въ ц.-слав. Наконецъ глаголы VI спряженія имѣютъ въ настоящемъ времени *uji*.

Такимъ образомъ глаголы чешскіе можно бы было раздѣлить по окончанію 1-го лица наст. вр. на три отдѣла: къ 1-му относились бы кончащіяся на *u* (*i*), ко 2-му на *m*, къ 3-му на *ji*; но для насъ такое дѣленіе неудобно.

Что же касается до самаго спряженія, то необходимо знать настоящее время, въ которомъ, кромѣ 1-го лица ед. ч., надобно еще замѣтить окончаніе 1-го лица множ. ч. на *me* и троякое окончаніе 3-го лица множ. ч. на *ou*, *ji*, *ej*. Прочія же лица сходны съ ц.-славянскими.

Возьмемъ для примѣра самый простой глаголь *nesu*.

Ед. ч. 1.	<i>nesu</i>	Ми. ч. 1.	<i>neseme</i>
	2. <i>neseš</i>		2. <i>nesete</i>
	3. <i>nese</i>		3. <i>nesou</i> (несжтъ;

суфф. *ть* исчезъ, какъ и во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ, кромѣ русскаго).

Гдѣ же, спрашивается, ставить окончаніе *ou*, гдѣ *ji*, гдѣ *ej*? — Для Чеховъ это чрезвычайно трудно, но за то для насъ, Русскихъ, этой трудности не существуетъ. Для точнаго употребленія каждаго изъ трехъ окончаній можно поставить такое правило: первое окончаніе *ou* ставится тамъ, гдѣ у насъ стоитъ *утъ*; 2-е — *ji*, гдѣ у насъ *ятъ*,

ютъ; 3-е — eji, гдѣ яютъ или ъютъ. Вотъ примѣры: отъ sedám 3-е л. мн. ч. sedají (сидятъ), отъ nesu — nesou (несутъ), отъ sháním — shánějí (сгораютъ).

Послѣ настоящаго времени объ остальныхъ временахъ почти пѣчего и говорить. Замѣтимъ только, что у Чеховъ было простое прошедшее на sh (хъ), но оно существовало только до временъ Гусса, теперь же оно образуется перифрастически, точно также какъ и будущее, т. е. при помощи вспомогательнаго глагола. Слѣдовательно, сказавъ о спряженіи настоящаго времени, мы должны теперь прямо перейти къ спряженію вспомогательнаго глагола, необходимаго для образованія прочихъ временъ.

Общій вспомогательный глаголъ въ чешскомъ языкѣ есть jsem (по Гуссу gsem); другой же jímám употребляется въ перифрастическихъ временахъ довольно рѣдко.

Наст. вр. Ед. ч. jsem	Мн. ч. jsmе
jsi	jste
je (рѣдко jest	jsou (сжть).

Для сослагательнаго наклоненія глаголовъ употребляется прошедшее время bych; это bych всегда находится въ связи съ союзами; отдѣльно оно неупотребительно. И такъ прочія времена отъ глагола jsem, т. е. прошедшее и будущее, суть:

Пр. вр. Ед. ч. bych	Мн. ч. bychom
bys	byste
by	by.
Буд. вр. Ед. ч. budu	Мн. ч. budeme
budeš	budete
bude	budou.

Такимъ образомъ, съ помощію вспомогательнаго глагола, Чехъ можетъ образовать всѣ времена, кромѣ, конечно, настоящаго. Только въ 3-мъ лицѣ ед. ч. прош. вр. опускается вспомогательный глаголъ; такъ, вм. je dělалъ говорится dělалъ. У Русскихъ же теперь вспомогательный глаголъ совершенно исключенъ: удержано одно только причастіе: мы говоримъ, напр., я дѣлалъ вм. старинной формы я есмь дѣлалъ.

Кромѣ того замѣтимъ еще, что чешскій языкъ, подобно польскому, удерживаетъ въ своемъ прошедшемъ причастіи коренную согласную: такъ, отъ глагола *vesti* (*vesti*), прошедшее будетъ *vedl*; у насъ *д* выпало: *велъ*.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о причастіяхъ. Что чешскій языкъ, не смотря на всѣ странныя, вслѣдствіе фонетики происходящія измѣненія, удержался въ близкой аналогіи съ ц.-слав., болѣе всего видно на неопредѣленномъ наклоненіи и на причастіяхъ, особенно настоящемъ.

Причастіе настоящаго времени въ чешскомъ языкѣ рѣзко отличаетъ мужескій родъ отъ женскаго. Этимъ различіемъ родовъ въ причастіи легко объясняются нѣкоторыя, повидимому, странныя формы чешскаго языка. Вотъ примѣры: *řka* (*рѣка* отъ *решти*, напр. въ выраженіи: *има рѣка*), *rna*, *řna*, *teka*, *zna*, *dada*, *moħa*, *dě*, *zva* и проч.

Всѣ эти съ перваго взгляда непонятныя формы суть ничто иное, какъ причастія настоящаго вр. муж. р., которыя въ ц.-слав. оканчивались на *ы* и *а* (второе изъ этихъ окончаній впослѣдствіи часто стало замѣнять первое). Окончанія *ы* и *а* переходя въ чешскій языкъ, безъ всякаго сомнѣнія, должны были, вслѣдствіе фонетическихъ правилъ, измѣняться, именно: ц.-слав. *а* въ чешскомъ всегда замѣняется звукомъ *а*, когда это *а* не стоитъ рядомъ со смягченною согласною (такъ *паты* — *pátý*, но *паты* — *pět*, потому что *т* йотированное). Поэтому причастіе настоящаго времени отъ глагола *рекж* по чешски *řka*, отъ *могж* — *могы* — *moħa* и т. п. Аналогія съ ц.-слав. языкомъ, слѣдовательно, соблюдена какъ нельзя точнѣе.

Чтобы отъ этихъ причастій образовать женскій родъ, надобно опять вспомнить аналогію съ ц.-слав. яз.: тамъ женскій родъ причастій оканчивается на *жшти*: *веды* — *веджшти*, *вды* — *вджшти* и проч. Соблюдая необходимыя

при этомъ фонетическія правила (ж = ou, ш = с, і стира-
ется), мы получимъ: ěkouc, pncouc, ěpncouc и проч.

Но въ чешскомъ яз., вслѣдствіе постоянного сѣзужи-
ванія, это *а* можетъ переходить въ *а*, въ *е* и даже въ *і*,
почему мы находимъ много причастій, вовсе не соотвѣт-
ствующихъ нашему замѣчанію касательно образованія окон-
чаній обоихъ родовъ; но тѣмъ не менѣе, такія причастія
находятся въ аналогіи съ ц.-славянскими; для нихъ мо-
жно постановить такое правило: если ц.-слав. глаголы о-
канчиваются на ѣж или иѣж, то въ чешскомъ яз. прича-
стіе мужескаго рода должно имѣть окончаніе *е* или *ě*; ко-
гда же въ ц.-слав. яз. глаголы будутъ односложные и бу-
дутъ оканчиваться на ѣж, въ чешскихъ причастіяхъ муж.
р. будетъ, вслѣдствіе сѣзуживанія, *і*; напр.: volám — vola-
je, sháním — sháněje, říji — říje, spěti — spěje.

Въ числѣ примѣровъ причастій муж. р. мы помѣсти-
ли дѣ. У Чеховъ есть глаголь *dím* или *děju* — говорю (отъ
котораго у насъ остался только слогъ *де*, употребляемый
во вводныхъ предложеніяхъ: *онъ де былъ*, т. е. *онъ, гово-
ритъ, былъ*). 3-е л. наст. вр. будетъ *dě* или *dí*, прича-
стіе также *dě* или *dí*.

И такъ, мужескій родъ причастія настоящаго време-
ни можетъ оканчиваться на *а*, *е*, *ě*; женскій же въ пер-
вомъ случаѣ на *ouc*, а въ послѣднемъ исключительно на
іс: *spěje — spějís*, *říje — říjís*, *dě — díс* и проч.

Кромѣ причастія настоящаго времени, Чехи имѣютъ
и всѣ прочія причастія, которыя совершенно одинаковы
съ ц.-слав. и русскими: *dělal*, *-а, -о*; *dělav*, *dělavši*, *-vše*;
bit, *-а, -о*.

Въ *неопредѣленномъ* наклоненіи сохранилась совер-
шенная аналогія съ ц.-слав. яз. Не смотря на то, что въ
чешскомъ яз. такъ сильно дѣйствуетъ смягченіе, — мягкое
окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *ti* — не измѣни-
лось: *volati*, *sháněti*, *dělati*. Но кромѣ этого окончанія
чешскій языкъ имѣетъ еще и другое, твердое *t* (т. е. до-
стигательную форму этого наклоненія, соотвѣтствующую
латинскому *supinum*). Занимаясь разборомъ древнихъ сла-

вянскихъ рукописей, Добровскій замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ въ неопредѣленномъ наклоненіи стоятъ ти, въ другомъ тѣ; изъ этого онъ заключилъ, что второе окончаніе должно принадлежать неопредѣленному наклоненію достигательному. Чешскій языкъ сохранилъ это различіе обихъ формъ какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ. Онъ говоритъ, напр, *jdu pit*, что вполне отвѣчаетъ латинскому *eo bibitum*. Это *supinum* на *t* (тѣ) Чехъ ставитъ обыкновенно послѣ глаголовъ, выражающихъ движеніе.

Повелительное наклоненіе сходно съ нашимъ. Только для усиленія повелѣнія Чехи очень часто употребляютъ *nech* (пусть). Это слово находится также въ сербскомъ (нека), малорусскомъ (нехай) и польскомъ (*niech*) языкахъ; но тамъ оно не измѣняется, между тѣмъ какъ Чехи его спрягаютъ: *necháť, necháš, nechà* и т. д. Его можно поставить въ соотвѣтствіе съ нѣмецкимъ *lassen*.

Сослагательное наклоненіе, какъ мы уже замѣтили, образуется посредствомъ формы *bych* и союзовъ.

Для бѣлаго употребленія формъ своихъ глаголовъ, Чехъ или употребляетъ вспомогательный глаголъ *jmat*, или, что бываетъ чаще, сокращаетъ глаголы. Такъ, у него есть одна форма, именно *rgú*, вполне соотвѣтствующая нашему *де* или *моль*; напр. *я говорилъ съ нимъ; онъ отвѣчалъ, что не придетъ* по-чешски будетъ: *mluvil jsem s ním, on rgú ne pŕijde* (онъ де не придетъ). Это *rgú* есть ничто иное, какъ сокращенное 3-е лицо наст. вр. отъ глагола *praviti* (говорить), неупотребительнаго у насъ въ этомъ значеніи.

Теперь намъ остается сказать кое-что о несклоняемыхъ частяхъ рѣчи. Изъ *союзовъ* замѣтимъ: *a* — и, *neb* — ибо; *ale* — но; *nýbrž* — однакожъ; *nejen, neb* — не только; *leč* (для изъясн. накл.) — но; *třebas* — хотя; *jak mile* — какъ только.

Изъ *предлоговъ*: *od* — отъ, *z* — съ, изъ; *mezi* — между.

Изъ *паръчій*: *sem, kam* (съмо, кмо); *vždy* — всегда;

brzo — скоро; záhy — рано; ovšem — совсѣмъ; ano — да и пр. Нѣкоторыя нарѣчія явились уже вслѣдствіе произ- водства отъ прилагательныхъ и существительныхъ: rozpo- lu — вмѣстѣ, dříve — прежде, hůř — хуже, mrzutě — пе- чально и пр.

Въ заключеніе приведемъ отрывки для перевода:
1) изъ нынѣшняго чешскаго яз. и 2) словацкаго нарѣчія.

1. *Veliká panichida.*

Ne krupobitím ¹⁾, ani ²⁾ lijavcem ³⁾
Na širém poli obilí ⁴⁾ polehlo,
To zatopeno, to rozdrceno ⁵⁾.
Ach! pode Moskvou, pode matičkou,
Tam na rovinách, smutných dolinách
Mnoho chrabrého vojska ruského,
Ku syrě ⁶⁾ zemi hlavou přilehlo,
To rozbodáno ⁷⁾, to rozkotáno ⁸⁾
Ostrými meči, hrotem ⁹⁾ bodaků ¹⁰⁾
I přivalem-to kalených koulí.
Vy, velké matky věrní synové,
Vy milé vlasti ¹¹⁾ obhajcové ¹²⁾,
Dobrého saře zástupcové!
My za tu lásku i za ochotnost,
Za drahou obět' ¹³⁾ vašich životův
Vám slavili jsme panichidu,
Jakou ¹⁴⁾ to posud ¹⁵⁾ svět nevidal,
A o jaké snad ¹⁶⁾ nikdy neslýchal.
Nebylo u nas světla hojného ¹⁷⁾

1) крупа, градъ; 2) и не; 3) ливень, проливный дождь;
4) жатва, хлѣбъ; 5) разодрано, разбито; 6) сырый; 7) исколото;
8) разметано; 9) острие копья (старо-слав. **гротъ**); 10) штыкъ;
11) отечество; 12) защитники (отъ **hájiti** защищать, оттуда, вѣ- роятно, слово **изгон** т. е. находящійся внѣ защиты; 13) жер- тва; 14) какую; 15) до сихъ поръ (по-сюда); 16) вѣрно; 17) о- бильно.

Nebylo dosti ¹⁸⁾ vosku jarého
Pro to-li množství duší vašich;
A my postavili jedno světlo
Do toho-liž chramu božího:
Jediné světlo—matičku Moskvu,
Vám, synům milým, na usmíření ¹⁹⁾,
A vrahům našim na pokoření ²⁰⁾.

2. *Nitra.*

Nitra ¹⁾, milá Nitra, ty vysoká Nitra:
Kdeže sú té časy ²⁾, v ktorých si ty kvitla ³⁾?
Nitra, milá Nitra, ty slovenská máti!
Čo pozrem ⁴⁾ na teba musím ⁵⁾ zaplakati.
Ty si bola ⁶⁾ niekdy ⁷⁾ všetkých ⁸⁾ krajín hlava,
V ktorých tieče Dunaj, Visla i Morava;
Ty si bola bydlisko ⁹⁾ krále Svatopluka,
Keď tu panovala jeho mocná ruka.
Ty si bola sväté miesto Methodovo ¹⁰⁾,
Keď tu našim otcem kázal božie slovo.
Včilek tvoja sláva v tuoni skrytá leží:
Tak sa ¹¹⁾ časy menia ¹²⁾, tak tento svet beží!

¹⁸⁾ довольно; ¹⁹⁾ наупокій; ²⁰⁾ въ укоръ.

¹⁾ *Nitra*—бывшій главный городъ самостоятельнаго княжества въ землѣ словацкой, нынѣ главный городъ нитрскаго комитата; ²⁾ тѣ часы, то время; ³⁾ цвѣла, процвѣтала; ⁴⁾ по-смотреть; ⁵⁾ долженъ (въ польск. языкѣ этотъ глаголъ тоже употребителенъ и происходитъ отъ нѣм. müssen); ⁶⁾ была; ⁷⁾ нѣкогда; ⁸⁾ всѣхъ, всяческихъ (*wszystkich* польск.); ⁹⁾ мѣсто-пробываніе; ¹⁰⁾ Св. Методій; ¹¹⁾ sa menia — мѣняются.

VI. Польскій языкъ.

Географическое положеніе польскихъ земель болѣе или менѣе извѣстно; но имѣя въ виду только область самаго языка, мы должны ограничить это понятіе о пространствѣ польскихъ земель, которое мы почерпнули изъ географіи и исторіи. Чистымъ польскимъ языкомъ говорятъ, конечно, въ области Царства Польскаго; но и тамъ искони внесены чужіе элементы. При томъ замѣтимъ еще, что къ сѣверу въ прежнее время границы польскаго языка были гораздо обширнѣе нынѣшнихъ: польское племя достигало нѣкогда до самаго Балтійскаго моря; впоследствии оно должно было уступить напору Литовцевъ, которые въ свою очередь уступили мѣсто своимъ покорителямъ—Нѣмцамъ. Кромѣ Царства Польскаго, польскій языкъ господствуетъ въ нѣкоторыхъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Австріи и Пруссіи. Изъ австрійскихъ владѣній преимущественно заселены Поляками: Галиція и восточная часть Силезіи; изъ прусскихъ: Силезія до рѣки Ниссы и герцогство Познанское; отсюда западная граница польскаго племени идетъ по бассейну рѣки Вислы и доходитъ до города Гданска (Danzig) и за тѣмъ идетъ по морскому берегу до самаго Королевца (Königsberg). Отъ Королевца до Гродна, съ сѣвера на югъ, простирается племя литовское. Въ самомъ Царствѣ Польскомъ поселились Литовцы (въ Августовской губ.) и Малороссы (въ Люблинской губ. и теперешней Сѣдлецкой). Восточная граница области языка идетъ по р. западному Бугу, далѣе по р. Сану и до-

ходить до Карпатовъ. Поляки сверхъ того расселились въ этихъ границъ: между Русскими и между Нѣмцами, именно въ западной Россіи, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, и въ различныхъ мѣстахъ Пруссіи. Въ австрійскихъ владѣніяхъ Поляковъ считается до 2,500,000, въ Пруссіи до 2,000,000, въ Россіи до 6,000,000.

Діалектическихъ различій было и прежде мало въ польскомъ языкѣ; а теперь и подавно; существуютъ только отбѣнки прежнихъ говоровъ, изъ которыхъ главный — нарѣчіе *мазовецкое*; имъ говорятъ Мазуры, заселяющіе мѣстность вокругъ Варшавы. Главное отличіе мазовецкаго нарѣчія состоитъ въ особенномъ произношеніи шипящихъ буквъ и въ нѣкоторыхъ остаткахъ старинныхъ формъ. Другое нарѣчіе сохранилось близъ Данцига, по бассейну рѣки Слупа (Slup, Stolpen), именно у Кашебовъ или Кашубовъ. Это племя звукъ *а* (ж) произноситъ *ap*, а звукъ *е* (л) — *in*. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ видовыхъ отличіяхъ языка польскаго, обратимся собственно къ его характеристическимъ чертамъ относительно фонетики и флексій.

Если мы сравнимъ польскій языкъ съ другими нарѣчіями, имѣя при этомъ въ виду аналогію съ церковно-славянскимъ языкомъ, то замѣтимъ: 1) что онъ удержалъ оба *ринезма* *ж* и *л*, хотя иногда и смѣшиваетъ ихъ, 2) что *смягченіе* (іотированіе) *усилилъ* онъ до того, что *пѣтъ* рѣшительно ни одной согласной, которая у него не могла бы быть *мякою*. Только въ одномъ польскомъ языкѣ можемъ встрѣтить: *b', p', m', ĩ, ę, ą* и т. д.; изъ *жд* онъ сдѣлалъ *dz* (іотир.); но что всего замѣчательнѣе, онъ іотировалъ даже звукъ *г* (*g*), превративъ его въ *dz* (*s*), 3) что онъ *любитъ* паденіе *гласныхъ*. Всѣ доселѣ нами разсмотрѣнныя славянскія нарѣчія сближаются между собою въ употребленіи чистыхъ *а* и *о* послѣ *л* и *р*; если, напр., мы возьмемъ ц.-слав. слово *градъ*, то и Болгаринь, и Сербъ, и Хорутанинъ, и Чехъ произнесутъ *градъ*.

Въ польскомъ же языкѣ *a* падаетъ, замѣняясь звукомъ *o*: gród, глава — głowa, гладь — gład. Этимъ польскій языкъ сближается съ русскимъ; только тамъ это *o* удваивается, превращается въ полногласіе: городъ, олова, голодъ.

Что касается до орфографіи, то съ давнихъ поръ у Поляковъ существуетъ латинскій шрифтъ съ прибавкою нѣкоторыхъ комбинацій и означеній, для выраженія чисто-польскихъ звуковъ, а именно: *ж* = *rz* (*рѣ*), *ч* = *cz*; *ш* = *sz*; *щ* = *szcz*; *тѣ* = *t'*; *цѣ* = *ć*; *сѣ* = *ś*; *зѣ* = *ź*; *дѣ* = *dź*; для выраженія ринезмовъ употребляются знаки: *ą* (= *ж*), *ę* (= *д*). Разница между твердымъ и мягкимъ произношеніемъ звука *л* существуетъ и на письмѣ: *l* (*ль*), *ł* (*лъ*).

Въ польскомъ языкѣ рѣдко ставится удареніе надъ гласными, потому что удареніе бываетъ постоянно на предпоследнемъ слогѣ (penultima), или, когда оно и ставится, тогда обыкновенно такія гласныя измѣняютъ произношеніе: *é* = *i* и *у* (**ы**): tém — tym; ó = *u*: Bóg — Bug.

Покажемъ теперь, какъ польскій языкъ выражаетъ нѣкоторые звуки языка церковно-славянскаго.

ъ, ъ. Польскій языкъ допускаетъ превращеніе этихъ звуковъ во всѣ гласныя безъ всякаго опредѣленнаго порядка; можно даже сказать, что эти знаки для Поляковъ совершенно непонятны. У Поляковъ **ъ** иногда переходитъ въ *o* (мѣла — towa), чаще же всего въ *a*, *e*, *i*, *u*: мрътъ — martwy, үрънъ — szarny, тлъстъ — tłusty, млькнъ — milknę, влъкъ — wilk, сѣнъ — sen и проч.

ж, д. Польскій языкъ вообще сохранилъ оба эти звука совершенно такъ, какъ они были въ древне-славянскомъ языкѣ, особенно послѣ твердыхъ согласныхъ: дѣбъ — dąb, свѣтъ — święty; только въ немъ съ давняго времени **ж** и **д** стали смѣшиваться между собою или, выражаясь иначе, съ этими звуками случилось паденіе: ржка (вм. гжка) — ręka, гжда — gęba и т. п. Въ самыхъ даже склоненіяхъ, въ косвенныхъ падежахъ **ж** не удерживается; такъ отъ dąb род. пад. dębui, маѣ — meża и т. п. Крімъ того,

въ спряженіяхъ, какъ увидимъ далѣе, эти знаки служатъ для отличія лицъ и чиселъ настоящаго времени: *będę* (1 л. ед. ч.)—*będą* (3 л. мн. ч.).

ѣ, собственно говоря, въ польскомъ языкѣ есть ничто иное, какъ *и* (*ja*), какъ и въ болгарскомъ: *wiaga*, *miaga*; но и здѣсь ѣ подвергается вліянію смягченія: изъ *и* (*ia*) можетъ быть *іе* (*ie*), именно, когда при этомъ *ia*—впереди или назади, все равно — встрѣчается смягченная согласная. Для примѣра возьмемъ какое нибудь слово, котораго кореннымъ слогомъ было бы это *и*, напр. *wiaga*; дат. пад. долженъ бы быть *wiage* или, такъ какъ *г* іотируется *wiarze*; но именно вслѣдствіе того, что *г* іотируется, звукъ *и* переходитъ въ *іе*: *wierze*.

ы выражается знакомъ *у*, который произносится твердо, какъ русское *ы*: *buć*, *muć*.

Но польскій языкъ подвергся еще одной особенноти, знаніе которой необходимо для поясненія нѣкоторыхъ, съ перваго разу странныхъ формъ. Мы уже знаемъ, что польскій языкъ при мягкихъ гласныхъ требуетъ и мягкихъ согласныхъ. Но самое важное свойство, сближающее этотъ языкъ съ русскимъ, есть переходъ *е* въ *іо* (*ё*). Переходъ этотъ совершается по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и *у* нась; т. е. когда *е* находится подъ удареніемъ, такъ оно всегда *ё* (*іо*); напр. *весёлый*, *тётка*, *принёсъ* и т. д.; а такъ какъ всѣ слова въ польскомъ языкѣ по ударенію—*raenultima*, то смѣло можно сказать, что *іе* *raenultima* = *іо*: *несу*—*niöse*, *беру*—*biore* и т. п. Это замѣчаніе необходимо для спряженій. Правило это распространяется также и на слова односложныя: *нёсъ*—*niowś*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что польскій языкъ въ одно и то же время и сближается съ русскимъ (по переходу *е* въ *іо*) и удаляется отъ него (по ударенію). Это правило, однакожъ, имѣетъ исключеніе: если послѣ этого *іо*, происшедшаго изъ *е*, стоитъ смягченная согласная, то въ такомъ случаѣ *іо*, хотя бы оно и было подъ удареніемъ, непременно должно перейти въ *е*. Такъ, отъ *biore* 3 л. ед. ч. *bierze*. Переходимъ къ согласнымъ.

р, будучи смягченнымъ, въ польскомъ языкѣ выражается черезъ rz (чешское ř): wiąga дат. и предл. пад. wierze, рѣка — rzeka, календарь — kalendarz. лъ выражается знакомъ ł, при чемъ ъ = u: дългъ — długi, тлъсть — tłusty.

жд въ польскомъ языкѣ всегда есть dz: rodzony, widge, wodź. Въ звукъ dz Полякъ превращаетъ не одно жд, но и gj (гj) — замѣчаніе важное въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ палеографію; въ ц.-слав. азбукѣ знакъ з былъ не напрасень и употреблень именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ звукъ з есть метаморфоза г, и гдѣ въ польскомъ яз. — dz: Bóg — Bodzie (Богъ — Бозь), носъ — podzie.

шт у Поляковъ, какъ и у Чеховъ, постоянно замѣняется звукомъ с (ц), хотя звукъ ш (szcz) и существуетъ: нос, мос, wzmacony и т. п. Смягченное т (ть) превращается въ ś: читать — czytać. Перейдемъ къ грамматическимъ формамъ польскаго языка.

Говоря о склоненіяхъ въ рассмотрѣнныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, мы всегда показывали взаимное отношеніе окончаній извѣстнаго нарѣчія къ церковно-славянскимъ; тоже мы сдѣлаемъ и для польскаго языка. Замѣтимъ сначала, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ сближается съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ другихъ же съ чешскимъ. Параллель этихъ окончаній слѣдующая:

а — а	ож — а, іа	я — ie, ej
я — іа	и (им. мн.) і, у, ie, owe	а — у, е
ъ — ie	ъ (род. мн.) — ow	ть — é
ъмь — em	ъи — у	
ж — е, іе	ъи — amі	

Примѣч. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ перехода окончаній поясняются фонетикой польскаго языка.

Съ помощью этой таблички легко склонять польскія имена существительныя. Относительно дѣлелія склоненій въ польскомъ языкѣ замѣтимъ, что ихъ можно раздѣлить, какъ и въ чешскомъ языкѣ, на склоненія съ твердымъ

окончаніємъ и мягкимъ, на мужскія и женскія. При-
мѣры:

а) Мужескаго рода:

Съ тверд. ок.

Ед. ч. И. chłor	Мн. ч. chłopi
Р. chłora	chłorów
Д. chłoru	chłorom
В. chłora	chłorów
Т. chłorem	chłorami
П. chłorie	chłorach

Съ мягк. ок.

Ед. ч. И. słoń	Мн. ч. słońcie
Р. słońia	słoniów
Д. słońiu	słoniom
В. słoń	słońcie
Т. słońiem	słoniami
П. słońiu	słoniach

б) Женскаго рода.

Съ тверд. ок.

Ед. ч. И. woda	Мн. ч. wody
Р. wody	wód
Д. wodzie	wodom
В. wodę	wody
Т. wodą	wodami
П. wodzie	wodach

Съ тверд. ок.

Ед. ч. И. dusza	Мн. ч. dusze
Р. duszy	dusz
Д. duszy	duszom
В. duszę	dusze
Т. duszą	duszami
П. duszy	duszach.

Замѣтимъ еще, что неодушевленные имена мужеска-
го рода въ им. пад. мн. ч. вм. *ie* имѣютъ *i* или *y*; такъ:
plug мн. ч. *plugi* (вм. *pludzie*). Имена среднего рода не
представляютъ никакого затрудненія, склоняются какъ му-

жескія, кромѣ винит. пад., который сходенъ съ именительнымъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что польскія склоненія находятся въ совершенной аналогіи съ церковно-славянскими и чешскими. Для нихъ можно поставить такія правила: 1) Тв. пад. ед. ч. муж. р. оканчивается на *em*; 2) ринезмы служатъ отличіемъ для падежей винительнаго (*e*) и творительнаго (*a*) женскаго рода. Окончанія прочихъ падежей болѣе или менѣе сходны съ русскими. — Гортанные звуки во флексіяхъ измѣняются: *mnich—mnisi*, *ucho—uszu*, *Bóg—Boże—Bodzie*.

Въ польскомъ языкѣ есть также имена, кончащіяся на мягкую согласную, у которыхъ падежи сливаются; напр. *kość—род. пр. дат. kości*. Есть и наращаемыя существительныя, напр. *ciele* (въ ед. ч. какъ проч. суш. *cielecia*, *cieleciu*); мн. ж. *cieleta*; *książęta*; *imię* род. *imienia*, им. мн. ч. *imiona*. Слова *мати* и *дѣшти* въ польскомъ яз. не наращаемы: *мати* по-польски *matka* (род. мн. ч. *matek*), *дѣшти*—*sórga*, старинное слово, напоминающее греческое того же значенія *χόρη*.

Имена прилагательныя. Въ именахъ прилагательныхъ польскаго языка полное и усѣченное окончанія смѣшиваются; нынче же впрочемъ, по большей части употребляется полное; только въ произведенныхъ отъ собственныхъ именъ удержалось усѣченное окончаніе, и то не вездѣ; даже въ фамиліяхъ и именахъ отечественныхъ употребляются окончанія полныя: *Żółkiewski*, *-iego*, *-iemu* и пр. Но все-таки, несмотря, такъ сказать, на нелюбовь къ простымъ формамъ, усѣченное окончаніе сохранилось въ нѣкоторыхъ формахъ и эти слѣды его довольно странны. Въ фразѣ, напр. „говорить по-польски, по-русски“, выраженія „по-польски“, „по-русски“ у насъ, русскихъ, превратились въ чистое парѣчіе; у Поляковъ говорится такъ: „*mówić po polsku, po rusku*“; эти „*po polsku*“, „*po rusku*“ у нихъ прилагательныя, им. пад. которыхъ

долженъ бы быть по настоящему polsk, -a, -o; russk, -a, -o; но употребляется полное окончание: polski, russki. Примѣромъ склоненія прилагательныхъ возьмемъ слово śmiały, -a, -e (смѣлый, -ал, -ое).

Единственное число:

И. муж. р.	śmiały,	жен. śmiała,	ср. р. śmiałe
Р.	ego	ej	ego
Д.	emu	ej	emu
В.	у, ego	ą (ę)	e
Т.	ym	ą	ym
П.	em	ej	em

Множественное число.

И. муж. р. śmieli, ж. р. śmiałe, ср. р. śmiała

Р.	śmiałych
Д.	ym
В.	ych
Т.	ymi
П.	ych.

При именахъ прилагательныхъ, какъ и при существительныхъ, соблюдаются фонетическія правила касательно измѣненій гласныхъ и согласныхъ, смотря по тому, твердое или мягкое окончаніе они имѣютъ; такъ śmiały мн. ч. śmieli, drogi—drodzy, wesoły—weseli, mały—mali и проч.

Для образованія *сравнительной* степени польскій языкъ, какъ и чешскій, прибавляетъ *szy*: stary—starszy, słaby—słabszy. Переходъ звуковъ имѣетъ мѣсто и здѣсь: *g* переходитъ въ *ż*, *k* выбрасывается: długi—dłuższy, cienki—cieńszy, krótki—krótszy. Для избѣжанія трудности въ выговорѣ нѣкоторыхъ прилагательныхъ предъ слогомъ *szy* вставляется *ej*: dawny—dawniejszy, tłusty—tłuszcieszy.

Изъ прилагательныхъ, имѣющихъ неправильную сравнительную степень, замѣтимъ слѣдующія:

dobry	сравни. ст. lepszy	wysoki	ср. ст. wyższy
zły	gorszy	mały	mniej
wielki	większy	gorący	gorętszy

Превосходная степень образуется чрезъ прибавленіе начальнаго слога *paj* къ сравнительной: *pajstarszy*, *pajlepszy*.

Имена числительныя почти такія же, какъ и въ чешскомъ яз.: *jeden*, *dwa*, *trzy*, *cztery*, *pięć*, *dziesięć*, *jedenaste*, *dwanaście* и т. д., *dwadzieścia*, *sto*, *pięćset*, *tyśiąc*. *Pierwszy*, *drugi*, *trzeci*, *czwarty*, *piąty*, *szósty*, *siódmy*, *dwudziesty*, *setny* и т. д.

Мѣстоименія польскія тоже мало представляютъ затрудненія. Личныя мѣстоименія: *ja*, *ty*, *on*. Изъ падежныхъ формъ замѣтимъ: родит. и дат. ед. ч. *mnie*, 2-е л. *ciebie*, дат. *tobie*, вин. *mię*, *cię*, твор. *mną*, *tobą*; 3-го л. ж. р. вин. ед. *ją* *nią*; твор. ж. р. ед. ч. *nią*. Другія мѣстоименія: *mój*, *twój*, *swój* (въ падежныхъ формахъ *ój* иногда выпускается), *ten* (тотъ, сей), *owu*, *ony* (р. *tego*, *owego*, *onego*). Указательное мѣстоименіе *on*, -а, -о можетъ сокращаться, въ особенности при слитіи съ нимъ предлоговъ: *zań* вм. *za niego* и т. п. Вопросительныя: *kto*, *co* (р. *kogo*, *czego*) и т. д. *czyj*. Относительное: *który*; прежде было *iż*, вышедшее нынче изъ употребленія. Склоненіе его тоже самое, что и въ чешскомъ и церковно-славянскомъ. Обратимся теперь къ глаголамъ.

Принявъ однажды за правило ставить глаголы веѣхъ славянскихъ нарѣчій въ параллель съ церк.-славянскими, мы и польскіе глаголы раздѣлимъ на шесть спряженій.

I. Окончаніе наст. вр. и неопред. накл. присоединяются непосредственно къ корню *nos-ę*, *nieść*; *pi-ję*, *pi-ć*.

II. Со вставкою *n*, *ną*: *piy-n-ę*, *piy-ną-ć*.

III. Со вставкою *ie* (ѣ), которая въ настоящемъ времени обыкновенно выпускается: *lec-ę*, *lec-ie-ć*.

IV. Со вставкою *i*, имѣющею вліяніе на предъидущую согласную въ наст. вр. *sadz-i-ć, sadz-e*.

V. Относящіеся къ этому разряду глаголы имѣютъ въ настоящемъ времени ам, въ неопр. наклоненіи ас: *czytam—czytać, kocham—kochać* (любить).

VI. Со вставками *owa, u*: *kur-owa-ć, kur-u-je*.

Изъ всего этого можно вывести слѣдующія заключенія: *α*) неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на *ć* (ть), *β*) первое лицо наст. вр., кромѣ V спряженія, оканчивается на *e*. Этимъ окончаніемъ *e* и отличается оно отъ 3-го л. мн. ж.: *czuję* (чувствую, чую)—*czują, pióse—piosą*. Слѣд. здѣсь *e=ж, а=жть*.

При спряженіи польскихъ глаголовъ надобно замѣтить, что связующая гласная сливается съ окончаніемъ: эта особенность существуетъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но тамъ она не такъ замѣтна; напротивъ, въ польскомъ яз. это есть характеристическая черта въ спряженіи глаголовъ. Разсмотримъ настоящее время:

Ед. ч. 1.	<i>niosę</i>	<i>bioreę</i>	<i>piję</i>	<i>wiem</i>
2.	<i>niesiesz</i>	<i>bierzesz</i>	<i>pijesz</i>	<i>wiesz</i>
3.	<i>niesie</i>	<i>bierze</i>	<i>pije</i>	<i>wie</i>

Мн. ч. 1.	<i>niesiemy</i>	<i>bierzemy</i>	<i>pijemy</i>	<i>wiemy</i>
2.	<i>niesiecie</i>	<i>bierzecie</i>	<i>pijecie</i>	<i>wiecie</i>
3.	<i>niosą</i>	<i>biorą</i>	<i>piją</i>	<i>wiedzą</i>

Ед. ч. 1.	<i>czytam</i>	<i>siadam</i>	<i>sadzę</i>	<i>lecę</i>
2.	<i>czytasz</i>	<i>siadasz</i>	<i>sadzisz</i>	<i>lecisz</i>
3.	<i>czyta</i>	<i>siada</i>	<i>sadzi</i>	<i>leci</i>

Мн. ч. 1.	<i>czytamy</i>	<i>siadamy</i>	<i>sadziemy</i>	<i>leciemy</i>
2.	<i>czytacie</i>	<i>siadacie</i>	<i>sadzicie</i>	<i>lecicie</i>
3.	<i>czytają</i>	<i>siadają</i>	<i>sadzą</i>	<i>leczą</i>

Изъ спряженія настоящего времени видимъ, что польскіе глаголы находятся въ совершенной аналогіи съ ц.-славянскими, особенно если обращать при этомъ вниманіе на соотношеніе звуковъ того и другаго языка.

Что касается до прочихъ временъ—настоящаго, прошедшаго и будущаго—то они перифрастическія. Но примѣчательно, что въ польскомъ языкѣ вспомогательный

глаголь, такъ сказать, сросся съ корнемъ глагола (именно въ прошедшемъ времени). Разсмотримъ спряженіе вспомогательнаго глагола отдѣльно.

Вспомогательныхъ глаголовъ въ польскомъ языкѣ два—одинъ общій—*być*, другой—*mieć* (имѣть). Настоящее время глагола *być* образовалось посредствомъ сращения третьяго лица наст. вр. (*jest*) съ остальными лицами. Спряженіе глагола *być* въ настоящемъ времени есть слѣдующее:

Ед. ч. 1. <i>jestem</i>	Мн. ч. 1. <i>jestesmy</i>
2. <i>jestes</i>	<i>jestescie</i>
3. <i>jest</i>	<i>są</i>

Безъ сомнѣнія, окончанія *em, es, esmy, escie* суть остатки спряженія глагола *ієсмь*.

Для образованія прошедшаго времени берется форма *był* и къ ней прибавляются тѣже окончанія. И такъ прошедшее спрягается такъ: *byłem, byłeś, był, byliśmy, byliście, byli* (ж. р. *były*). Окончанія *em, es* и проч. характеризуютъ прошедшее время всѣхъ глаголовъ, прибавляясь къ ихъ причастіямъ на *ł*. Будущее время отъ глагола *być* аналогично съ ц.-слав. и русскимъ и есть слѣдующее:

Ед. ч. 1. <i>będę</i>	Мн. ч. 1. <i>będziemy</i>
2. <i>będiesz</i>	<i>będziecie</i>
3. <i>będzie</i>	<i>będą.</i>

Другой вспомогательный глаголь *mieć* употребляется для выраженія намѣренія (подобно греч. μέλλω) и спрягается такъ:

Настоящее время:

Ед. ч. 1. <i>mam</i>	Мн. ч. 1. <i> mamy</i>
2. <i>masz</i>	<i> macie</i>
3. <i>ma</i>	<i> mają</i>

Прошедшее время:

Ед. ч. 1. <i>miałem</i>	Мн. ч. 1. <i> mieliśmy</i>
2. <i>miałeś</i>	<i> mieliście</i>
3. <i>miał</i>	<i> mieli</i>

Будущее время (1 и 2):

Ед. ч. 1. będę	} 1) mieć	
2. będziesz		} 2) miał
3. będzie		

Мн. ч. 1. będziemy	} 1) mieć	
2. będziecie		} 2) mieli
3. będą		

Слѣд. прошедшее время глагола mieć есть ничто иное, какъ прошедшее причастіе miał, соединенное съ окончаніемъ em (метаморфоза *есмь*).

Глаголь *там* до такой степени употребителенъ въ польскомъ языкѣ, что во многихъ случаяхъ его невозможно перевести нашимъ *имлю*, тѣмъ болѣе, что въ русскомъ языкѣ это глаголь самостоятельный, а не вспомогательный, какъ въ польскомъ. Напр. *on miał przyjść*—онъ хотѣлъ придти; *miałem zrobić*—я хотѣлъ сдѣлать.

Мы замѣтили, что характеристикой польскаго прошедшаго времени служить окончаніе em, такъ: отъ *siadał* прош. время *siadałem*, отъ *płynąć*—*płynąłem*. Въ женскомъ родѣ *e* замѣняется *a*: *miałam*, *miałaś* и т. д. Что окончаніе em есть остатокъ вспомогательнаго глагола *юсмь*, это доказывается еще и тѣмъ, что это em можетъ переноситься къ другому слову, что составляетъ замѣчательную особенность польскаго языка, напр. *ja płynąłem* вм. *ja płynąłem*; *wyście zrobili* вм. *wy zrobiliście*; *myśmy chcieli* вм. *my chcieliśmy* и т. д. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится:

Wszak samaś tego żądała (вм. *sama żadałaś*)

Samaś temu winna była (вм. *sama byłaś*)...

Другой примѣръ: *czegom cię prosił* (вм. *czego prosiłem*), *nie zrobiłeś*.

Будущее время во всѣхъ польскихъ глаголахъ выражается посредствомъ *będę* и *там*. Особенность этого времени состоятъ въ томъ, что вспомогательные глаголы могутъ соединяться или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ или съ прошедшимъ причастіемъ, какъ и въ хоруганскомъ

языкъ: będę mówić (futurum simplex) и będę mówił (futurum exactum).

Перейдемъ къ причастіямъ. Причастіе настоящаго времени оканчивается собственно на -ący, -ąca, -ące (жсти): czytać—czytający, -jąca, -jące. Но польскій языкъ можетъ употреблять это причастіе и безъ окончаній у, а, е, и тогда происходитъ родъ дѣепричастія; напр. kobieta niosąc brzemię.

Окончаніе прошедшаго причастія есть ły, ła, ło; замѣтимъ только, что предъ этими окончаніями корневья окончанія не выпадаютъ, какъ въ русскомъ: отъ раś прич. прош. padł, wieś—wiódł (у насъ выпадаетъ: *паль, велъ*).

Причастіе страдательнаго залога оканчивается обыкновенно на ony, ona, ono: widzieć—widzony; иногда окончаніе ony можетъ превращаться въ any: widzieć—widział—widziany.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ страдательное причастіе можетъ оканчиваться на ty, ta, to: bić—bity, bita, bito; gnąć—gnięty, żąć—żęty.

Есть форма дѣепричастія прошедшаго на -szy или -wszy: niósł—niósłszy, padł—padłszy, czytał—czytawszy.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній касательно неизмѣняемыхъ частей рѣчи польскаго языка. Изъ нихъ замѣтимъ только тѣ, которыя для насъ не совсѣмъ ясны.

Нарѣчія: lepiej—лучше, gorzej—хуже, bardzo (ц.-слав. *врѣсо*, болг. *бѣрго*)—очень, весьма; owszem—конечно, такъ; według (въ длину—по), сообразно, między—между, pono—можетъ быть, вѣроятно, chyba—развѣ, tań—дешево и проч.

Союзы польскіе интересны болѣе потому, что нѣкоторые изъ нихъ явно доказываютъ свое происхождение отъ мѣстоименій: *iz*, *ze* — что, *ut* (вѣроятно отъ п.-слав. *иже*), *quod*; *aby* — чтобы, *bo*, *bowiem* — но; *acz* — аще, если, хотя; *lecz* — но; *ale* — но, однакожь.

Pieśń o Sawie.

Był pan Sawa w Niemirowie
Na pańskim obiedzie,
Smutny siedział, choć nie wiedział
O swej blizkiej biedzie.

Wrócił Sawa już do chatki,
Piers mu wzbiera wzdychać;

Wita, pyta i czeladzi:

Co tu w domu słyhać?

— „Po staremu, po dawnemu,

A jest i nowina:

Pani nasza, żona wasza

Powiała wam syna“.

Poza stołem z tęsknem czołem

Sawa listy pisze,

A Sawina tuli syna

Na rękach kołysze.

Czyta listy poza stołem

Sawa z tęsknem czołem,

Nie wesola i Sawina

Przepowija syna.

Pójdź no chłopcze! utocz wódki

Wypić żony zdrowie;

Starka spędzi z serca smutki,

Rozjaśni mi w głowie.

Pójdź no chłopcze! pójdź no mały!

Utocz piwa w sklepie;

Za dzieciątko, niemowlątko,

Siły me pokrzepię.

Przynieś chłopcze! mi starego
Miodu stuletniego,
Ciężko w sercu, chciałem zdrowy,
Wznieść nie mogę głowy.
Jeszcze chłopiec, jeszcze mały
Nie wrócił z piwnicy,
Aż jak maki Hajdamaki
Zakwitły w świetlicy.
Czołem, czołem, panie Sawo!
Jakże Jego Mości?
Czem przyjmować, czem częstować
Będziesz nas, twych gości?
Co mam, z duszy na stół ruszy
Naczczo nie wyjdziecie;
Chrzciny sprawim, dzionek strawim,
Pan Bóg dał mi dziecię.
Oj już nie czas, panie Sawo
Chrzciny ci sprawować;
Nas przysłano, nam kazano
Wziąć cię, dom zrabować.
Sawa śmieje karabelę
Biegł zdjąć, gniew chamował;
Wróg nań zdradnie z tyłu wpadnie,
Ramiona krępował.
Sawa skoczy, na dwór kroczy
Przez kozactwa chmurę,
Ci spisami za progami
Wynieśli go w górę.
Upadł Sawa, upadł Sawa,
Ziemia zajęczała,
Krew go broczy, cmią się oczy,
Nogi, dłań zteżała.

VII. Лужицкія нарѣчія.

Мы должны теперь перейти къ нарѣчіямъ, принадлежавшимъ группѣ племенъ, которыя занимали огромное пространство между Эльбою, Балтійскимъ моремъ и Одеромъ и которыя ученые называютъ *Полабскими Славянами*. Вслѣдствіе политическихъ переворотовъ они должны были уступить Нѣмцамъ, которые и поселились въ ихъ земляхъ, тамъ, гдѣ нынче герцогство Ольденбургское, Мекленбургскія и др. Отпрыски этого важнаго въ филологическомъ отношеніи рода остались еще и понынѣ, въ предѣлахъ между Саксоніей и Пруссіей, по рѣкѣ Одеру. Эти отпрыски принадлежали нѣкогда группѣ народа, называемаго Сербами, и даже въ настоящее время они называютъ свою землю *Serbska zemja*. Но такъ какъ они и понынѣ живутъ въ странахъ лѣсисто-низменныхъ, а такія урочища назывались въ старину лжгами (слово, сродное новогреческому λβγγος — лѣсъ), то землю, занимаемую ими, называютъ *Лужицею*. Нѣмцы же, которые стали обладателями этихъ земель, измѣнили это названіе, превративъ *у* въ двугласное *au* (какъ напр. изъ „*Budisin*“ сдѣлали „*Bauzen*“) и называютъ ее *Lausitz*.

Собственно говоря, лужицкія земли (*Lausitz*) находятся во владѣніяхъ прусскихъ, примыкая къ Силезіи, и въ саксонскихъ, составляя восточную часть Саксоніи, и окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами. Поселеніе Луижчанъ идетъ съ сѣвера по рѣкѣ Шпревѣ (*Spree*) отъ шпревскихъ болотъ, южиѣ Франкфурта на Одерѣ; на западъ оно достигаетъ рѣки Ольстры (*Oelster*), гдѣ Дрезденъ; съ востока до рѣки Ниссы (*Neisse*) и вообще предѣловъ Силезіи; на югъ доходитъ до горъ Крушныхъ (*Erzgebirge*)

и горь Крконошскихъ (Riesengebirge). Всѣхъ Лужичанъ около 200,000.

Мы сказали, что лужицкія земли находятся частію въ Саксоніи, частію въ Пруссіи: и эти земли какъ по нарѣчію, такъ и по самому географическому положенію можно раздѣлить на два отдѣла: *Верхними Лужицами* (Oberlausitz, Horni Lužičane) называются земли, лежащія въ Саксоніи: они болѣе или менѣе гористы; земли же, примыкающія къ Силезіи, носятъ названіе *Нижнихъ Лужицъ* (Niederlausitz, Dolni Lužičane). Чтобы еще скорѣе узнать мѣстность, занимаемую Верхними и Нижними Лужицами, укажемъ на нѣкоторые города: а) въ Верхнихъ Лужицахъ: Budišín (Bauzen), Luben, Žhořelíc (Görlitz); б) въ Нижнихъ Лужицахъ: Gubin, Žagow (Sorau), Łukow (Lukau), Khotbuš.

Какъ по своему географическому положенію, такъ и по языку эти Славяне, хотя и немногочисленные, дѣлятся на два отдѣла; и языкъ ихъ, слѣдственно, составляютъ два нарѣчія: *верхне-лужицкое* и *нижне-лужицкое* (хотя нѣкоторые ученые находятъ въ немъ три, даже четыре поднарѣчія). Въ нашемъ обзорѣи мы будемъ показывать параллельно главные свойства того и другаго.

Главная особенность лужицкихъ нарѣчій, послужившая основаніемъ нашему дѣленію, есть произношеніе звука г: у Верхнихъ Лужичанъ, въ Саксоніи, находящихся ближе къ Чехамъ, господствуетъ h, у Нижнихъ же, въ Силезіи, находящихся ближе къ Полякамъ, господствуетъ g. Оба лужицкія нарѣчія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно поставить въ параллель одно съ другимъ, имѣютъ свойство языковъ, лишенныхъ органическаго развитія вслѣдствіе долгаго застоя въ письменности, отъ чего языкъ Лужичанъ потерялъ всю свою энергію, и самые звуки, такъ сказать, *пошатнулись*: гласные и согласные до такой степени смѣшиваются у Лужичанъ, что нужно много опытности и времени, чтобы угадать настоящее значеніе многихъ словъ этого языка.

И такъ, первая характеристическая черта лужицкихъ нарѣчій есть *шаткость гласныхъ и согласныхъ*. Есть, правда, нѣкоторые общіе признаки, которые могли бы намъ служить указаніями къ этой разгадкѣ словъ; но эти признаки слишкомъ мелочны и ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать ихъ точными. Посмотримъ теперь на эти особенности.

h, j, ł, w. Примѣчательно, что эти четыре звука въ лужицкомъ языкѣ чередуются между собою болѣе, чѣмъ другіе. Правда, и тутъ видна какая-то случайность, но за то здѣсь есть причина органическая: всѣ эти звуки смѣло можно назвать *придыханіями*; такъ ł есть *придыханіе* въ малорусскомъ и хорутанскомъ языкахъ, и оно можетъ переходить въ v: буł и був. До какой степени чередованіе этихъ четырехъ звуковъ — h, j, ł, w, — дошло въ лужицкихъ нарѣчіяхъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: hołb, hojb (голубь); hriwa, riha (грива); twaroh, twarow (тварогъ); hiżom, jūżom (уже), а также: lina (глина), łosu (вм. włosu—волосы), hisće—еще и проч. Это доказываетъ, что согласныя h, j, ł, w суть ничто иное какъ *придыханія*, тѣмъ болѣе, что Лужичанинъ можетъ ихъ вставить тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ наприм.: hokno вм. окно; huzda вм. izda; woko вм. око и т. п. Сверхъ того, замѣчательно, что эти четыре звука очень часто въ тѣхъ словахъ, гдѣ они необходимы, напр. въ корнѣ, выпадаютъ: это-то свойство обоихъ лужицкихъ нарѣчій и есть главная причина ихъ шаткости.

И такъ, мы сказали о трехъ важныхъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій: 1) шаткость или чередованіе гласныхъ и согласныхъ; 2) вставка звуковъ h, j, ł, w тамъ, гдѣ они не нужны и 3) опущеніе этихъ звуковъ тамъ, гдѣ они необходимы. Покажемъ еще все это на примѣрахъ:

ładać—глядѣть	pać—гнать
ładki—гладкій	ga—игра (польск. gra)
łoboki—глубокій	gib—гриб
łowa, wowa—голова	gówna—гривна

rod—городъ	čola—пчела
romada—громада	rečeno—веретено
rozny—грозный	rota—ворота
ruby—грубый	so—все
łod—голодь	za (вм. iza)—слеза
wiezda—звѣзда (поль. gwia- zda	wulo (вм. wuhlo)—уголь
du—иду	sceno—стегно (вм. scehno)
stwa—изба	žica—лжица, ложка
rocić—коротить	khom—холмъ
rona—ворона	mody—молодой (вм. młody)
sy—всѣ	mon—молнія
čega—вчера	mowić—говорить и мн. др.

Все, что мы сказали до сихъ поръ, все это составляетъ общія свойства лужицкихъ нарѣчій, т. е. относится какъ къ верхнему, такъ и къ нижнему нарѣчію. Теперь перейдемъ къ тому, какъ именно оба нарѣчія относятся между собою, а ужъ потомъ будемъ говорить объ отношеніи ихъ къ церковно-славянскому языку.

Получивъ отъ Лютеранъ въ XVI в. переводъ Св. Писанія, написанный какою-то странною смѣсью латинскаго алфавита съ нѣмецкимъ, Лужичане выражали свою орфографію посредствомъ извѣстныхъ комбинацій, заимствованныхъ съ нѣмецкаго. Въ послѣднее время въ ихъ языкъ внесена, какъ самая легкая и удобная, орфографія чешская.

Касательно ударенія нужно замѣтить, что верхне-лужицкій языкъ имѣетъ его постоянно на первомъ слогѣ, какъ и въ чешскомъ яз.; въ нижнемъ же оно непостоянно. Сверхъ того, въ нижне-лужицкомъ нарѣчій замѣчаемъ одно свойство, которое находимъ также и въ мало-русскомъ: это — переходъ *o* въ *y* и *i*. Причину этого свойства въ лужицкомъ языкѣ пояснить довольно трудно; у Малороссовъ же оно объясняется, такъ какъ въ этомъ языкѣ видно постепенное паденіе гласныхъ. Впрочемъ, мы объявимъ такое странное явленіе и въ лужицкихъ нарѣчійхъ, когда допустимъ, что *o*, вѣроятно, встарину было

произносимо какъ оу; послѣ же мы увидимъ, что оу гораздо ближе чѣмъ о подходитъ къ и. Особенно такое произношеніе замѣтно близъ мѣстности города Боркова: въ борковскомъ нарѣчїи і (у) всегда стоитъ вмѣсто о: *huga* (гора), *hula* (пашня) *vm. hola* и проч.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: оба лужицкія нарѣчїя находятся между собою во взаимной связи вслѣдствіе усиленія смягченія согласныхъ; такъ, звукъ ть въ верхне-лужицкомъ нарѣчїи=с, въ нижнемъ=ś: *dać—daś, wćócić—wćóciś* и т. п.

Вотъ и вся общая характеристика лужицкихъ нарѣчїй. Не смотря, однакожь, на внутреннее свое разстройство, лужицкія нарѣчїя сохранили въ себѣ много древнѣйшихъ формъ языка и.-славянскаго. Такое заключеніе выводится изъ того, что 1) лужицкія нарѣчїя *удержали двойственное число*, хотя нѣсколько измѣнили его окончанія; 2) сохранили прошедшее время *нд ch: dach, budzech*. Въ употребленїи даже синтаксическомъ встрѣчаются такія свойства, о которыхъ можно думать, что они нѣкогда были присущи и церковно-славянскому языку. Такъ, окончанія падежей во всѣхъ древнихъ языкахъ были такъ выразительны, что не нужно было никакихъ признаковъ, по которымъ бы мы могли отличить падежъ: такъ напр. изъ выраженія „*ibo Romam*“ ясно видно, что окончаніе падежа *am* въ латинскомъ языкѣ было гораздо сильнѣе всякаго предлога. Тоже самое и у Лужичанъ. Въ сербскомъ языкѣ мы замѣтили употребленіе дательнаго падежа вмѣсто предложнаго съ предлогомъ: лужицкій языкъ сохранилъ это по отношенію къ предложному падежу. Извѣстно, что и въ старомъ русскомъ языкѣ было это свойство: *я живу Кѣгевѣ; Остромиръ посадникъ блъ Новѣ-городѣ*. Но у Лужичанъ употребленіе мѣстнаго падежа безъ предлоговъ распространяется не только на имена собственные, но относится ко всѣмъ именамъ, напр. на вопросъ: *dje běše?* Лужичанинъ отвѣчаетъ *zagrodě* (въ саду); также всѣ книги, издаваемыя у Лужичанъ, имѣютъ, напр., такого рода подписи: „*Budišině, Zhořelicach*“ и т. п. Слѣдующія выраженія еще

лучше покажутъ намъ, до какой степени распросетрнена въ лужицкихъ нарѣчіяхъ эта самостоятельность, безпредложность падежей: *piwě hromičom* (т. е. въ то время, какъ пили пиво...); *wině rejowali* (т. е. въ то время, какъ пили вино, танцовали); *swašbě rejowali* (танцовали на свадьбѣ).

Сказавъ объ общихъ свойствахъ лужицкихъ нарѣчій, приступимъ теперь къ аналогіи ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ. Нечего и говорить, что наши замѣчанія будутъ ограничены, благодаря шаткости звуковъ этихъ нарѣчій, не позволяющей опредѣленно сказать, какой именно звукъ лужицкій отвѣчаетъ извѣстному церковно-славянскому.

Объ *ъ* и *ь* можно сказать то, что въ обоихъ нарѣчіяхъ они могутъ переходить во всѣ гласныя.

ж въ обоихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ звуку *и* (*оу*). Примѣчательно, что лужицкія нарѣчія хотя и потеряли ринезмы, но все-таки въ первообразѣ ихъ—полабскомъ языкѣ они были; по всѣмъ признакамъ можно думать, что произношеніе ринезма *ж* въ полабскомъ языкѣ было *ап*.

а, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ нарѣчій выражается черезъ *е*, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ переходить и въ *і*: *knez—къмаць*; и этотъ ринезмъ въ полабскомъ языкѣ выражается чрезъ *ап*: *масо—manso, зать—zantik*.

Звукъ *я* въ обоихъ нарѣчіяхъ выражается чрезъ *је*. Звукъ *е* въ ниже-луж. нар. во многихъ словахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ онъ смягчается, переходитъ въ *ја*, какъ въ бѣлорусскомъ нарѣчій: *nja imam* (вм. *nje imam*), *ja-den* (вм. *jeden*) и проч.

ы. Звукъ этотъ сохранился въ обоихъ нарѣчіяхъ, хотя выговоръ его не такъ твердъ, какъ, напр., въ русскомъ яз. (*ы*) и въ польскомъ (*у*). Но влѣдствіе шаткости какъ вокализма, такъ и консонантизма, вмѣсто *ы* (*у*) часто употребляется звукъ *о*: *młyn, młon* (*mwon, won*).

Въ отношеніи къ согласнымъ мы также должны ограничиться не многими замѣчаніями, какъ и при обзорѣиіи гласныхъ. Кромѣ того, что мы сказали о придыханіяхъ *h*, *j*, *l*, *w*, надобно еще замѣтить, что звукъ *ch* въ нижн.-луж. произносится какъ *kh* (*кх'*): *chory* (хворый) — *khory*; *cholm* — *kholm* (оттуда нѣм. названіе города *Kulm*).

тj. Если этотъ звукъ переходитъ въ **шт**, то онъ въ обоихъ нарѣчіяхъ замѣняется звукомъ **с** (**ц**): *пос*, *тос*. Если же это **тj** остается неизмѣняемымъ, то есть не переходитъ въ **ц**-слав. яз. въ **шт**, какъ *папр.* въ неопределенномъ наклоненіи (**тъ**, **ти**), то въ верхне-лужицкомъ ему отвѣчаетъ **с** (**ц**) въ нижнемъ — **ś**: *ріс* — *ріś*, *даś* — *даś*. Но не только въ неопред. наклоненіи, а и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только есть смягченное **т**, въ нижн.-луж. можно допустить произношеніе **ś**: *сiele* — *śele* (**тѣла**); *ріес* — *ріес* и т. п.

Звукъ **жд**, столь важный для характеристики всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ верхне-луж. нарѣчій имѣетъ выраженіе **dž**, въ нижне-луж. — **ź** (**зь**) примѣры:

верхне-луж. *džiwo* — нижне-луж. *źowco*

„ *rodžon* „ *rožen*

Относительно звука **ръ** (**гj**) замѣтимъ, что въ обоихъ лужицкихъ нарѣчіяхъ ему отвѣчаетъ звукъ **š**: *kšydlo* — крыло, *před* — предъ; но часто **гj** удерживается и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и русское **рь**: *гjanу* — рьяный, *гjedki* — рѣдкій. Другими словами, **гj** послѣ твердыхъ согласныхъ **р**, **к**, **т** можетъ переходить въ **š**; въ прочихъ случаяхъ отвѣчаетъ церковно-слов. **ръ**.

Вотъ возможная аналогія лужицкой фонетики съ **ц**-славянскою, основанная если не на всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ на очень многихъ словахъ; но какъ она шатка, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: *bza* = *lza*, *za* (слеза); *pšyto* (все, польск. *wszystko*); *swarba* — свадьба, *bez* (вм. *mez*) — между, *sturnia* (вм. *studnia*) — колодезь и мног. друг.

Поговоримъ теперь о грамматическихъ формахъ лужицкихъ нарѣчій. Для перехода звуковъ въ склоненіяхъ представимъ слѣдующую таблицу окончаній:

Ц.-слов. оу — нижн.-луж. и, ои, оју — верхн.-луж. еј		
ѣмь	em	em
ѣ	ej, e	ej, e
а	aj	aj
ѣ (род. мн. ч.)	ow	ow
е	o	e
и (им. мн. ч.)	e, y	e, y, ojo

Въ прочихъ случаяхъ соблюдается болѣе или менѣе аналогія съ русскими или церковно-славянскими формами.

Для примѣра склоненія возьмемъ слова: *dub, nan* (отецъ).

Единственное число.

нижн.-луж.	верхн.-луж.
И. <i>dub, nan</i>	<i>dub, nan</i>
Р. <i>duba, nana</i>	<i>duba, nana</i>
Д. <i>duboju, nanu</i> (oo, oju)	<i>dubej, panej</i>
В. <i>dub, nana</i>	<i>dub, nana</i>
Т. <i>dubem, nanem</i>	<i>dubem, nanem</i>
П. <i>dubě, naně</i>	<i>dubě, naně</i>

Множественное число.

нижн.-луж.	верхн.-луж.
И. <i>dube, nane</i>	<i>duby, nany</i>
Р.	<i>dubow, nanow</i>
Д.	<i>dubom, nanom</i>
В.	<i>duby, nanow</i>
Т.	<i>dubami, nanami</i>
П.	<i>dubach, nanach.</i>

Нѣкоторыя имена во мн. ч. вмѣсто *y* имѣютъ *e*, особенно же *tъ*, которыя оканчиваются на смягченную согласную. Имен. пад. множ. ч. можетъ также имѣть окончаніе *оjo*: *миѣ—миѣоjo*. Но самое важное, что особенно характеризуетъ лужицкія нарѣчія, есть *двойственное число*:

Нижн.-луж. дв. ч. И. В. З. duba, papa

Р. П. dubowu, papowu

Д. Т. duboma, papoma

Верхн.-луж. дв. ч. И. В. З. dubaj, papaj

Р. П. dubow, papow

Д. Т. dubomaj, papomaj.

Изъ этихъ примѣровъ склоненія нужно замѣтить слѣдующія окончанія:

а) въ нижн.-луж. нарѣчїи: дат. п. ед. ч. на оји и дв. ч. на а, оwi, oma.

б) въ верхн.-луж. нарѣчїи: дат. пад. ед. ч. на еј, чѣмъ этотъ падежъ и отличается отъ предложнаго на е; двойств. ч. на ај, ow, amaj.

Возьмемъ теперь существительное женскаго рода гу-ба. Въ нижн.-луж. нарѣчїи оно склоняется такъ:

Ед. ч. И. губа	Множ. ч. gybe (y)
Р. gyby	gybow
Д. gybeј	gybam
В. gyby	gybow
Т. gybo	gybami
П. gybe	gybach
Дв. ч. И. В. З. gybe	
Р. П. gybowu	
Д. Т. gyboma.	

Въ верхне-лужицкомъ ед. и мн. ч. будутъ точно также; только двойственное число имѣетъ слѣдующія формы: gybe, gybow, gybomaj.

Слѣдовательно, въ обоихъ лужицкихъ нарѣчїяхъ мы должны замѣтить окончаніе род. пад. мн. ч. женскаго рода ow и двойственное число, совершенно сходное съ окончаніями двойственнаго числа мужскаго рода. Самая же важная особенность есть, безъ сомнѣнія, употребленіе окончанія ow въ род. пад. множ. ч. женск. рода какъ именъ существительныхъ, такъ прилагательныхъ, что совершенно не въ духѣ слав. языка. Другая особенность лужицкихъ склоненій состоитъ въ прибавленіи къ нѣкоторымъ гласнымъ звукамъ j: dubeј, dubaj, dubomaj.

Имена среднего рода склоняются точно такъ же, какъ и мужскаго. Перейдемъ къ прилагательнымъ.

Лужицкія имена прилагательныя въ отношеніи склоненія аналогичны съ церковно-славянскими; отступленія если и бывають, такъ только въ тѣхъ падежахъ, гдѣ усиливается гласная, именно въ дательномъ и предложномъ, Что касается до окончаній, то нужно замѣтить, что въ лужицкихъ нарѣчіяхъ господствуетъ полное окончаніе, т. е. род. пад. кончится на ego (eho), дат. — emi и т. д. Общій видъ этихъ окончаній слѣдующій:

Ед. ч. муж. р. prawu, женск. р. prawa, средн. р. prawe (o)
 Мн. ч. муж. и жен. р. prawi prawe.

Имена числительныя болѣе или менѣе сходны между собою во всѣхъ славянскихъ языкахъ: разница только въ одной фонетикѣ; такъ, въ верхне-лужицкомъ нарѣчій числительныя суть: jeden, dwaј, tsi, petso, šesć, dze-weć и т. д.; въ нижне-лужицкомъ смягченіе простирается еще далѣе: jadno, dwa, tsi, čtiri, pieś, šes, wošem, źeweś, zaweś (zaśes) и т. д.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о мѣстоименіяхъ. Естественно, что лужицкія нарѣчія должны имѣть общія съ прочими славянскими нарѣчіями мѣстоименія *личныя*; въ самомъ склоненіи они не представляютъ ничего особеннаго. Вотъ эти мѣстоименія: ja, ty, on, ona, ono. Но примѣчательно, что Лужичане и въ мѣстоименіяхъ совершенно одинаково сохранили двойств. число; и это тѣмъ болѣе интересно, что оно и въ церк.-слав. яз. начало упадать. Формы этого двойственнаго числа слѣд.: тој, woј; паји, waји; пама, wама; они очень важны, потому что лежать въ основаніи двойственнаго числа глаголовъ.

Личное мѣстоименіе 3-го лица, или лучше *указатель-*

ное, есть—он, она, оно; но мы уже замѣтили, что Лужичане любятъ употреблять h, j, l, w тамъ, гдѣ эти звуки совершенно не нужны, и особенно въ словахъ, начинающихся съ гласной: такъ, изъ он. она, оно они сдѣлали won, wona, wono. Другое указательное мѣстоименіе есть ton (ц. слов. тъ, польск. и чешск. ten), которому иногда придаютъ значеніе члена; это встрѣчается и въ хорутанскомъ яз., но рѣдко; у Лужичанъ же оно возобладало до такой степени, что его употребляютъ въ значеніи иѣмецкаго члена: der, die, das; напр. ton knez — der Herr.

Вопросительныя мѣстоименія: kdo (khdo)? čto? kotri? kajki? ki? — Изъ всѣхъ этихъ вопросительныхъ мѣстоименій можно сдѣлать и *относительныя* посредствомъ прибавки къ нимъ љ (какъ въ хорутанскомъ яз. r): kdoљ и пр. Такимъ же образомъ въ ц. слов. языкѣ изъ ѥ произошло иже. — *Неопредѣленное* мѣстоименіе: necht—нѣкто; *притяжательныя*: moj, twoj, swoja, twoja, moja и т. д. Эти мѣстоименія склоняются подобно прилагательнымъ именамъ и не представляютъ ничего особеннаго.

Глаголы. Точно также, какъ мы поступали при обзорѣи всѣхъ предъидущихъ нарѣчій, мы и здѣсь удержимъ дѣленіе глаголовъ на шесть отдѣльныхъ классовъ; притомъ здѣсь мы будемъ разсматривать эти классы глаголовъ съ показаніемъ различій одного нарѣчія отъ другаго въ произношеніи.

I. Сюда принадлежатъ глаголы, оканчивающіеся въ настоящ. времени непосредственно на u, въ неопредѣленномъ на é (верхн.-луж.) и ś (нижн.-луж.): nes-u, nes-é (nes-ś).

II. Вставка n, nu: wuk-n-u, wuknué (в.-л.), wuknuś (н.-л.).

III. Вставка y въ неопр. накл.: lež-u, lež-y-é (в.-л.), lež-y-ś (н.-л.).

IV. Вставка i въ неопр. накл.: słuž-u, słuž-i-é (в.-л.), słuž-i-ś (н.-л.).

V. Вставка а: *sur-a-m*, *sur-a-ć* (в.-л.), *suраś* (н.-л.).

VI. Вставка *uj*, *owa*: *kur-uj-u*, *kur-owa-ć* (в.-л.), *kur-owa-ś* (н.-л.).

Отсюда видимъ, что 1-ое лице настоящаго времени кончится на *u*, исключая V-го спряженія; неопредѣленное наклоненіе въ верхне-лужицкомъ кончится на *ć*, въ нижнемъ на *ś*. Сверхъ того, ниже-лужицкое нарѣчіе любитъ оканчивать настоящее время на *om* (*nesom*).

Будемъ теперь спрягать настоящее время, и тутъ увидимъ, что различіе спряженія въ обоихъ нарѣчіяхъ займется только отъ измѣненія *e* въ *o*. Возьмемъ для примѣра глаголь 1-го спряженія *wedu*:

Верхне-луж.:

Ед. ч. <i>wedu</i>	Дв. ч. <i>wedžemoj</i> (<i>maj</i>)	Мн. ч. <i>wedžemy</i>
<i>wedžeš</i>	<i>wedžetaj</i>	<i>wedžeće</i>
<i>wedže</i>	<i>wedžetaj</i>	<i>wedu</i> .

Нижне-луж.:

Ед. ч. <i>wedu</i>	Дв. ч. <i>wežemoj</i> (<i>mej</i>)	Мн. ч. <i>wežomy</i>
<i>wežoš</i>	<i>wežotaj</i> (<i>tej</i>)	<i>wežoše</i>
<i>weže</i>	<i>wežotaj</i> (<i>tej</i>)	<i>wedu</i> .

Слѣдовательно въ обоихъ нарѣчіяхъ отпали полныя окончанія ц.-слав. *тъ* въ третьемъ лицѣ; тоже самое мы встрѣчали и въ другихъ разсмотрѣнныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Двойственное число у Лужичанъ въ большемъ употребленіи; говоря о мѣстоименіяхъ, мы замѣтили между прочимъ, что окончанія дв. ч. личныхъ мѣстоименій важны для дв. ч. глаголовъ; изъ примѣровъ это прямо слѣдуетъ, причемъ мы видимъ, что лужицкое дв. ч. тоже самое, что и въ ц.-слов. языкѣ: только здѣсь окончанія усиливаются гласною *j*.

Отъ глагола *du* (*идж*), котораго неопредѣленное наклоненіе *ic*, *is* часто черезъ перестановку словъ имѣетъ форму *džiaś*, настоящее время будетъ:

Верхне-луж.:

Ед. ч. <i>du</i>	Дв. ч. <i>džemaj</i>	Мн. ч. <i>džemy</i>
<i>džeš</i>	<i>džetaj</i>	<i>džeće</i>
<i>dže</i>	<i>džetaj</i>	<i>du</i>

Нижне-луж.:

Ед. ч. dom	Дв. ч. domaj	Мн. ч. domy
doš	dotaj	doše
do	dotaj	du.

Лужицкія нарѣчія сохранили оба прошедшія; и странно, какъ не потерпѣлъ въ этихъ языкахъ фонетическія правила, все таки imperfectum какъ нельзя болѣе аналогиченъ съ церк.-славянскимъ. Отъ глагола *beru imperfectum* будетъ:

Верхне-луж.:

berach, berachmy
beraše, berachse (ašće)
beraše, berachu
berachmoj
beraštaj, beraštaj

Нижне-луж.:

berach, berachmy
berašo, berašćo
berašo, berachu
berachmej
beraštej, beraštej

Аористъ всегда требуетъ вида, т. е. извѣстнаго сокращенія: такъ, отъ *beru* аористъ будетъ *brach*:

Верхне-луж.:

brach, brachmy
bra, brašće
bra, brachu
brachmoj
braštaj
braštaj

Нижне-луж.:

brach, brachmy (o)
bra, brašćo
bra, brachu
brachmej
braštej
braštej

Примѣч. Можно эти обѣ формы назвать общимъ именемъ прошедшаго, различаемаго глагольнымъ видомъ.

Слѣд., отличіе imperfect'a отъ аориста есть большею частію видовое; а нужно замѣтить, что лужицкій языкъ болѣе чѣмъ всѣ другіе обращаетъ вниманіе на это видовое отличіе: отъ *nesu imperfectum* будетъ *pošach*, аор. *nosich*, мн. ч. *impf. pošachu* аор. *nosichu*.

Однимъ словомъ, лужицкія нарѣчія находятся уже на пути смѣшиванія аориста съ imperfect'омъ, но только они выдерживаютъ видъ, что препятствуетъ этому смѣшенію. Нельзя, однакожъ, думать, что Лужичане въ самомъ дѣлѣ

смѣшиваются ту и другую форму: напротивъ, въ пхъ сян-таксисѣ обѣ онѣ отличаются какъ нельзя болѣе одна отъ другой.

Подобно другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, нарѣчія лужицкія также имѣютъ перифрастическія времена: такъ, perfectum спрягается въ немъ съ помощію вспомогательнаго глагола *есмь*, спряженіе котораго есть слѣдующее:

Настоящее время:

Верхне-луж.:		Нижне-луж.:	
Ед. ч. <i>jsym</i>	Мн. ч. <i>jsme</i>	Ед. ч. <i>jsom</i>	Мн. ч. <i>jsmu</i>
	<i>jsce</i>	<i>jsy</i>	<i>jsco</i>
	<i>jsu</i>	<i>jo</i>	<i>jsu</i>
Дв. ч. <i>jsmoj</i> (ej)		Дв. ч. <i>jsmej</i>	
<i>jstaj, jstaj</i> (stej)		<i>jstej, jstej</i> .	

Слѣд. въ верхне-луж. языкѣ спряженіе настоящаго времени глагола *есмь* близко подходит къ чешскому.

Imperfectum отъ глагола *jsym* въ обоихъ нарѣчіяхъ есть *besch*, 3-е лицо мн. ч. котораго есть *beschu*. *Аориста* въ этомъ глаголѣ уже потому не можетъ быть, что въ 3 лицѣ imperfect'a нѣтъ окончанія *še* и вмѣсто его *chu*, слѣд. не было бы никакого видоваго отличія. Но за то, что всего интереснѣе, Лужичане могутъ сдѣлать imperfectum еще отъ глагола *буду*; именно:

Верхне-луж.:	Нижне-луж.:
<i>budžech, budžemy</i>	<i>bužoch, bužochmy</i>
<i>budžeše. budžece</i>	<i>bužoše, bužošce</i>
<i>budžeše, budžechu</i> (budu)	<i>bužoše, bužochu</i>
<i>budžechmaj</i>	<i>bužochmoj</i>
<i>budžestaj</i> (stej)	<i>bužostej</i>
<i>budžestaj</i> (stej)	<i>bužostej.</i>

Будущее время есть тоже самое, что и у насъ: *буду*. Только у Лужичанъ оно измѣняется въ обоихъ нарѣчіяхъ сообразно съ ихъ фонетическимъ характеромъ; такъ въ верхне-луж. будетъ: *буду, budžeš* и т. д. 3-е лицо мн. ч. *будѣа*; въ нижне-луж. *буду, budžoš* и т. д.

Лужичане имѣютъ также всѣ причастія: причастіе настоящаго времени, употребляемое болѣе какъ прилагатель-

ное, имѣеть окончанія асу и есу: wedasy, stojesy (какъ въ ц.-слов. женскій родъ кончится на жшти и лшти: веджшти, стоажшти). — Причастіе прошедшаго времени кончится на і: wuknył, słušel; въ страд. залогѣ на ну: wuknenu, pošenu. Сверхъ того въ лужицкихъ нарѣчіяхъ встрѣчается такая форма причастія: wedžo, rijo, которая употребляется, впрочемъ, болѣе какъ наше дѣепричастіе (*ведя, ня*). Скажемъ теперь нѣсколько словъ касательно неизмѣняемыхъ частей рѣчи.

Лужицкія нарѣчія, рано отдѣлившись отъ другихъ со-
племенныхъ языковъ, въ inflexibiles должны были или по-
лучить другія формаци, или ужъ до такой степени измѣ-
нить ихъ, что совсѣмъ нельзя ихъ узнать. Приведемъ изъ
нихъ самыя замѣчательныя:

Нарѣчія: hišce (еще), ledym (едва), hižo (уже), wa-
су (*ваште*), netk (теперь), hewak (когда-либо) и пр.

Союзы: ha (а) употребляется и въ значеніи и (*миж*
ha žena); здѣсь же замѣтимъ, что всѣ союзы, начинающіе-
ся съ гласной, привимають аспирацію: habo (малорусск.
або), hani—ни (*hani mać, hani nan—ни мать, ни отецъ*),
hać—нежели, аще (*ja jsym wětši hać ty—я больше тебя*),
dy—когда; rak—же; жо—что, да; borne—хотя бы, даже;
kakž-takž—какъ-такъ; rune-tola—такъ-какъ; dre—же: duž,
duž—когда.

Еще въ самомъ началѣ обзорнія лужицкихъ нарѣчій
мы сказали, что Лужичане принадлежали нѣкогда къ боль-
шой группѣ народа, называемаго *Полабамі*, которые въ
XIII в. были истреблены. Объ этомъ истребленномъ пле-
мени напоминають намъ нѣкоторые остатки ихъ письменно-
сти, гдѣ употребленъ старинный полабскій языкъ, служа-
щій къ поясненію свойствъ церковно-славянскаго. На бѣ-
ду, собиратели этихъ остатковъ были Нѣмцы: почти со-
всѣмъ не зная славянскаго языка, они вздумали однакожъ

взяться за объясненіе найденныхъ отрывковъ и, какъ можно было ожидать, надѣлали бездну ошибокъ. Такимъ образомъ, многія изъ записанныхъ ими словъ, передѣланныя на нѣмецкій ладъ, сдѣлались или очень трудно объяснимы для насъ, или совершенно непонятными, и потому мы не можемъ правильно судить, каковы именно были свойства этого потеряннаго для насъ языка.— Изъ отрывковъ, до насъ дошедшихъ, особенно сохранились въ одномъ сочиненіи „*Historia studii etymologici linguae germanicae*“, Экгардта, извѣстнаго филолога и богослова XVII в. молитва Господня и одна пар. пѣсня, которая есть какъ бы сатира на нѣкоторыя современныя ей лица. Этотъ отрывокъ былъ записанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жили Древляне, и записки эти мы называемъ остатками языка *древлянскаго*. Изъ нихъ видно, что въ полабскомъ языкѣ былъ въ употребленіи ринезмъ ап (франц. ап или en), что было двойственное число и что, наконецъ, употреблялось прошедшее на ch. Но эта пѣсня написана такъ неясно, что требуетъ многихъ поясненій, которыми занимался у насъ не одинъ ученый. Представимъ здѣсь въ примѣръ начальныя строки этой пѣсни:

„Katy mejs ninka bejt?
—Telka mejs ninka bejt..
Katy mejs zantik bejt?..“

Такія странныя слова служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ эту пѣсню внесены были новѣйшіе элементы. Содержаніе пѣсни заключается въ томъ, что птицы составляютъ между собою совѣтъ, кто будетъ зятемъ извѣстной особы, кто невѣстой и т. д. Подобное содержаніе у насъ имѣютъ нѣкоторыя народныя пѣсни. Укажемъ на толкованіе словъ:

katy—кто, кто (здѣсь у есть разрѣженное o, звукъ a=ъ); mejs отъ нѣм. müssen, или, какъ объясняетъ Гильфердингъ, форма отъ имамъ; ninka — невѣста; если же производить это слово отъ пап (отецъ), отъ котораго мы имѣемъ женскій родъ—*нялька*, измѣнившійся въ значеніи (въ малорусск. нарѣчій *пенька* значить „мать“), то въ та-

комъ случаѣ слово *penka* не значить ли „посажёная мать“? *bejt*—быть, *telka*—такъ должно полагать—есть уменьшительное отъ слова *tel* (такъ еще до сихъ поръ называютъ сову на сѣверѣ Саксоніи); *zantik*—затъ (принезъмъ а выражень здѣсь звукомъ *an*).

Въ заключеніе нашего обзорѣнія приведемъ нѣсколь-ко лужицкихъ народныхъ пѣсень:

I. *Для нижне-луж. нарѣчія:*

1.

Maś ¹⁾ *to żywćo* ²⁾ *głazašo* ³⁾

Žywćo welgin ⁴⁾ *płakašo.*

„*Woc'ga* ⁵⁾ *płacoš żywcyšćo,*

Woc'ga tužyš źješe myje? ⁶⁾“

— „*Kaga płakaš nedebu* ⁷⁾,

Kaga tužyš nešmeju:

Zins ⁸⁾ *mje głaziš sljedni raz,*

Wjec' mje głaziš nebužoš.

Stawjaš wjenašk sljedni ⁹⁾ *raz,*

Wjec' jog' wizeš nebužoš.

2.

Welika nuza ¹⁰⁾.

Doma je nuza,

Na poli dwje;

Khtož njama ¹¹⁾ *chljeba,*

Tomu je zlje.

II. *Для верхне-луж. нарѣчія:*

Luboś jenička ¹⁾.

Hołbik ²⁾ *dwje bielej nožcy ma,*

I. ¹⁾ мать; ²⁾ дѣвица; ³⁾ гладить, ласкать; ⁴⁾ вельми; ⁵⁾ объ чемъ; ⁶⁾ мое; ⁷⁾ *dygbi, debu*—долженъ, -а, -о (страпнымъ образомъ созвучно съ лат. *debeo*); ⁸⁾ днесь; ⁹⁾ послѣдній; ¹⁰⁾ пужда; ¹¹⁾ *vm. njema*—не имѣть.

II. ¹⁾ единая; ²⁾ дѣвица.

Hólčik ³⁾ dwje rjanej ⁴⁾ lubcy ⁵⁾ ma.
Dyž wón z tej jenej ryčeše ⁶⁾,
Da so ⁷⁾ ta druha njewaše ⁸⁾.
„Ňe' njewaj so ty, holečo ⁹⁾,
Šak ¹⁰⁾ teb'e ja tejš lubo mam:“
— „Wo tajku lubošć njerodžu ¹¹⁾
Dyž teb'e sama nekrydnu ¹²⁾.

A załoj staj ¹³⁾ so za ručku,
A w'edłoj staj so pšez lučku ¹⁴⁾;
Do pól staj lučki ne pšisłoj
A dwaj staj rodaj ¹⁵⁾ nadejšłoj.
Nietklej ¹⁶⁾ mi pow'ež ¹⁷⁾, holečo,
Kotrymž ¹⁸⁾ ty rodži bydlic čejš ¹⁹⁾,
Bydłu, moj luby, kotrymž je,
Symli jenož ²⁰⁾ pšec' ²¹⁾ pši tebi.

³⁾ парень, юноша; ⁴⁾ красивый; ⁵⁾ любезная; ⁶⁾ говорилъ;
⁷⁾ сд; ⁸⁾ пjew — гнѣвъ; ⁹⁾ дѣвица; ¹⁰⁾ вѣдь, всякъ, все-таки;
¹¹⁾ не стою; ¹²⁾ krydnuć—получать (ср. нѣм. kriegen); ¹³⁾ двой-
ственное ч.—взялися; ¹⁴⁾ лужокъ; ¹⁵⁾ замокъ (Грдѣ); ¹⁶⁾ ни-
какъ; ¹⁷⁾ скажи; ¹⁸⁾ самостоятельный мѣстн. падежъ—въ кото-
ромъ; ¹⁹⁾ хочешь пребывать, жить; ²⁰⁾ единственно, только;
²¹⁾ прѣсу, прѣдсо—всегда.

VIII. Русскій языкъ.

Общій признакъ, отдѣляющій русскія нарѣчія отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, есть *полногласіе*. Правда, зоркому наблюдателю и въ другихъ нарѣчїяхъ будутъ видны его слѣды, но эти слѣды находятся тамъ, не какъ общее правило, но какъ зародышъ, какъ частный признакъ.

О полногласіи было много толковъ между учеными. Основываясь на немъ, бывшій профессоръ Кіевского Университета, Максимовичъ, хотѣлъ доказать примитивность русскаго языка; и дѣйствительно, въ санскритскомъ языкѣ онъ нашелъ много словъ, совершенно отвѣчающихъ русскимъ (такъ напр. *ragas* — русское *порогъ*); принявъ въ основаніе такого рода предположеніе, онъ полагаетъ, что русскій языкъ древнѣе самого церковно-славянскаго. Но такой слишкомъ смѣлый парадоксъ требуетъ подробнаго разбора.

Это полногласіе болѣе или менѣе предполагаетъ только производство; въ самомъ русскомъ языкѣ есть слова, которыя доказываютъ, что полногласіе не есть его примитивное свойство. Возьмемъ, напр., слово *колода*; если станемъ производить это слово, то найдемъ, что корень его есть *клад*, слѣд. здѣсь видно полногласіе; но почему же мы говоримъ *кладу*, а не *колоду*? Или, основываясь на употребленіи слова *солодкій* вм. *сладкій*, если бы мы вздумали также вм. *сласть* говорить *солость*, то, навѣрное, никто не былъ бы въ состояніи насъ понять. Почему у насъ

полногласно не говорят *вм. вратъ — воротъ*, *вм. слать — солотъ*? Стало быть, въ русскомъ языкѣ полногласіе имѣютъ только производныя формы.

Изъ этого мы можемъ заключить, что русскій языкъ не вездѣ допускаетъ полногласіе, но что оно есть признакъ русскаго языка, перешедшій въ теченіе времени даже въ рукописи; *вм. время*, напр., встрѣчаемъ *веремя*; да и до сихъ поръ еще удержалось въ пословицахъ и просторѣчій слово *поровъ* *вм. правъ*. Все это доказываетъ, что полногласіе хотя и есть отличительный признакъ русскаго языка, но не есть его примитивное, коренное свойство. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, важность этого свойства заставляетъ ученыхъ полагать, не лежали ли въ самомъ языкѣ народа какія нибудь особенныя причины такого разширенія словъ? Добровскій полагаетъ, что это финизмъ: извѣстно, что въ финскомъ языкѣ въ словахъ, имѣющихъ нѣсколько согласныхъ сряду, нѣкоторыя изъ этихъ согласныхъ или совсѣмъ отбрасываются, или онѣ, такъ сказать, разставляются, дѣлаются между ними промежутки, замѣщаемыя гласными. Такъ, изъ слова *столь* Финцы дѣлаютъ *асаталай*, изъ *слама* — *асалама*. Этого мало: полногласіе у Финна простирается даже на такія слова, которыя для него кажутся трудно произносимыми, хотя въ нихъ нѣтъ даже и двухъ согласныхъ сряду: изъ *Русь*, напр., онъ составилъ *Орошъ*.

Такое предположеніе Добровскаго, что начало полногласія лежитъ въ финскихъ говорахъ, долго сохранялось между учеными, даже Копитаръ еще поддерживалъ его мнѣніе. Другіе же, въ томъ числѣ и Востоковъ, предполагаютъ, что полногласіе произошло вслѣдствіе климатическаго и географическаго положенія; основываются же они на томъ, что и то и другое даетъ особенное устройство органамъ: мы видимъ, напр., что восточные языки наполнены чрезвычайнымъ количествомъ гортанныхъ, придыхательныхъ звуковъ; что жители горныхъ странъ отличаются быстрымъ произношеніемъ: въ ихъ словахъ замѣтна какая то сжатость. Но эти причины — климатическое и ге-

ографическое положеніе ипчего не значать въ филологіи: филологъ старается пояснить свои сомнѣнія, выводить начало, обрѣтаемое въ данномъ фактѣ, не изъ внѣшнихъ какихъ либо причинъ, а изъ внутреннихъ свойствъ каждаго языка.

И такъ, мы пришли къ тому, что полногласіе, *второстепенное* свойство всѣхъ славянскихъ языковъ, въ русскомъ сдѣлалось *первостепеннымъ*, точно также, какъ въ одномъ нарѣчій извѣстный случай паходится какъ правило, между тѣмъ, какъ въ другомъ этотъ же самый случай составляетъ исключеніе изъ общаго правила, случайность. Слѣдовательно мы можемъ сказать и о полногласіи: всматриваясь ближе, мы найдемъ слѣды его и въ другихъ нарѣчійхъ, — но найдемъ именно какъ слѣды, а не какъ общее свойство. Такъ, Сербъ слово *трѣтъ* произносить не *трет*, но *тарет*; такъ изъ слова *изравъ* Сербъ сдѣлалъ *ларав*; такъ мѣкнжти онъ превратилъ въ *макнути*: не есть ли это полногласіе? Можно бы было привести довольно много примѣровъ, но все же они не доказали бы намъ, что въ сербскомъ языкѣ полногласіе есть коренное свойство.

Но не въ одномъ сербскомъ нарѣчій замѣчаемъ мы слѣды полногласія: ихъ мы видимъ также и въ польскомъ, и въ чешскомъ, и въ другихъ славянскихъ языкахъ; только и тамъ полногласіе явилось случайнымъ образомъ, и есть признакъ отдѣльныхъ словъ, даже отдѣльныхъ формъ, но ужъ никакъ не правило: одинъ только русскій языкъ можетъ такъ назвать его.

Но что особенно примѣчательно, и церковно-славянскій языкъ имѣетъ полногласіе, но только мы его не замѣчаемъ: въ русскомъ языкѣ мы смотримъ на него какъ на правило, въ церковно-славянскомъ же оно составляетъ признакъ формальный, для словопроизводства: корни *бр*, *др* даютъ начало глаголамъ *брати*, *драти*, которыхъ настоящее время есть *берж*, *держ* (вм. *брж*, *држ*).

По отношенію къ полногласію въ русскомъ языкѣ замѣтимъ, что онъ любитъ превращать *a* въ двойное *o*: мы

говоримъ, напр., *городъ* вм. *градъ*, *голодъ* вм. *гладъ*, *морозъ* вм. *мразъ*. Слово *окорокъ*, по всей вѣроятности, произошло отъ *кракъ* (чешск. *krok*), что значитъ *бедро*, *лядвля*.

Но примѣчательно, что полногласіе въ русскомъ языкѣ не остановилось на одномъ только звукѣ *о*: мы можемъ встрѣтить его и при звукѣ *е* = *л*: напр. слово *мѣлко*, сродное съ ново-греческимъ *ἀμέλω* (дою), мы превратили въ *молоко*; вм. *илльнъ* мы иногда употребляемъ *полонъ* и глаголь отъ него *полонить*. Вообще полногласіе есть общій фонетическій признакъ русскаго языка, а это можетъ быть единственною характеристикой всѣхъ вообще славянскихъ нарѣчій, если мы скажемъ такъ: „Славянскія нарѣчія одно другое дополняютъ; что въ одномъ есть только зародышъ, то въ другомъ есть общее; или, что въ одномъ нарѣчій есть частный случай, то въ другомъ служить общей характеристикой ¹⁾).

Послѣ этого разсужденія о полногласіи сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о дѣленіи русскаго языка на нарѣчія.

Въ отношеніи дѣленія русскаго языка на нарѣчія ученые несогласны въ своихъ мнѣніяхъ. Знаменитый нашъ *Даль* (Казакъ Луганскій) написалъ разсужденіе о нарѣчіяхъ русскихъ, гдѣ онъ приводитъ различные говоры русскаго народа; но эти говоры по степени своей самостоятельности не могутъ быть отнесены къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ. Какъ отличный знатокъ русскаго языка, *Даль* предложилъ въ своемъ сочиненіи „о русскихъ нарѣчіяхъ“ дѣленіе, основанное на провинціальныхъ говорахъ, — дѣленіе, правда, мѣткое, но за то очень сбивчивое. При-

¹⁾ Послѣ этого Гр. излагалъ ученіе о полногласіи П. А. Лавровскаго, по которому нашимъ полногласнымъ отвѣчаютъ въ родственныхъ языкахъ слова, имѣющія гласный передъ плавнымъ (злато, золото—*Gold*, сѣбро, серебро—*Silber*), неспособнымъ же къ полногласію отвѣчаютъ слова, имѣющія гласный послѣ плавнаго (*frater*, *Bruder*—братъ).

пять разные областные говоры за отдѣльныя нарѣчія, онъ насчитываетъ до девяти русскихъ нарѣчій: это ужъ слишкомъ мелочное дѣленіе. Поэтому мы должны ограничиться болѣе общимъ дѣленіемъ русскихъ нарѣчій, именно: на *великорусское*, *южнорусское* (малорусское) и *бѣлорусское*. Такое дѣленіе дано намъ самою исторіею: она представляетъ намъ три отдѣльныя группы нарѣчій, которыя имѣютъ достаточныя основанія для нѣкоторыхъ нашихъ наблюденій. И дѣйствительно: это нарѣчія не только между собою, но и по отношенію ихъ къ языку церковно-славянскому. Будемъ теперъ разсматривать каждое изъ этихъ нарѣчій отдѣльно. Начнемъ съ великорусскаго.

Нарѣчіе великорусское. Особенности, характеризующіе этотъ языкъ признаки суть слѣдующіе: $ж = у$ (оу), $л = л$ (и).

Звукъ *ъ* хотя и не отличается въ произношеніи отъ *ю*, но за то онъ имѣетъ ту особенность, что во флексіяхъ нисколько не дѣйствуетъ на гортанныя: при немъ мы смѣло можемъ поставить и *г*, и *к*, и *х*: *Богъ, человекъ, духъ*, — свойство, совершенно чуждое церковно-славянскому языку и другимъ нарѣчіямъ. Эта особенность сильно занимала ученыхъ: по какимъ законамъ, думали они, русской чело-вѣкъ не можетъ измѣнять гортанныхъ даже при звукѣ *л*? Въ этой-то внесенной нами малой подвижности гортанныхъ и заключается главная причина отличія нашихъ старыхъ церковныхъ печатныхъ книгъ отъ древнихъ рукописей.

Другую характеристическую черту великорусскаго языка составляетъ переходъ *и* въ *е*, дѣлаемый иногда даже противъ этимологія: такъ, вмѣсто *бій, ній* мы говоримъ *бей, ней*. Правда, съ перваго разу такая особенность покажется мало замѣчательною, даже можетъ быть мелочною, но для эволюціи языка она очень важна; посредствомъ ея мы можемъ пояснить, почему измѣнились у насъ нѣкоторыя собственныя и даже нарицательныя имена церковно-славянскія, гдѣ это *і* есть коренное: напр. изъ *Сер-*

ий мы сдѣлали *Сергій*, пзъ *мравій*—*муравей* и т. п. Эта особенность проникла и въ тѣ формы, гдѣ твердое *и* (*ы*) превратилось въ *о*: *рыж*—*рою*, *мыш*—*мою*.

На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что всѣ и-мена прилагательныя на *ой* доказываютъ обратную пере-мѣну *ы* въ *о*: вм. *младый* мы говоримъ *молодой* и т. п.; здѣсь это *и* соединяется съ предъидущею темою на *ъ*, которое разрѣшается въ *о*; стало быть, русскій языкъ, пре-вращая отдѣльныя гласныя въ полныя, нѣсколько измѣня-етъ коренное происхожденіе своихъ словъ.

Кромѣ того, въ великорусскомъ языкѣ есть еще одна особенность, важная для классической филологіи: это — превращеніе звука *г* въ *в*: вм. *добраго* мы говоримъ *добро-ва*, вм. *худого*—*худова* (хотя въ орфографіи этого еще не признано). Этотъ случай какъ нельзя лучше идетъ къ объ-ясненію греческой дигаммы (*Γ*); такъ напр. при членѣ *ой* стояла дигамма—*Γος*: одни читали это *гой*, другіе *вой*.

Не послѣднимъ признакомъ русскаго языка, исключи-тельно ему принадлежащимъ, служить то, что онъ удер-жалъ во флексіяхъ старицныя окончанія; такъ въ 3-хъ лицахъ ед. и множ. ч. глаголовъ мы сохранили окончаніе *тъ*: *идетъ*, *идутъ*, чего нѣтъ въ другихъ нарѣчіяхъ.

Наконецъ, есть еще два признака въ русскомъ язы-кѣ: одинъ изъ нихъ можно принять за характеристику всѣхъ вообще русскіихъ нарѣчій: это — выраженіе церко-вно-славянскаго жд: всѣ слова, заключающія въ себѣ іоти-рованное *д* (*дј*), мы превращаемъ въ *ж*. Если мы и встрѣ-чаемъ иногда слова: *надежда*, *рожденъ*, то положительо можно сказать, что эти слова не собственно русскія, а за-имствованныя изъ церковно-слав. языка; наши же просто-людины и до сихъ поръ еще говорятъ: *надѣжа*, *рожѣнъ*.

шт, происшедшій изъ іотированнаго *т* (*тј*) для насъ, Русскіихъ, есть *щ* и, вмѣстѣ съ Хорутанами, *ч*: *штадити*—*щадить*, *иджшти*—*идущи*. Есть еще нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ свойствъ русскаго языка, но мы о нихъ большею частію упоминали, говоря о церковно-сла-вянскомъ языкѣ.

Нарѣчіе малорусское или южнорусское. Южнорусское нарѣчіе, будучи, безъ всякаго сомнѣнія, отраслью русскаго языка, имѣетъ однакожъ такія особенности, которыя неконци были, какъ кажется, основными отличіями. Если станемъ ближе разсматривать эти отличія, то увидимъ, что они, вѣроятно, произошли отъ сближенія южнорусскаго нарѣчія съ другими славянскими нарѣчіями, и есть предположеніе, что это нарѣчіе родилось отъ сосѣдства Русскихъ съ Словаками или Мораванами, что населеніе русское въ древности прилегало къ Карпатскимъ горамъ, и что въ Карпатскихъ горахъ и понынѣ еще находимъ Словаковъ, сливающихся съ Русскими. Въ древности и часть Галиціи принадлежала къ южной Русси. Преданіе говоритъ, что послѣ нашествія Татаръ западная Россія заключала въ себѣ жителей, вышедшихъ изъ Карпатовъ: послѣ этого немудрено, что черты ихъ рѣчи не могли быть присущи первоначальнымъ жителямъ южной Россіи. Покажемъ теперь главныя отличія южно-русскаго языка.

Звукъ г всегда превращается въ *г'* (h). Малороссы говорятъ, напр.: *г'ора*, *г'оворит*, *г'айдамак*. Это чехизмъ.

Звукъ ѣ Малороссы всегда измѣняютъ въ и: и это свойство принадлежитъ также чешскому языку, хотя тамъ оно не могло сдѣлаться правиломъ (въ чешскомъ напр. *wiga* вм. *впра*, *вприти* однакожъ удержало *ь*: *wëriti*): *блѣда*—*бида*, *слѣдъ*—*сидъ*, *бъло*—*било* и т. д. Это и доказываетъ, что въ южно-русскомъ языкѣ возобладать второй элементъ нѣкогда двугласнаго ѣ, и въ этомъ случаѣ южно-русское нарѣчіе сходится съ сербскимъ, которымъ говорятъ Сербы въ Далмаціи и Славоніи.

ѣ и и Малороссы такъ произносятъ, что для правильнаго выговора этихъ звуковъ нужно особенно приучить себя. Объ нихъ можно сказать такъ: южно-русское *ы* произносится мягче, чѣмъ наше *ы*, но за то ихъ *и* тверже, губнѣе нашего *и*; напр. слово *били* Малороссы произносятся *билли*, *слышу*—*слишу*. Звукъ *ы* въ южно-русскомъ языкѣ пропалъ даже въ наклоненія: *куныты*, *ходиты*.

Но что особенно характеризуетъ южно-русскій языкъ,

такъ это склонность превращать *o* въ острое *и*; слѣды этой склонности встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ. Правда, что тутъ это *o* превращается въ *и* только въ формахъ, близкихъ къ корню, но нельзя сказать, напр., что отъ *кинь*, *Бигъ* род. пад. будетъ *киня*, *Бига*. Это свойство было уже рано замѣчено учеными, которые думаютъ, что оно, вѣроятно, произошло влѣдствіе какихъ нибудь особаго рода чередованій. Такъ въ чешскомъ яз. длинное *o* переходитъ въ *ô* или *ï*. Сверхъ того, Чехи, Поляки и Малороссы очень часто длинное *o* произносятъ какъ *ou*: *Богъ*—*Бугъ*, *мостъ*—*мусть* и т. п.

И такъ, мы видимъ, что *o* въ малорусскомъ языкѣ получаетъ способность переходить въ *у*. Переходъ изъ *o* въ *у* очень обыкновененъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ; самое же *o* ближе къ *у*, чѣмъ къ *ы*. Притомъ стоитъ вспомнить, что Чехъ вм. *lud*, *lubiti* употребляетъ *lid*, *libiti*. Только такимъ образомъ можно объяснить превращеніе *o* въ *и* (*i*), что сначала *o* измѣнилось въ *у*, а потомъ въ *и* (*i*): *пойдетъ*—малорусс. *пйде*, *Бигъ* *ме*—*Богъ* *меня* *убей*, *онъ*—*винъ*.

Немаловажную особенность южно-русскаго языка составляетъ также измѣненіе звука *лъ* въ *в*. При обзорѣни всѣхъ предъидущихъ нарѣчій, мы нашли, что звукъ *лъ* въ нихъ вокализируется, превращается въ гласную; у Южноруссовъ же, напротивъ, онъ дѣлается звукомъ согласнымъ: *влѣкъ*—*вивк*, *пошелъ*—*пишов*; также мы часто видимъ, что *въ* или просто *в* переходитъ у нихъ въ *у*: *въ* *домъ*—*у* *дому*, *вслъ*—*уси*.

Что касается звука *ть* въ 3-хъ лицахъ, который удержался въ русскомъ языкѣ, то Южноруссъ можетъ сказать *ходит* и *ходи*, *кажет* и *каже*; другими словами, этотъ звукъ можетъ прибавляться и отниматься.

По отношенію къ гортаннымъ звукамъ *г'*, *к*, *х* южно-русскій языкъ отличается отъ великорусскаго тѣмъ, что онъ большею частію превращаетъ ихъ въ соответствующіе каляталыныя: *у* *руци*, *нози*. Однимъ словомъ, звуки

г', к, х для Южноруссовъ удержали то свойство, какое имѣютъ они въ ц.-слав. языкѣ.

Самое же важное, для филологовъ, свойство южно-русскаго языка заключается въ образованіи будущаго времени. Извѣстно, что будущее время во всѣхъ славянскихъ языкахъ выражается или особеннымъ видомъ, или посредствомъ *буду* (въ сербскомъ и болгарскомъ посредствомъ *хочу* — оћу, хоштѣ); южно-русскій же языкъ образуетъ будущее время своихъ глаголовъ посредствомъ *иму* и, подобно сербскому оћу, это *иму* дѣлается въ немъ приращеніемъ: *питиму* — буду пить, *битиму* — буду бить (пићу, бићу), *итиму* — пойду и т. д. Для примѣра языка Южноруссовъ приведемъ одну пѣсню.

Идутъ мої дні за днями
Літа за літами;
Я роскоши не зазнала,
Жаль мині за вами.
А дівкою не гуляла,
За мужемъ не буду:
По чимъ же васъ, літа мои,
Вспомянати буду.
Кажуть люде, що-мъ щастлива;
Я тїмъ веселюся:
Ой не знають, якъ я неразъ
Слізами заллюся.
Боже зъ неба високого:
Скороти віка мого!
Ой хто въ світі щастливіший —
Причинься до того.
(Изъ сборн. Мордовцева, стр. 281).

Нарѣчіе бѣлорусское. Рано поставленный между Ляхами, извѣстными прежде подъ именемъ Радимичей и Вятичей, народъ бѣлорусскій сохранилъ въ своемъ языкѣ и нѣкоторыя свойства языка сосѣднихъ съ нимъ племенъ: поэтому неудивительно будетъ, если мы найдемъ въ немъ

свойства и великорусскаго языка, и польскаго, и малорусскаго. Но мы найдемъ въ немъ также одно свойство, исключительно ему принадлежащее: это — превращеніе *e* въ *и*: негодный — *нигодный*, берп — *бири*; слѣды этого свойства мы замѣтили въ нижне-лужицкомъ нарѣчіи.

Съ польскимъ языкомъ бѣлорусское нарѣчіе сходится тѣмъ, что *т* превращаетъ въ *ц* (*с*): *цябе*—тебѣ, *знаць*—знать. Кромѣ того іотированное *д* превращается въ *дз*: *дзевка*, *ходзи*.

Съ южно-русскимъ тѣмъ, что *г* въ немъ есть *г'* (*h*): *г'оладъ* (*гладъ*).

Съ велико-русскимъ этотъ языкъ сближается и даже, можно сказать, пересиливаетъ его чрезвычайно частымъ употребленіемъ звука *а*, каждое *а* для Бѣлорусса есть двойное *а*, какъ для насъ двойное *о*: *градъ*—*г'арадъ*, *глава*—*г'алава* (городъ, голова великорусс.).

Итакъ, свойства бѣлорусскаго нарѣчія произошли отъ заимствованія изъ другихъ нарѣчій, кромѣ только собственнаго, оригинальнаго произношенія *и* вм. *е*.

Это принятіе въ языкъ чужихъ элементовъ находится въ тѣсной связи съ исторіею самого бѣлорусскаго племени. Приведемъ въ заключеніе бѣлорусскую пѣсню:

Ахъ знаць, знаць па виселику (сватьба),
Што вы бацюшка аддаець,
Дворъ вылікій, а зборъ вы великій.
Нѣтъць у меня радзинушки!
Ой сашлю, пашлю сѣру змзульку (кукушка)
Па радзинушку.

Змзулька лмщиць,
Радзина ѣдзець!

Ахъ! паслала-бъ вы саловеньку,
Да саловушка отказываець.
Ахъ! паслала-бъ вы змзульку,
Па сваяго татульку,
Да за роднепскимъ бацькомъ.
Сѣрая змзулька не прилетаець,
Ахъ! татулька адмавліець (говорить):

„Радъ бы и устаци
 Къ сваему дзицици,
 И парадушку дацп.
 Грабовымъ доски
 Сциснули пожки,
 Да не могу и устаци!
 Сырая земля
 Дверцы залегла,
 И акошечко засланила,
 Мамго бацюшку
 На виселпка не пустила.

При такомъ разнообразіи особенностей русскихъ нарѣчій нельзя конечно отвергать, что кромѣ трехъ показанныхъ нами есть еще и другія; но, всматриваясь ближе, мы видимъ, что эти другія нарѣчія суть не что иное, какъ только отпрыски данныхъ трехъ; такъ, нѣкоторые причисляютъ къ нимъ нарѣчіе *сибирское*, но оно вышло изъ Новгорода на сѣверѣ. Другіе признаютъ отдѣльными нарѣчіями *рязанское* и *орловское*, но оба они въ большей части своихъ особенностей занимаютъ середину между южно-русскимъ и велико-русскимъ.

Нельзя, однакожь, не сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нарѣчій *новгородскомъ*, впечатлѣвшемся въ старинныхъ памятникахъ и нѣкоторыхъ церковныхъ рукописяхъ. Этотъ говоръ удержалъ въ себѣ одно свойство южно-русскаго нарѣчія: такъ, въ новгородскомъ нарѣчій и по настоящее время употребляютъ и вм. ѣ: *святъ—свитъ*; но за то Новгородцы чаще произносятъ г (g) нежели г' (h). Еще интересное свойство ихъ языка — превращать ц въ ч; такъ, вм. *цль* говорится *чль*, и обратно: вм. *черный* говорится *цорный*. — Этимъ окончимъ обзоръ нарѣчій и говоровъ русскаго языка.

IX. О системахъ дѣленія славянскихъ нарѣчій.

Теперь остается намъ рассмотреть то, чѣмъ нѣкоторые начинаютъ обозрѣніе славянскихъ нарѣчій, именно цѣлую группу славянскихъ языковъ, ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу и наконецъ способъ представлять ихъ въ извѣстныхъ категоріяхъ.

Первое, что должно сказать здѣсь, есть то, что свѣдѣнія о коренныхъ свойствахъ славянскихъ нарѣчій, которыя даются самой наукой, какъ плодъ продолжительныхъ анализовъ, — мы имѣемъ еще очень скудныя, слабыя. Еще въ началѣ этого столѣтія ученые жаловались на то, что у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о болгарскомъ языкѣ. Первое извѣстіе о немъ доставилъ *Копитаръ* (въ 1827 г.) въ одномъ Вѣнскомъ журналѣ (*Wienerjahrbücher*), а профессоръ *Каченовскій* написалъ около того же времени свою диссертацию о церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ онъ утверждаетъ, что самый коренной языкъ есть сербскій, что онъ совершенно такой же, какъ и церковно-славянскій. Это заблужденіе произошло отъ того болѣе, что книги, изданныя духовными сербскими, были написаны подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка. — Въ послѣднее же время, особенно послѣ изслѣдованій *Востокова*, мы стали постепенно знакомиться со свойствами древне-славянскаго языка, хотя и нынче еще многимъ кажется невѣроятнымъ то, что мы сказали о ринезмахъ (ж, л) и ерахъ (ъ, ь). Многие ученые пытались даже приводить всѣ славянскія нарѣчія въ извѣстный порядокъ, чтобы тѣмъ легче было

сообразить ихъ общія свойства. Такъ, знаменитый *Шлёцеръ* въ своемъ сочиненіи „*Nordische Geschichte*“ выразилъ желаніе пояснить характеръ всѣхъ славянскихъ языковъ. Не говоря о многочисленныхъ попыткахъ такого рода, дѣланныхъ въ этомъ столѣтіи, я долженъ однакожь указать на самыя важныя изъ нихъ. Начну съ Добровскаго.

Добровскій (первый замѣчательный славянскій филологъ, потому что рѣшился изслѣдовать церковно-славянскій языкъ по самымъ рукописямъ), изучилъ всѣ славянскія нарѣчія и не одинъ разъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ своихъ указывалъ на ихъ главныя свойства. Такъ, въ своихъ сочиненіяхъ: „Грамматикъ церк.-славянской“, „*Slawin i Slovanka*“, онъ предложилъ дѣлить всѣ славянскія нарѣчія на двѣ группы, и это дѣленіе было принято всѣми нашими учеными: такъ, *Гречъ* въ своей „Полной грамматикѣ русской“ держится этого дѣленія. Добровскій говоритъ, что славянскія нарѣчія можно раздѣлить на *сѣверо-восточныя* и *юго-западныя*; къ первому отдѣлу онъ относитъ нарѣчія русскія, илларійскія (болгарское, сербское, хорватское) и хорутанское; ко 2-му — словацкое, чешское, лужицкое и польское.

Самое это дѣленіе можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что Добровскій нисколько не заботился о существенныхъ признакахъ отдѣленія этихъ языковъ другъ отъ друга; такъ напр. онъ не отдѣлилъ сербскаго языка отъ болгарскаго; напротивъ нарѣчіе хорватское отдѣлилъ отъ сербскаго, тогда какъ они тѣсно связаны между собою; или, напр., отдѣлилъ словацкій яз. отъ чешскаго.

При этомъ раздѣленіи Добровскій представилъ разные эмпирическіе признаки, онъ извлекъ ихъ изъ наблюдений, чтобы показать, какъ и въ чемъ именно эти группы различаются между собою. Эти признаки точно также получили извѣстность, какъ и самое дѣленіе, и точно также были приняты Гречемъ и другими.

Укажемъ на важнѣйшіе признаки, которыми руковод-

ствовался Добровскій при своемъ дѣленіи славянскихъ нарѣчій:

1) Въ нарѣчіяхъ, принадлежащихъ къ первому отдѣлу, ставится *раз* тамъ, гдѣ въ другихъ *роз*: *разумъ*—*rozum*, *разный*—*rózny*.

2) Въ однихъ нарѣчіяхъ употребляется въ сложныхъ словахъ предлогъ *из*, въ другихъ—*вы*: *издать*—*wydać*, *исходъ*—*wychód*.

3) Вставка въ одной группѣ звука *л* тамъ, гдѣ въ другихъ *л* невозможно: Русскій скажетъ напр. *земля*, *поставленъ*, между тѣмъ какъ Чехъ и Полякъ говорятъ: *zemia*, *postawiony*.

4) Противоположный признакъ: мы выпускаемъ *д* тамъ, гдѣ въ другой группѣ оно необходимо: *краль*, *паль*, *крао*, *пао*—*kradł*, *padł*. Во многихъ даже отдѣльныхъ словахъ мы выпускаемъ *д*; мы говоримъ: *сало*, *мыло*, *молитва* и проч.; тогда какъ принадлежащія ко второй группѣ племена скажутъ: *sadło*, *mydło*, *modlitwa* и т. д.

5) Во многихъ словахъ мы употребляемъ *е*, въ другой же группѣ оно замѣняется звукомъ *о*: *пенель*—*poriół*.

Это главные признаки. Сверхъ того Добровскій, желая еще болѣе увѣрить ученыхъ въ справедливости своего дѣленія, приводитъ рядъ словъ, подтверждающихъ его предположеніе. Мы говоримъ, напр., *цвѣтъ*, тогда какъ Полякъ скажетъ *kwiat*; вм. нашего *звѣзда* онъ скажетъ *gwiazda*; Русскій, Болгаринъ и Сербъ говорятъ *той* или *той*, а Чехъ и Полякъ—*ten*; мы говоримъ *птица*, а Полякъ и Чехъ—*ptak* и т. д.

Замѣчанія Добровскаго были большею частію ослаблены *Востоковымъ*, который доказываетъ, что на этихъ признакахъ нельзя утвердить различія славянскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что всѣ эти признаки извлечены изъ печатныхъ книгъ. Вотъ замѣчанія, сдѣланныя *Востоковымъ*:

1) Въ говорѣ русскаго народа употребляется напр. *розница* вм. *разница*.

2) Предлоги *из* и *вы* въ сложныхъ формахъ у насъ

смѣшиваются въ употребленіи: *вм. издать* мы еще чаще употребляемъ *выдать*, *вм. исходъ—выходъ*.

3) Что же касается до вставляемаго въ наши слова звука *л*, то надобно замѣтить, что въ старинныхъ рукописяхъ онъ точно также выпускался, какъ выпускается теперь у Чеховъ и Поляковъ: такъ въ памятикахъ старославянской письменности можно встрѣтить *земм* *вм. земля*. Слѣд., этотъ признакъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать общимъ.

4) Въ отношеніи того случая, что нарѣчія первой группы выпускаютъ *д* тамъ, гдѣ другая группа вставляетъ его, замѣтимъ, что звукъ *д* если нельзя встрѣтить въ русскомъ языкѣ, за то можно встрѣтить въ другихъ нарѣчіяхъ, особенно въ хорутанскомъ, гдѣ говорится, напр. *motowidło* *вм. мотовило*; да и у насъ говорятъ напр. *сло* *вм. слово*.

Какъ ни справедливы замѣчанія Востокова, но тѣмъ не менѣе замѣчанія Добровскаго остроумны и кромѣ того они послужили поводомъ къ дальнѣйшимъ филологическимъ наблюденіямъ, чего до тѣхъ поръ не было. Приведемъ здѣсь еще одно замѣчаніе Востокова, сдѣланное относительно словъ *птица* и *ртак*. Востоковъ говоритъ, что хотя и въ самомъ дѣлѣ слово *ртак* у насъ неупотребительно, но зато можно слышать, особенно въ пѣсняхъ: *птаха*, *пташечка*, *пташка*, *потка* (у Сербовъ *патка*).

Послѣ Добровскаго вопросомъ о дѣленіи славянскихъ нарѣчій занимались многіе ученые, какъ напр. *Раковецкій*, *Кухарскій*, *Ганка* и др.; но всѣ они болѣе или менѣе приближались къ Добровскому, и дѣленію Добровскаго слѣдовали ученые до самаго Шафарика.

Шафарикъ, который всю жизнь посвятилъ изученію славянскихъ языковъ, откровенно говоритъ, что такое дѣленіе, какое предлагаетъ Добровскій, невозможно въ 1-хъ потому, что всѣ славянскіе языки уже рано были такими, каковы они теперь; что и въ IX столѣтіи были тѣже нарѣчія, какія есть и въ XIX, не такъ какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ въ нарѣчіяхъ замѣтенъ генетизмъ, развитіе

одного изъ другого. (Объ образованіи нѣмецкихъ нарѣчій см. Гримма „Geschichte der deutschen Sprache“). Во 2-хъ, между славянскими языками, пеймьющими генетизма, какъ нѣмецкіе, нельзя поставить совершеннаго параллелизма, потому что всѣ они, какъ мы уже сказали, относятся между собою такимъ образомъ, что въ одномъ изъ нихъ есть правило, то въ другомъ — частный признакъ, и наоборотъ; другими словами, они дополняютъ другъ друга. Потому Шафарикъ въ своемъ „Narodopisě“ для показанія отношенія между собою нарѣчій говоритъ, что, не обращая вниманія на то, принадлежитъ ли извѣстное нарѣчіе къ группѣ сѣверо-восточной или юго-западной, — всѣ славянскія нарѣчія могутъ различаться одно отъ друга по 4-мъ главнымъ признакамъ.

1) Первый признакъ заимствованъ Шафарикомъ изъ системы Добровскаго. Различіе нарѣчій основывается на звукѣ *đ*, который въ однихъ нарѣчіяхъ есть коренной, въ другихъ же вставочный и можетъ пропускаться; поэтому тѣ нарѣчія, гдѣ говорится *сало, мыло, крадъ*, составляютъ одну группу; другую же составляютъ тѣ, въ которыхъ говорится: *sadło, mydło, kradł*.

2) Шафарикъ утверждаетъ, что тотъ же самый звукъ *đ* (равно какъ и *m*) въ однихъ нарѣчіяхъ необходимъ для словопроизводства, въ другихъ же, напротивъ, оставляется, выпускается. И дѣйствительно; въ словахъ: *валъ, шелъ, цвѣлъ* у насъ коренное *đ* выпало, тогда какъ въ другихъ нарѣчіяхъ мы слышимъ *wiadł, szedł, kwitł*. Слѣдовательно, и этотъ второй признакъ своего дѣленія Шафарикъ заимствовалъ тоже у Добровскаго, но только усилилъ этотъ признакъ прибавленіемъ къ звуку *đ* „коренное“.

3) Шафарикъ и за третій признакъ своего дѣленія взялъ тотъ же случай, который приводитъ и Добровскій: именно, что звукъ *л* въ однихъ нарѣчіяхъ можетъ быть вставленъ, въ другихъ выпадать: *земля* — *ziemja*. Стало быть, въ этихъ 3-хъ случаяхъ Шафарикъ только систематизируетъ признакъ Добровскаго.

4) Послѣдній признакъ своего дѣленія Шафарикъ при-

водитъ уже не заимствованный, а свой, и чтобы судить, сколько трудовъ стоилъ онъ Шафарику, достаточно только вспомнить, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ обратиться не къ грамматикѣ, а къ лексикону. Этотъ 4-ый признакъ основанъ на странномъ нахожденіи и ненахожденіи извѣстнаго слова, именно слово *смотрѣть* = *съ-мотрити*. Шафарикъ говоритъ, что если мы пойдемъ отъ Волги внизъ, къ Адриатическому морю, то вездѣ будемъ встрѣчать слово *съ-мотрити*; слѣд. это слово есть какъ-бы шиболеть, по которому распознаются между собою нарѣчія. Есть у Поляковъ одно такое слово, которое мы не встрѣтимъ въ означенной мѣстности: это слово *patrzyć* — *смотрѣть*. И на этихъ двухъ словахъ дѣленіе Шафарика основывается гораздо болѣе, чѣмъ на многихъ, и. ч. дѣйствительно, Сербъ, Болгаринъ, Хорутанинъ и Русскій употребляютъ слово *с-мотри*, тогда какъ Чехъ и Полякъ скажутъ *patrz*: этимологія доказываетъ, что оба эти слова одинаковаго происхожденія, только въ послѣднемъ изъ нихъ губная *м* перешла въ *п*.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ мало дѣленіе славянскихъ нарѣчій удовлетворяетъ требованіямъ науки. Доселѣ разсмотрѣнныя нами дѣленія слав. нарѣчій были дѣланы по отношенію филологическому; но можетъ быть еще дѣленіе этнографическое. Такого рода дѣленіе было предложено *Максимовичемъ* въ его „Начаткахъ русской филологіи“. Всѣ славянскія нарѣчія Максимовичъ дѣлитъ на три группы: къ первой онъ относитъ всѣ русскіе языки, которые наз. примитивными, ко второй — хорутанскій, сербскій и болгарскій; къ 3-й — польскій, чешскій и лужицкіе. Такое дѣленіе было предложено Максимовичемъ преимущественно съ цѣлю упростить географическое группированіе слав. нарѣчій.

Если бы теперь, Мм. Гг., было позволено мнѣ высказать мнѣніе касательно будущаго дѣленія слав. нарѣчій, то я сказалъ бы такъ, что послѣ нашего преподаванія слав. языковъ каждый согласится со мной, что какъ бы ни были отличны слав. языки отъ всѣхъ европейскихъ,

все же между ними есть одно общее соединяющее ихъ свойство—*усиленіе смягченія*. Сравнительно съ ними, европейскіе языки не имѣютъ звуковъ *щ, ч, дз*, хотя франц. яз. напр. и имѣетъ *ж* (*j, g*), итальянскій *ч* (*c* передъ *e* и *i*): слѣд. усиленіе палатальныхъ звуковъ есть какъ бы критеріумъ для различія языковъ славянскихъ отъ другихъ европейскихъ. Что, если взять за основаніе это усиленіе смягченія звуковъ,— не будетъ-ли это основаніе лучшимъ способомъ дѣленія слав. нарѣчій? Въ слѣдующемъ курсѣ я намѣренъ болѣе вникнуть въ вопросъ, отъ чего именно произошло это смягченіе. Если оно произошло отъ іотированія, если оно такъ сильно измѣняетъ согласныя, то положительно можно сказать, что іотированіе было главною причиною различія слав. языковъ отъ прочихъ европейскихъ. Мало того: въ этомъ іотированіи заключается главная причина различія славянскихъ нарѣчій и между собою.

Что оно есть причина измѣненія звуковъ въ языкахъ вообще, это доказываютъ историческія изслѣдованія ученыхъ филологовъ: такъ, *Шлейхеръ* въ своемъ сочиненіи „о цетатизмѣ“ говоритъ, что греческая ζ = нашему *жд* и доказываетъ, что въ слав. нарѣчійхъ іотированіе играетъ самую важную роль.—Слѣд., теперь не будетъ страннымъ, если я, указавъ на слѣдствія іотированія, скажу, что лучшей способъ дѣленія славянскихъ нарѣчій есть—принять ихъ характеристическія черты, по которымъ происходитъ это смягченіе. Можно бы было каждый звукъ принять за критеріумъ, но я отдаю преимущество звуку *дж* (*жд*). Вотъ его измѣненія: ц.-слав. *жд*, серб. *dj, ѣ*, болг. *жд*, хорутап. *j*, чешск. *z*, польск. *dz*, в.-луж. *dž*, н.-луж. *ž*, русск. *ж*. Мнѣ кажется, такое дѣленіе принять лучше, потому что оно дано самими законами фонетики славянскихъ нарѣчій, которыми они и отличаются отъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Въ этомъ дѣленіи нѣтъ ничего затруднительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ неправды, а наблюденіе такого рода признаковъ еще болѣе должно усилить нашу пытливость.

Опечатки и поправки въ лекціяхъ Григоровича.

Введеніе.

<i>Стрц.</i>	<i>Стрж.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
2	30	Slovansky narodopis	Slowansky narodopis
3	32	Bojaheim	Bojohaemum
4	12	Герцоговпна	Гердеговпна
—	14	именно	именно
—	15	Ванделиція	Впиделиція
—	16	Горяпъ	Горенцевъ
I. Цри.-слав. яззынь:			
7	31	ѡ	и
8	10	rančak	рапчак
—	—	сентавръ	септабрь
—	18	прозшошеніе	пропшошеніе
—	19	стариннаго прозшошенія	стариннаго начертанія
—	35	ѣ	е
9	9	snavis	снаивс
—	10	baiczau	waitiāt
—	15	bida	bida
—	16	wira	wira
10	19	ютировааннаго	іотированнаго
—	30	mlt	mls
12	16	ютированіе	іотированіе
—	20	сторонѣ	сторонѣ—
—	28	окончаніями	окончаніями
—	30	именно	именно
13	6	о	о
—	25	пѣнизѡ	пѣнази
14	2	пѣнжзи	пѣнази
—	32	крылѣ	крылоу
15	22	штоуждемь	штоуждѣмь
—	26	штѣждѣ	штоуждѣ (и въ слѣд. пад.—оу вм. ѣ)
16	28	томѣ, ѣмоу	томоу, ѣмоу
17	26	ѣе	ѣе
18	9	приненобыгноуѣмоу	приснобытноуѣмоу

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
—	29	сравнательной	сравнительной
20	20	корни	корни
—	25	пзиѣнился	пзмѣнился
23	2	Имь (іп. Истп) Исп, } Исть, Исмъ, Исте, } Иск	Ись (іп. Истп) ИСА.

24 Отрывокъ изъ глагольскаго Маріинскаго Четвероевангелія по изданію Ягича:

И влѣзъшоу емоу въ корабль по немь идж оуѣеници его
и се тржсь великъ бысть въ мори ѣко покрывати са корд,,
блю вълнами. и ть сънаше. и пришедше оуѣеници его възбоуди
ша и гѣжште ги, съіс ны погъбаемъ і гла имъ уто страши-
ви есте маловѣри тогда въставъ запрѣти вътромъ и морю. и
бысть тишина велиѣ. улѣци же уюдишаса глшете кѣто съ
естъ ѣко вътри и море послоушаѣтъ его.....

II. Болгарскій языкъ:

27	10	убійца	бойца
29	8	хъштж	хоштж
—	33	деорганпзація	дезорганизація
32	21	случайность	случайность
33	27	сж	сж
34	23	хвалю	хвалѣж
—	26	эвтоп	(не надо)
35	29	пмам	пмам
36	8	мам	мале
—	12	мале	мале,
—	14	Грѣчника	Грѣкинка
—	33	чаваръ ζευγᾶριον	чавгаръ ζευγᾶριον
37	1	Кормски	Кармски
—	33	ареланъ	арсланъ
38	6	хадженки	хаджійки
—	12	баримъ	баремъ
—	17	приведешъ	прѣведешъ
—	19	дрѣвъ	дрѣво
—	31	каджалыкъ	хаджалыкъ
—	36	кѣпшъ	кѣршъ
39	1	Хара	Хора

— между стрк. 2 и 3 оставить:

Че ѣ прикія донесла,

Амп штѣтъ хора да рекѣтъ.

39	13	глядъ, гладѣть	гледъ, глядѣть
—	31	бѣша	беша
40	13	та-чу	таче
III. Сербскій языкъ:			
41	8	Словенцевъ	Славонцевъ
42	20	крыса	крысы
43	34	Варадинскій	Вараждинскій
44	19—20	Karl-stadt	Karlowitz
—	33	Герцоговинѣ	Герцеговинѣ
45	23	старянскаго	славянскаго
46	21	Парачинскомъ	Паратинскомъ
—	22	Левачева, Теминча,	Левчѣ, Теминцѣ,
—	27	Карловца	Карановца
48	6	сильный	сильный
49	23	хъштѣ	хоштѣ
50	31	окончаній	означеній
52	23	Окончаніе	Окончаніе
53	25	жуду	жуту
—	26	какъ	какъ
—	35—36	<i>добавить:</i> Тв. Пр. жутима	
54	12	врућемъ	врућимъ
—	13	<i>добавить во мн. ч.:</i> врућима	
—	27	више	виши
—	36	мени	мени
55	2	мени, ној	мени, ној
—	9	какъ	какъ
—	20	двукъ	двухъ
57	20	плете	плете
58	22	плетећу	плешћу (и въ дру- гихъ лицахъ обоихъ чиселъ <i>и</i> вм. <i>те</i>)
60	27	браће, што то	брате, што ти
—	32	састануши	састанути
61	12	Цобратиме	Побратиме
—	17	јунака	Јунака;
—	18	умријети	умријети
62	6	врхомъ	врхомъ
63	1	нима	њима
—	10	бјеседно	бесједно
—	19	Марко	Марка,
—	20	Нега	Нека
—	28	пјеваји	пјевају
64	6	Прекстисе	Прекретисе

64	15	пробуди	пробуди
—	27	Гледѣћ	Гледѣћ'
65	17	земли	земли
—	31	счишать	считать
—	32	brgat'	brgat'
IV. Хорутанскій языкъ:			
67	22	Радгона (Radkars- berg)	Радгоны (Radkers- burg)
—	24	Petau	Pettau
72	30	geja (рѣжда—спо- собъ)	(ненадо)
—	35	щ	(не надо)
73	2	(v̄) : сѣлъ—sev̄	(v) : сѣлъ—sev
—	19	и	и
74	4, 7	severj	sever
—	9	severj	severjĭ (добавить:)lasu
—	<i>вмѣсто стрк. 10—15: Двойств. число: слѣд.:</i>		
		II. В. З. severja, gada, lasa	
		P. severjev, gadov, lasov	
		Д. Т. severjema, gadama, lasama	
		II. severjich, gadich, lasich	
75	23, 24, 25	leriga, lerimu	lerega, leremu
—	27	lerim	lerem
76	3	сравнительной	сравнительной
—	21	tisjoc	tisoc
—	26	dvajsat	dvajst
77	6	na	na
—	11	katari	kateri
78	2	dvig-n-eti	dvig-n-oti
79	7	esmo	smo
—	10, 16, 18, 20	bodo	bodem
—	30	delajsč	delajoč
80	13	die sheits	die sseits
—	14	un kraj, jenheits	unkraj, jenseits
—	30	kdie	kde
82	8	mamici	mamci
—	11	pokoplie	pokoplje
—	12	pomorončo	pomorančo
—	14, 17, 21	zemja	zemlja
—	17	Pregovorja	Pregovarja
—	20	zdišne, slišni	zdihne, sliši,
83	3, 5, 6, 7	pije kušuje mene	pije, kušuje, mene
—	8	prokleta	prekleta!

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
V. Чешскій языкъ:			
85	21	Говешкаго	Гевешкаго
—	35, 37	шептъ	септъ
86	4	Эперьесъ	Эперьетъ
—	7	Говешскомъ	Гевешскомъ
—	10	Cossovia	Cassovia
—	21	Краловеградскій	Краловеградецкій
—	22	Биджовскій	Былжовскій
89	5	libiti	libiti
—	15	(пропущено)	который
90	3	mlt	mls
—	20	svat	svatý
91	12	slid	slid
—	16	blah	blahý
92	23	σποραδῆν	σποράδην
101	5	sed-nau-ti	sed-nou-ti
105	27	prawiti	praviti
106	1	совсѣмъ	конечно
—	<i>между 14 и 15 строками оставить:</i>		
—	Mnoho voinstva i francouzského		
—	17, 20, 27	bodakŭ, obhajocové, nas	bodákŭ, obhájocové, nás
—	18	přivalem	přivalem
—	26	nikdy	nikdý
—	29	сырый	сырой
107	4, 20	chramu, menia	chrámu. menia
—	2	vašich	vašich
—	7	našim	našim
—	11	máti	mati
—	13	všetkých	všeckých
—	18	božie	bozié
—	20	svet	svět .

VI. Польскій языкъ:

112	34	замѣтнмъ	zamętŃmъ
119	20	женскомъ	żeńskomъ
121	8	pańskiem	pańskim
122	3	Ciężko	Ciężko
122	11	Czem	Czóm
—	13	stól ruszy	stól ruszy,
—	22	chamował	hamował

Стрц.	Стрк.	Панечатано:	Должно бытъ:
122	24	krępował	zkrępował
—	32	dłau	dłou

VII. Лужицкія нарѣчія:

123	17	λόγγος	λόγγος
—	20	Budišiu	Budyšin
124	13	Budišiu	Budyšin
126	2	receno	rjećeno
—	8	лжццл	лжцца
127	17	нд ch: budzech	на ch: budžich
—	37	Budišino, Zhořeličach	Budyšině Zhorjelicu
128	3	hromichom	gronichmy
129	20	dźiwco	džowco
—	21	rodžon	rodžen
130	19	oo	oj
131	19	rybej	rybe
—	20	rybo	rubu
132	16	petsć	peć
—	18	jadno, tsi,	jađen, tši
—	19	zases	žases
133	15	и	и
—	28—29	nesu, nes-ć, nes-s	ńes-u, ńes-ć
—	32—33	lež-y-ć, lež-y-s	lež-e-ć, lež-es
—	34	služ-i-š	služ-i-s
134	7	(nesom)	ne nado
—	11	wedu	w'edu (такое w' и на строк. 13, 14 и 15
—	19	weže	wežo
135	11	berach	b'er'ech (тоже b' и r' в м. га во всѣхъ лпцахъ и чп-слахъ верхне-луж. нар.; 2-е л. ед. ч. b'er'ešće)
—	30	nesu nošach	ńesu, ńesych
—	31	nosich, nošachu, no-sichu	ńesech, ńesychu, ńesechu
136	9 слѣд.	sym, sme sy sće je jsu smoj (ej) staj (stej) jsym	som, smy sy sće jo su sm'ej stej. sym
136	17		

136

съ 25 по 30 включ. слѣдуетъ:

		budžich, budžechmy	bužach, bužachmy
		budžiše, budžišće	bužaše, bužašće
		budžiše, budžichu (budu)	bužaše, bužachu
		budžichmoj	bužachmej
		budžištaj (štej)	bužaštej
		budžištaj (štej)	bužaštej
—	35	budža; budžoš	буду, бужош
145	24	заключается	заключается
149	30	Мородовцева	Мордовцева
150	23	сватьба	сватьба
—	25	меня	мяне
151	6	не могу	ни магу
—	8	залегла	залагла

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Церковно-славянскій языкъ	5
Болгарскій	25
Сербскій	41
Хорутанскій	67
Чешскій	84
Польскій	108
Лужицкія нарѣчія	123
Русскій языкъ	141
О системахъ дѣленія славянскихъ нарѣчій	152
Опечатки и поправки.	

